

Бонкимчондро Чоттопаддхай
Радж Сингх

Перевод с бенгали С. Цырина
Перевод под редакцией Е. Быковой.
Предисловие К. Антоновой.
Оформление художника Л. Фейнберга
© «ГизХудлит» Москва. 1960 г. 264с.

Предисловие

Автор исторического романа «Радж Сингх» Бонкимчондро Чоттопаддхай (1838–1894) является классиком бенгальской литературы и одним из создателей современного литературного бенгальского языка.

Бенгалия, где родился Бонким, первой в Индии была завоевана англичанами. Это случилось за восемьдесят лет до рождения писателя. Годы господства колонизаторов превратили Бенгалию из цветущей страны в нищую. Крестьяне были вынуждены отдавать заминдарам-помещикам большую часть своего урожая, причем десять одиннадцатых земельного налога присваивалось англичанами. Промышленность в Бенгалии развивалась крайне медленно, ремесла погибали из-за ввоза более дешевых машинных товаров из метрополии. Не удивительно, что страну часто посещал голод, который уносил сотни тысяч человеческих жизней. Тем не менее Бенгалия второй половины XIX века, хотя и медленно, мучительно, но вступала на путь капиталистического развития. В 50—60-х годах в Бенгалии возникают джутовые фабрики, небольшие металлургические предприятия, начинается добыча угля, строятся железные дороги, растут города. Деревня, став источником сырья, втягивается в товарооборот. Появляется национальная интеллигенция, — люди, получившие европейское образование, владеющие английским языком. Однако применить свои знания они могли только на службе в качестве чиновников колониального аппарата. Индийцев допускали лишь на низшие должности и платили им в несколько раз меньше, чем англичанам, но другого пути заработать на жизнь у образованного бенгальца тогда не было.

Одним из таких людей и был Бонкимчондро Чоттопаддхай. Окончив в 1858 году Калькуттский университет, он поступил на службу в качестве налогового чиновника и судьи и прослужил свыше тридцати лет в разных районах Бенгалии. Однако не служебные дела составляли главное в жизни Бонкимчондро. Очень рано он начал сотрудничать в первом журнале, выходившем на бенгальском языке, — «Пробхакор», а с 1872 года начал издавать свой журнал «Бонгодоршон». В публицистических статьях Бонкимчондро резко

критиковал произвол колонизаторов, показывая всю механику беспощадной эксплуатации крестьян.

В одной из статей Бонкимчондро описал жизненный путь типичного бенгальского крестьянина. Этот крестьянин вынужден был платить помещику-заминдару, кроме огромной арендной платы, еще всякого рода поборы. Побо́ры были незаконными, но крестьянин не мог отказаться от их уплаты потому, что, как говорит бенгальская поговорка, «если рассердишь крокодила, нельзя жить в пруду». Заминдар не давал расписки в получении аренды и мог требовать вторичной уплаты, а когда у крестьянина ничего больше не оставалось, подавал на него жалобу в местное налоговое управление, и «недоимщика» сажали в темницу. Крестьянину поневоле приходилось обращаться к ростовщику, а тот требовал высоких процентов, обманывал неграмотного крестьянина при погашении долга и затягивал его в такую кабалу, из которой тот не мог выбраться до самой смерти.

В статье, названной иронически «Прогресс страны», Бонкимчондро восклицает: «Мы показали, что страна определенно прогрессирует! Земледелие процветает, богатство растет! Правительство, заминдар, торговец, ростовщик дерутся друг с другом за это богатство — оно им приносит пользу. Только крестьянину нет от него проку!.. Для 999 человек из 1000 оно совершенно бесполезно. Пусть кто хочет славословит такой прогресс — но только не я. Я не присоединюсь к этому хору славословий до тех пор, пока не увижу, что эти 999 человек получают пользу».

Главным злом для Индии писатель считал колониальную зависимость и понимал, что освободиться индийский народ может только в борьбе, а для этого нужно было пробудить национальное самосознание народа. «Когда в сердце бенгальцев возникнет страстное желание национального счастья, — писал Бонкимчондро, — когда это желание станет таким неодолимым, что народ будет готов отдать жизнь за его исполнение, тогда бенгальцы обязательно станут сильными».

Бонкимчондро жестоко высмеивал тех бенгальцев, которые пренебрегали национальными традициями и слепо перенимали одежду, язык и манеры англичан. Он стремился воспитать в сердцах индийцев чувство национального достоинства, гордости за славное прошлое своей родины. С этой целью он написал ряд исторических романов, в которых обращался к героическим страницам истории Индии. До Бонкимчондро жанр исторического романа был почти неизвестен в индийской литературе.

Действие романа «Радж Сингх» (вышедшего первым изданием в 1882 г. и вторым, расширенным, в 1893 г.) происходит в 80-х годах XVII века. Это был период заката еще могущественной Могольской империи, охватывавшей почти всю Индию, кроме крайнего юга. Во главе империи стояла мусульманская династия Великих Моголов, феодалы-мусульмане занимали самые высокие посты. Тяжесть феодальной эксплуатации вызывала разорение крестьянства. Восстания следовали одно за другим. На западе поднялся маратхский народ во главе со своим вождем Шиваджи, в центральных районах страны оказывали сопротивление отдельные раджпутские княжества, стремясь отделиться от империи. Правителю Могольской империи Аурангзебу приходилось содержать огромную армию и перебрасывать ее на подавление восстаний то в один, то в другой конец страны. Это войско требовало огромных средств, но казна была истощена. Феодалы долгие годы проводили в походах и везли с собой свое имущество, свой гарем, предметы роскоши и все, что нужно для развлечений. Громоздкая армия Аурангзеба постепенно становилась все менее боеспособной и все чаще терпела поражения.

Для пополнения своей казны Аурангзёб в 1679 году решил возродить отмененный за сто лет до того налог, так называемую «джизию», которым облагались только индусы. Эта мера всей тяжестью легла на народные массы, в основном исповедовавшие индуизм. Вождь маратхов Шиваджи и один из вождей раджпутов Радж Сингх отправили императору Аурангзебу послания, в которых протестовали против такого произвола. Аурангзёб стал разорять и грабить индусские храмы, конфисковывать имущество индусских купцов,

Борьба против гнета Могольской империи все больше стала принимать форму индо-мусульманской розни.

В эту борьбу за независимость втянулись и индусы-раджпуты. Раджпуты были народом, населявшим область Раджпутаны, в центральной Индии. Единого раджпутского государства в то время не существовало, на территории Раджпутаны было множество отдельных княжеств. Самыми крупными из них были княжество Марвар и княжество Мевар, или Удайпур. Марвар в середине XVI века превратился в вассала Могольской империи, но Удайпур еще долго боролся за свою независимость, и его князья пользовались всяким случаем, чтобы поднять восстание против Могольской династии. Раджпуты были воинственным, свободолюбивым народом. По традиции, в колыбель младенца раджпута клали меч, а позднее боевой конь становился товарищем его игр.

Введение «джизии» вызвало возмущение всех раджпутов. Решив полностью покончить с самостоятельностью раджпутских княжеств, Аурангзеб в 1678–1691 годах двинул против них большую армию.

Источниками наших сведений об этой войне являются раджпутские сказания и официальные хроники, составленные при дворе Аурангзеба. Раджпутские сказители воспевали подвиги своих князей в эпической манере, с неизбежными преувеличениями, рисуя вождей раджпутов благородными рыцарями, а их противников — неумными и злобными тиранами. В этих сказаниях, хоть и в приукрашенном виде, воспеваются действительные события, говорится об исторических личностях, приводятся правильные даты. Эти предания — своего рода летопись, но летопись поэтическая, где к истине примешивается художественный вымысел.

По раджпутским преданиям, война с Аурангзебом началась из-за дочери раджи Рупнагара, которая отказалась войти в гарем Аурангзеба. Она послала через брахмана письмо Радж Сингху, радже Мевара, и просила его покровительства, предлагая в награду за это себя в жены. Гордая княжна писала, что скорее примет яд, чем осквернит себя, войдя в гарем неверного, мусульманина.

Предания сообщают, что, получив послание княжны Рупнагара, Радж Сингх устроил засаду в ущелье и напал на могольский отряд, который сопровождал княжну на пути в Дели. Он освободил дочь раджи Рупнагара и увез ее в Мезар. Оскорбленный этим, Аурангзеб послал войска на покорение Мевара.

Могольские же хроники утверждают, что непосредственной причиной войны послужило то, что Радж Сингх поддерживал в соседнем княжестве Марвар группировку, выступавшую против Аурангзеба. О княжне Рупнагара в могольских хрониках не упоминается.

Создавая роман о Радж Сингхе, Бонкимчондро Чоттопаддхай следовал раджпутским преданиям, на основе которых построена вся сюжетная линия романа. Раджпутским преданиям писатель следует и в объяснении причин войны с Аурангзебом, и в описании ее перипетий. Так, согласно могольским хроникам, командующими армиями Аурангзеб назначил своих сыновей — Азим-шаха и Акбара. Известно, что именно армия Акбара попала в ловушку и была почти полностью уничтожена. В романе же сам Аурангзеб возглавляет войска и оказывается запертым в ущелье, откуда он смог выйти только благодаря благородству своего противника — Радж Сингха.

Не отступал Бонкимчондро от своего источника и в обрисовке характеров главных героев. Как и раджпутские сказители, он изобразил Радж Сингха благородным, храбрым воином, ревнителем раджпутских обычаев.

Писатель стремился как можно резче оттенить все высокие качества Радж Сингха — борца за правое дело, его ум и великодушие, в противовес его противнику — угнетателю Аурангзебу. С этой целью Бонким опустил те детали в раджпутских сказаниях, которые рисовали Радж Сингха не вождем всех раджпутов, а мелким феодалом, противопоставляющим свое княжество другим. По этой же причине дочь Аурангзеба, Зеб-

ун-ниса, известная в истории как талантливая поэтесса, в романе предстает только как жестокая и испорченная властью кокетка.

Симпатии Бонкимчондро на стороне борющихся против насилия, против моголов. Больше того, его симпатии на стороне простых людей, воплощенных им в образах Нирмал, Мубарака, Маниклала, Дарии-биби и других. Бывший бездомный разбойник Маниклал не уступает в благородстве самому Радж Сингху, простой двух-сотник Мубарак более верен своему чувству, чем дочь шаха Зеб-ун-ниса, а служанка княжны Рупнагара сметливостью, стойкостью и живостью характера превосходит свою госпожу. Одна глава романа так и озаглавлена «Бедная женщина лучше шахской дочери».

Великолепны женские образы романа. Они ничем не напоминают смиренных, забитых, безвольных существ, какими в то время европейские авторы рисовали «гаремных красавиц». У Бонкимчондро женщины, наоборот, отличаются стойкостью и неустрашимостью, они готовы скорее умереть, чем отступить от своих принципов.

Посвященный событиям далекого прошлого, роман «Радж Сингх» тем не менее глубоко современен. Создание романа приходится на тот период, когда в Индии, и в Бенгалии в особенности, стали подниматься голоса протеста против все усиливавшегося экономического и политического гнета завоевателей; 50—60-е и 70-е годы XIX века ознаменовались рядом крестьянских антифеодальных и антианглийских выступлений. В национально-освободительную борьбу втягивается класс нарождающейся национальной буржуазии. В 1876 году возникает Индийская Ассоциация, а в 1885 году — Национальный Конгресс, которые основной своей задачей ставили достижение национальной самостоятельности. В первых рядах растущего национально-освободительного движения выступала в то время прогрессивная национальная интеллигенция. Среди руководителей этого движения был и Бонкимчондро Чоттопаддхай, со всей страстностью писателя-патриота призывавший к борьбе против угнетателей. Его произведения, в том числе и роман «Радж Сингх», были подчинены задачам антиколониальной борьбы.

Но не только в этом значение романа. Ценность его и в том, что в романе писатель откликнулся на проблему взаимоотношений между индусами и мусульманами, возникшую в то время в результате политики англичан, стремившихся ослабить рост национально-освободительного движения путем разжигания религиозной розни. Борьба раджпутов против Могольской империи внешне носила форму борьбы индусов против мусульман. Но за этой формой Бонкимчондро увидел и показал в своем романе политическую борьбу народа против завоевателей. Объясняя, что не в религиозной распри заключается сущность описанных им в романе событий, писатель апеллировал не к религиозным чувствам индусов, как это делали некоторые индийские патриоты в его время, а к сознательности, к патриотизму индийского народа. Стремясь к тому, чтобы эта сторона произведения была воспринята читателем правильно, Бонкимчондро в послесловии к роману обращается «с нижайшей просьбой не думать, что эта книга написана с целью подчеркнуть разницу, существующую между индусами и мусульманами». В этом отношении «Радж Сингх» стоит намного выше другого его исторического романа «Обитель радости» («Анондомотх»), в котором изображение национально-освободительной борьбы заслонено картинами религиозной вражды. Взгляды Бонкимчондро Чоттопаддхая на проблему индо-мусульманских взаимоотношений, прогрессивные в своей основе, отражены не только в романе «Радж Сингх». В одном из своих публицистических произведений, призывая к индо-мусульманскому единству, Бонкимчондро писал: «Бенгалия — страна индусов и мусульман, а не только индусов. Однако сейчас индусы и мусульмане разобщены, в их отношениях нет сердечности. Для истинного прогресса Бенгалии абсолютно необходимо установление единства индусов и мусульман».

Деятельность Бонкимчондро Чоттопаддхая, его произведения оказали большое влияние на читателей Бенгалии, особенно на молодежь. Недаром песня «Банде-Матарам» («Привет тебе, Родина-мать»), из романа «Обитель радости», на многие годы

стала гимном национально-освободительного движения.

Советский читатель с интересом прочтет увлекательно написанный роман Бонкимчондро Чоттопадхая. Яркие образы, встающие со страниц романа, как бы приближают к нам далекое прошлое, делают его близким и понятным.

Часть первая

Раздавленный портрет

Глава первая

Продавщица миниатюр

В горах Раджастана некогда существовало небольшое княжество Рупнагар. У каждого княжества, будь оно большое или маленькое, непременно должен быть князь, и ничто не мешает радже даже маленького княжества избрать себе громкое имя. Раджу Рупнагара звали Викрам Сингх¹. Несколько позже мы познакомимся с ним поближе.

А сейчас нам хочется заглянуть во внутренние покои его дворца. Княжество Викрам Сингха было маленькое, и его столица и дворец вполне соответствовали ему по размерам. Одна из комнат дворца отличалась богатым убранством. Пол в ней был выложен белыми и черными плитками наподобие ковра, беломраморные стены украшены разноцветными драгоценными камнями. В те времена было в моде подражание Тадж Махалу² и Павлиньему трону³, и поэтому на стенах были изображены фантастические птицы, которые в фантастических позах сидели на фантастических лианах, держали в клювах фантастические цветы и клевали фантастические плоды. На огромном пушистом ковре сидели женщины. Великолепие разноцветных одежд и украшений слепило глаза, стройные женские фигуры — белоснежные, как лепесток арабского жасмина, нежно-розовые, как лотос, золотистые, как цветы дерева чампак, смуглые, как первые побеги весенней травы, — затмили бы своей красотой драгоценные камни, добытые из земных недр. Одни жевали бетель⁴, другие курили кальян, третьи, поблескивая жемчужным кольцом в носу, рассказывали историю жены Бхима Сингха — Падмини⁵ четвертые с таким жаром перемывали косточки своих ближних, что алмазные серьги дрожали у них в ушах. Почти все они были молоды — смеху и шуткам не было конца.

Причиной этого веселья была старуха, пришедшая во дворец продавать миниатюры — маленькие портреты, искусно нарисованные на пластинках из слоновой кости. Старуха

1 Викрам (санскр.) — сила, могущество. Сингх — лев.

2 Тадж Махал — мавзолей, построенный могольским императором Шах-Джаханом в память своей любимой жены. Выдающийся памятник архитектурного и прикладного искусства XVII в.

3 Павлиний трон — трон могольских падишахов, богато украшенный драгоценными камнями, шедевр ювелирного искусства.

4 Бетель — лист бетеля вместе с пряностями, завернутыми в него, — национальное индийское лакомство

5 Падмини — жена раджпутского вождя XIV в. Бхима Сингха, хитростью освободившая своего мужа из рук султана Алауддина.

одну за другой доставала их из складок своей одежды, а девушки спрашивали, кто на них изображен.

Когда старуха вынула первую миниатюру, одна девушка спросила:

— Чей это портрет?

— Это портрет сына падишаха, — ответила старуха.

— Не болтай глупости, бабушка, мне знакома эта борода. Это борода моего деда, — сказала девушка.

— Что такое? — вмешалась другая. — К чему это ты приплела своего дедушку? Ведь это борода твоего жениха. — И, обернувшись к остальным, бойкая на язык красавица прибавила — Как-то раз в этой бороде спрятался скорпион, моя подружка убила его веником.

Девушки громко расхохотались. Торговка показала следующий портрет:

— Это падишах Джахангир⁶.

Бросив взгляд на портрет, насмешница спросила:

— А сколько он стоит?

Старуха запросила очень высокую цену.

— Это цена картинки, — продолжала девушка. — А за сколько Нур-Джахан⁷ получила самого Джахангира?

На этот раз сострила старуха:

— Даром, — ответила она.

— Если оригинал ничего не стоит, — подхватила остроумная девушка, — то почему бы тебе не сбросить цену на копию?

Снова раздался взрыв хохота. Рассердившись, старуха спрятала миниатюры.

— Если вы будете смеяться, — проворчала она, — я ничего вам не продам. Пусть придет сама раджкумари⁸, тогда я буду показывать портреты. Я принесла их для нее.

— А я и есть раджкумари! — разом заговорили семь девушек с семи сторон. — Бабушка, это я — раджкумари.

Озадаченная старуха беспомощно оглядывалась по сторонам, и это вызвало новый взрыв смеха.

Внезапно шум и веселье утихли — девушки только переглядывались да перемигивались, на губах у них, подобно зарницам после дождя, заиграла озорная улыбка.

Пытаясь понять, что произошло, старуха обернулась и увидела статую богини.

Не мигая глядела она на это чарующее взор изображение, словно изваянное из белого камня — как оно было прекрасно! Если бы не ослабевшее с годами зрение, она увидела бы, что ни один камень не обладает подобной белизной, у безжизненного камня и даже у лепестков цветка не бывает такого изумительного оттенка. Вглядевшись, старуха заметила, что богиня улыбается. «Нет, наверно это не статуя, — подумала старуха. — Статуя ведь не может улыбаться».

На нее с улыбкой смотрели длинные, черные, живые, влажные, большие глаза.

Старуха не знала, что и подумать, она переводила взгляд с одного лица на другое, но так ничего и не поняла.

— Ну объясните же мне, в чем дело, — задыхаясь, спросила она девушек, которые с трудом удерживались от смеха.

Одна красавица не сумела удержаться — веселье хлынуло через край, смех фонтаном вырвался на свободу. В припадке смеха она стала кататься по ковру. Ошеломленная, старуха расплакалась.

Тогда богиня разомкнула уста.

— Что ты плачешь, бабушка? — мягко спросила она.

---

⁶ Джахангир — могольский император (1605–1627).

⁷ Нур-Джахан — любимая жена Джахангира, пользовавшаяся сильным влиянием на императора. Он познакомился с Нур-Джахан на новогоднем базаре при дворе, где она была продавщицей.

⁸ Раджкумари — дочь раджи, принцесса.

Старуха поняла, что перед ней не прекрасное изваяние богини, а живой человек — жена или дочь раджи, и молча простерлась у ее ног. Это было преклонение не перед знатным происхождением, а перед красотой. Красота, поразившая старуху, была достойна преклонения.

Глава вторая

Принцесса наступает на портрет

Изумительная красавица, перед которой пала ниц продавщица миниатюр, была дочерью раджи Рупнагара. Звали ее Чанчал-кумари. А девушки, которые потешались над старухой, были ее подружки и служанки. Войдя в комнату, Чанчал-кумари молча наблюдала за их проказами и тихо смеялась.

— Кто ты? — ласково спросила она старуху.

— Она пришла продавать миниатюры, — поспешили объяснить девушки.

— Так что же вас так рассмешило? — спросила принцесса.

Девушки смутились.

— Разве мы виноваты, — ответила та из них, которая насмешничала над подружкой. — Бабушка показывала нам портреты падишахов давно ушедших времен — оттого мы и смеялись. Неужели же в нашем дворце нет изображений Шах-Джахана⁹ или Джахан-гира?

— Ну и что же, — возразила старуха. — Разве нельзя купить еще? Как же мы, бедняки, заработаем себе на жизнь, если вы не станете покупать наших картинок?

Чанчал-кумари принялась рассматривать миниатюры. Старуха показала ей портреты Акбара¹⁰, Джахангира, Шах-Джахана. Нур-Джахан и Нур-Махал¹¹. Принцесса с улыбкой вернула их обратно. — Они наши родственники¹² — сказала она, — их портретов у нас достаточно. А портреты индусских раджей у тебя есть?

— Как не быть?

Старуха достала портреты раджи Ман Сингха, Бир Бала, Джай Сингха¹³ и других. Принцесса вернула и их.

— Нет, эти я тоже не возьму, — сказала она. — Они не индусы, а слуги мусульман.

— Не знаю, кто там чей слуга, — усмехнулась старуха. — Я показываю, что у меня есть. Не нравится — не бери.

Она продолжала вынимать миниатюры. Принцесса отобрала портреты Пратапа, Амар Сингха, Карны, Джасвант Сингха¹⁴ и несколько других. Одну миниатюру старуха спрятала, не показав. Что это ты там прячешь? — поинтересовалась Чанчал-кумари. Старуха промолчала. Принцесса повторила свой вопрос.

— Не осуждайте меня, — испуганно сложив руки, взмолилась старуха. — Этот

---

9 Шах-Джахан — сын Джахангира, могольский император (1628–1658).

10 Акбар — отец Джахангира, могольский император (1556–1605).

11 Нур-Махал, или Мумтаз-Махал — любимая жена Шах-Джахана.

12 Со времен Акбара могольские правители брали себе в жены раджпутских княжон (рани). Джахангир был сыном княжны Амбера, Шах-Джахан — княжны Мевара. Поэтому раджпутка-княжна иронически называет их своими родственниками.

13 Ман Сингх — князь Амбера, и радж Бир Бал были военачальниками императора Акбара. Бир Бал был поэтом и занимал при Акбаре должность шута. Анекдоты о нем и его остроумии вошли в индийский фольклор. Джай Сингх — военачальник могольского императора Аурангзеба.

14 Пратап (или Партап) Сингх — правитель Мевара, единственный из раджпутских князей того времени, который всю жизнь боролся против Акбара за независимость своего княжества. Амар Сингх — раджпутский князь Удайпура, сын Пратап Сингха; защищал независимость княжества от Джахангира. Карна — сын Амар Сингха, взошедший на престол в 1621 г., продолжал его дело. Джасвант Сингх — правитель раджпутского княжества Марвар; в борьбе за престолонаследие, разгоревшейся в 1658–1659 гг. в связи с тяжелой болезнью Шах-Джахана, выступал против Аурангзеба. Раджкумари в романе выбирает портреты врагов могольских правителей и отвергает портреты тех, кто подчинился моголам.

портрет попал сюда совершенно случайно.

— Чего ты так испугалась? — спросила принцесса. — Чей это портрет ты так боишься показать?

— Вам лучше на него не смотреть. Это портрет врага вашего дома.

— Кто же он?

— Радж Сингх, — с испугом ответила старуха.

— Герой не может быть врагом женщин, — со смехом проговорила принцесса. — Я возьму этот портрет.

Старуха достала портрет Радж Сингха. Чанчал-кумари долго-долго смотрела на него — лицо ее осветилось, глаза широко раскрылись. Заметив это, одна из подружек тоже пожелала взглянуть. Передавая ей портрет, Чанчал-кумари сказала:

— На него действительно стоит посмотреть. Портрет стали передавать из рук в руки. Радж Сингх был не молод, но все в один голос принялись расхваливать его внешность.

Воспользовавшись этим, старуха заломила за миниатюру двойную цену.

— Госпожа, — сказала она, — если уж говорить о героях, я покажу тебе еще один портрет. Есть ли на земле кто-нибудь, кто может сравниться с этим человеком?

С этими словами старуха вынула миниатюру и вручила ее раджпутской принцессе.

— Кто это? — спросила Чанчал-кумари.

— Падишах Аламгир¹⁵, — ответила старуха.

— Я возьму этот портрет, — сказала принцесса.

С этими словами она приказала служанке принести деньги за купленные миниатюры.

— Хотите позабавиться? — предложила своим подружкам Чанчал-кумари.

— А как? Скажи, как? — хором закричали падкие до развлечений девушки.

— Вот я кладу на пол портрет падишаха Аламгира. Пусть каждая из вас по очереди пнет его ногой в лицо. Посмотрим, чей удар сломает ему нос.

У подружек лица вытянулись от страха.

— Не говори таких слов, кумариджи¹⁶! Если даже вороны подслушают нас, от рупнагарской крепости не останется камня на камне.

Принцесса со смехом бросила портрет на пол.

— А ну, кто пнет его ногой?

Никто не двинулся с места. Одна из подруг принцессы по имени Нирмал подошла к ней и зажала ей рот.

— Опомнись, что ты говоришь! — воскликнула она.

Чанчал-кумари не торопясь наступила на портрет Аурангзеба украшенной драгоценностями левой ногой (пожалуй, это лишь увеличило красоту портрета), слегка пригнулась, послышался хруст, и портрет Аурангзеба треснул под пятой раджпутской принцессы.

— О горе нам! Что ты наделала! — простонали в ужасе ее подруги.

— Играя в куклы, девочки удовлетворяют свое желание нянчить детей, — с улыбкой проговорила принцесса. — Так и я удовлетворила свое желание пнуть ногой в лицо могольского падишаха. Милая Нирмал, — прибавила она, обращаясь к своей подружке, — желания девочек сбываются — в положенное время они обзаводятся настоящими детьми. Неужели мое желание не осуществится? Неужели я никогда не смогу самого Аурангзеба вот так же...

Нирмал зажала ей рот, не дав договорить, но все и так поняли смысл недосказанного. У старухи испуганно забилося сердце — поскорее бы унести ноги из этого места, где ведут такие опасные речи! В это время служанка принесла деньги, и старуха, взяв их, бросилась вон.

За дверью ее догнала Нирмал.

---

15 Аламгир — «Покоритель мира» — имя могольского императора Аурангзеба (1658–1707).

16 Кумариджи — «джи» — приставка, выражающая уважение. Кумари — княжна, девушка.

— Бабушка, — сказала она, сунув ей в руку золотую монету, — прошу тебя, никому не говори, что ты здесь услышала. Принцесса может наговорить невесте что — она еще совсем ребенок.

— Да разве об этом нужно говорить! — взяв монету, ответила старуха. — Я ваша покорная раба и буду держать язык за зубами.

Нирмал, успокоенная, вернулась к своим подружкам

Глава третья

Разговор о портретах

На следующий день, когда Чанчал-кумари сидела одна и внимательно разглядывала купленные накануне миниатюры, к ней пришла Нирмал.

— За кого из них ты хотела бы выйти замуж? — спросила принцесса, обращаясь к Нирмал.

— Портрет того, за кого я хотела бы выйти замуж, ты раздавила ногой, — ответила Нирмал.

— За Аурангзеба! — воскликнула Чанчал-кумари.

— А что в этом удивительного?

— Но ведь он же негодяй из негодяев! Свет не видывал подобного зверя!

— Ну что ж, мне нравится укрощать зверей. Ты не забыла, я вскармливала тигров? Поэтому-то мне и хотелось бы стать женой Аурангзеба.

— Но ведь он мусульманин!

— В моих руках сам Аурангзев стал бы индусом.

— Чтоб ты умерла!

— Ничего не имею против, только прежде чем умереть, я хотела бы узнать, чей это портрет ты так усердно разглядываешь.

Чанчал-кумари поспешно перемешала миниатюры.

— Какой портрет я рассматривала? — ответила она вопросом на вопрос. — Ну к чему возводить на человека напраслину?

— Разве рассматривать портрет это позорно? — рассмеялась Нирмал. — Раджкумари, твой гнев выдает тебя. Дай мне взглянуть на миниатюры, и я узнаю, кому выпало такое счастье.

— Шаху Акбару, — пошутила Чанчал-кумари.

— Раджпутская девушка может ударить за одно имя Акбара. Ты говоришь неправду. — С этими словами Нирмал принялась перебирать миниатюры. — Я заметила, — прибавила она, — что на оборотной стороне портрета, который ты рассматривала, есть темное пятно.

Отыскав по этой примете миниатюру, Нирмал протянула его Чанчал-кумари.

— Вот она.

Чанчал-кумари сердито отбросила портрет.

— Тебе, видно, больше нечего делать, так ты пристаешь к другим. Уходи.

— Не уйду, — ответила Нирмал. — Ну скажи, что ты нашла в портрете этого старика?

— Старика?! — возмутилась Чанчал-кумари. — Где твои глаза?

Нирмал нарочно поддразнивала Чанчал-кумари. Гнев принцессы вызвал у нее чуть заметную улыбку. Нирмал была красавица, и эта очаровательная, немного насмешливая улыбка очень шла ей.

— Пусть даже на портрете он не выглядит стариком, — продолжала она, — но говорят, что махарана ¹⁷ Радж Сингх далеко не молод. У него два взрослых сына.

— Так это портрет Радж Сингха? — притворно удивилась Чанчал-кумари. — Я этого не знала.

---

¹⁷ Махарана — титул князя Удайпура.

— У тебя короткая память. Радж Сингх уже не молод, да и нельзя сказать, что хорош собой. Почему же тогда ты уделила ему такое внимание?

В ответ Чанчал-кумари прочла ей стихотворение:

— Гоури¹⁸ мечтает о пепельном Шиве,
Радха¹⁹ мечтает о смуглом Кришне,
Шочи²⁰ о тысячеглазом Индре,
А героиню влечет к герою.
Ганга ревет в волосах у Шивы,
Земля лежит на капюшоне Васуки²¹,
Ветер дружит с огнем,
А сердце девушки поклоняется герою.

— Теперь ты видишь, что попалась в собственную ловушку, — сказала Нирмал, когда Чанчал-кумари прочитала ей это стихотворение. — Но неужели ты думаешь поклонением завоевать Радж Сингха?

— Кто же поклоняется, чтобы завоевать? Разве ты поклоняешься Аурангзебу с мыслью его покорить?

— Я поклоняюсь Аурангзебу, — возразила Нирмал, — как кошка — мыши. Если мне не достанется Аурангзев, то игра в кошки-мышки для меня будет кончена в этой жизни. А как ты смотришь на это?

— И для меня игра в замужество будет кончена в этой жизни.

— Что ты говоришь, раджкумари? От одного только взгляда на портрет?.. Нет, так не бывает!

— Разве я знаю, как это все произошло? Знаем ли мы с тобой, вообще, что и отчего бывает?

Мы тоже не знаем, что произошло с Чанчал-кумари. Мы не знаем, что бывает от одного взгляда на портрет. Любовь возникает между людьми, но может ли родиться любовь от взгляда на портрет? Может, если для вас за изображением встает живой человек. Может, если еще раньше вы создали какой-то образ в своем сердце и затем представите портрет воплощением созданного вами образа, вашей мечты. Случилось ли что-нибудь подобное с Чанчал-кумари? Кто поймет сердце восемнадцатилетней девушки?

Но что бы ни происходило в ее душе, она поступила неосторожно, позволив разгореться огню в своем сердце, потому что впереди ее ожидали большие несчастья. Однако обо всем этом мы расскажем в свой черед.

Глава четвертая

Старуха держит слово

Старуха, продававшая миниатюры, жила в Агре. Со своим товаром она путешествовала по всей Индии. Вернувшись домой, она узнала, что приехал ее сын. У него была лавка в Дели.

В недобрый час отправилась старуха продавать миниатюры в Рупнагар. Теперь ей не терпелось кому-нибудь рассказать о дерзком поступке Чанчал-кумари. Пожалуй, ее не снедало бы такое нетерпение, если бы Нирмал не дала ей денег и не попросила ее молчать. Но запрет сделал для нее молчание совершенно невыносимым. Что было делать старухе? Она дала обещание молчать и, кроме того, взяв деньги, связала себя узами благодарности.

---

18 Гоури — одно из имен богини Дурги, супруги бога Шивы.

19 Радха — возлюбленная бога Кришны.

20 Шочи — жена бога Индры.

21 Васуки — гигантский змей, часто фигурирующий в индийской мифологии.

Понимала она и то, что, если о поступке Чанчал-кумари станет известно жестокому падишаху, он может подвергнуть ее суровой каре. Старуха лишилась сна и аппетита. Вначале она крепилась, дав себе клятву держать язык за зубами. Когда ее сын сел обедать, старуха положила ему на глиняную тарелку сочный кусок жареного мяса и сказала:

— Кушай, сынок, кушай. Я приготовила это жаркое по случаю возвращения из Рупнагара. Ты такого еще не пробовал.

— Мать, — обратился к ней сын, принимаясь за еду. — Ты обещала мне рассказать что-то о Рупнагаре.

— Молчи! — ответила старуха. — Не болтай лишнего! Разве я тебе что-нибудь обещала? Я просто обмолвилась.

Она уже забыла, что при встрече с сыном желание рассказать о случае с Чанчал-кумари стало таким нестерпимым, что она невольно выдала себя.

— Ты говоришь, чтобы я замолчал, — продолжал сын, — а что, если я не замолчу?

— Да мне нечего и рассказывать, сынок.

— Ну, тогда не рассказывай.

— Пожалуй, только вот о случае с рупнагарской принцессой.

— Говорят, она очень хороша собой? Или это не правда?

— Это неправда — у девчонки слишком много спеси. О, аллах! Нет, больше я ничего не скажу!

— Но какое мне дело до Рупнагара и до спеси рупнагарской принцессы?

— Гордость у нее непомерная, сынок. Бесстыдница ни во что не ставит самого падишаха Аламгира.

— Она ругала падишаха?

— Ругала? Нет, сынок, здесь кое-что похуже.

— Похуже? Может ли это быть?

— Не спрашивай меня больше ни о чем, я связала себя узами благодарности. Каким образом?

— Я приняла золотую монету.

— За что тебе ее дали?

— После того, как был совершен этот грех, мне дали монету, чтобы я держала язык за зубами.

— Ну, хорошо. Тогда не говори: — мне ничего, но отдай монету.

— Что ты, что ты, сынок!

— А если не хочешь отдавать, расскажи, как было дело.

— Да что же рассказывать. Портрет падишаха... о боже, боже! Все ясно и так...

— Она сломала портрет?

— Наступила на него ногой. О боже, я нарушила клятву!

— Какое же здесь нарушение клятвы! Ты моя мать, а я твой сын. Мы ведем разговор между собой — что в этом плохого?

— Но только смотри, сынок, никому больше не говори об этом.

— Ты сама должна понимать, что я буду нем как рыба.

Успокоенная этим обещанием, старуха с живописными подробностями рассказала сыну о том, как Чанчал-кумари раздавила ногой портрет Аурангзеба.

Глава пятая

Дария-биби

Сына старухи звали Хизр Шейх. Он рисовал миниатюры. Проведя два дня с матерью, он уехал в Дели. Там у него была жена Фатима. Хизр Шейх рассказал жене все, что слышал от матери.

— Сейчас же ступай к Дарии-биби, — сказал он жене, окончив свой рассказ. — Скажи

ей — пусть сообщит эту новость Бегум-сахебе²². На этом можно подзаработать.

Дария-биби жила в соседнем доме. В дом ее можно было проникнуть с черного хода, и Фатиме удалось пробраться к ней никем не замеченной.

Нет никакой необходимости знакомить читателей с Хизр Шейхом или Фатимой подробней, но о Дарии-биби следует рассказать. Настоящее ее имя было Да-рир-ун-ниса или что-то в этом роде, но никто ее так не называл, все звали ее просто Дария-биби. У нее не было ни отца, ни матери, была только старшая сестра-да старуха тетка. В доме у них не было ни одного мужчины. Дарии-биби едва минуло семнадцать лет, к тому же она была маленького роста и по виду никто не давал ей больше пятнадцати. Красота ее была подобна едва раскрывшемуся бутону. Уст ее не покидала улыбка.

Сестра Дарии-биби умела отлично приготавливать сурьму и благовонные масла. На двуколке или на носилках сестры отправлялись в дома богатых людей и, продавая сурьму и благовония, зарабатывали себе на жизнь. Нередко с наступлением ночи бедным женщинам приходилось ходить и пешком. Дарии-биби удалось проникнуть даже в гарем падишаха, куда никто не имел доступа. Об этом мы расскажем потом.

Фатима передала Дарии-биби рассказ о Чанчал-кумари и сказала, что на нем можно заработать.

— Для этого нужно пробраться в гарем падишаха, а откуда мы возьмем пропуск? — возразила Дария-биби.

— Да ведь у тебя же есть пропуск, — напомнила ей Фатима.

Дария-биби открыла свою корзину и достала из нее какой-то листок бумаги.

— Ты права, — сказала она, повертев его в руках. Дария-биби взяла немного сурьмы, захватила пропуск и направилась ко дворцу.

Часть вторая Ад в раю

Глава первая Предсказание судьбы

В лунном свете многолюдный великий город Дели на берегу Джамуны, струящей свои

---

22 Бегум-сахеба — старшая дочь императора.

голубые воды среди белых песчаных пляжей, сверкает, как россыпь драгоценностей — тысячи мраморных башен, куполов и минаретов, вздымаясь в небо, отражают сияние луны. Величественная колонна Кутб-Минара²³ кажется издалека высоким столбом дыма, а четыре минарета Джамма Масджид²⁴ тянутся к луне, пронзая темно-синее ночное небо. По обочинам дорог тянутся базары и лавки, украшенные сотнями фонариков. Воздух напоен ароматом розового масла, запахом цветов из цветочных лавок, из домов доносится музыка, смех, звон украшений, и все это вместе взятое создает странное очарование, которое можно сравнить с прохладной тенью райского сада среди адского зноя. Обилие цветов, волны ароматов, бреление браслетов танцовщицы, голос певицы, бегущий вверх и вниз по всем ступеням гаммы, четкий ритм танца, отбиваемый рукой стройной красавицы, рекой льющееся вино, непрерывная перестрелка огненных взглядов, груди плова и кхичури²⁵, жестокие, лживые, нежные и хитрые улыбки; на дорогах не смолкает топот конских копыт, грубые окрики носильщиков паланкина, звон колокольчиков слонов, дребезжание двуколок и визг колес крестьянских повозок.

Посреди города — великолепный торговый квартал Чандни-Чок. По его улицам разъезжают на конях раджпутские и могольские стражники. В лавках квартала выставлено все, что только есть ценного на свете. В одном месте среди толпы под звуки саренги²⁶ танцует и поет танцовщица, в другом показывает фокусы бродячий фокусник, а вокруг стоят и глазят сотни людей.

Самая густая толпа вокруг «предсказателей судьбы». Вряд ли астрологи пользовались когда-нибудь таким почетом, как во времена могольских падишахов. И индусы и мусульмане относились к ним с равным уважением. Могольские падишахи были ревностными почитателями астрологии, нередко они не приступали к важным делам, не посоветовавшись прежде с предсказателем. Вскоре после событий, описанных в этой книге, младший сын Аурангзеба, Акбар, поднял восстание против своего отца. В его распоряжении было пятьдесят тысяч раджпутов. У Аурангзеба войска было мало, но, доверившись предсказанию звездочета, Акбар промедлил с выступлением. Тем временем Аурангzeb, прибегнув к хитроумному маневру, сорвал его замыслы.

В Чандни-Чоке предсказатели в высоких тюрбанах располагались прямо на краю дороги. Они сидели, разложив перед собой ученые книги, их обступали сотни мужчин и женщин, желавших узнать свою судьбу. Даже затворницы-мусульманки, закутанные в покрывало, приходили сюда украдкой, преодолевая свою застенчивость. Вокруг одного предсказателя собралась особенно большая толпа. Возле толпы бродила девушка. Лицо ее было спрятано под покрывалом. Видно было, что ей очень хотелось пробраться к предсказателю, но у нее не хватало смелости. В это время мимо проезжал всадник.

Всадник был молод и, судя по внешности, настоящий аристократ. Даже среди моголов не часто встретишь такого красавца. Юноша был изысканно одет.

В толпе ему пришлось попридержаться своего породистого коня. Заметив всадника, девушка, нерешительно смотревшая на толпу, подошла к нему и ухватила за поводья.

— Мубарак-сахеб²⁷, Мубарак! — воскликнула она. Мубарак (так звали всадника) спросил ее:

— Кто ты?

— О аллах! Неужели ты не узнаешь?

— Дария? — удивился Мубарак.

— Ты угадал.

— Почему ты здесь?

— Я бываю повсюду. Может быть, ты мне запретишь?

---

23 Кутб-Минар — минарет близ Дели, построенный в XIII в.

24 Джамма Масджид — соборная мечеть в Дели.

25 Кхичури — индийское блюдо из вареного риса и бобовых.

26 Саренги — струнный музыкальный инструмент.

27 Сахеб — господин

— Зачем стану я запрещать? Кто ты мне? Но, может быть, ты чем-нибудь нуждаешься? — прибавил он, смягчив тон.

— Стыдись! — зажав уши, воскликнула Дария. — Твои деньги для меня нечисты. Мы с сестрой умеем готовить благовония и сурьму.

— Зачем же ты меня остановила? — спросил Мубарак.

— Сойди с коня, тогда скажу. Мубарак спешился.

— Ну, говори.

— Там в толпе сидит звездочет, — сказала Да-Дария — Он приехал в Дели недавно. Я слышала, здесь такого еще не видели. Ты должен узнать у него, что тебя ожидает в жизни.

— А что тебе в моей судьбе? Погадай лучше о своей.

— Мне гадать нечего, — отвечала Дария. — Свою судьбу я знаю и без предсказателя. Мне нужно узнать твою.

Дария схватила Мубарака за руку и потащила его за собой.

— Но кто подержит моего коня? — спросил он. Тут же на дороге стояли полуголые ребятишки и безмятежно жевали сласти.

— Пусть кто-нибудь из вас подержит моего коня, — обратился к ним Мубарак. — Я куплю вам за это сладости.

Тотчас же двое или трое ребятишек ухватились за поводья, а один, почти совсем голый, даже взобрался на коня. Мубарак замахнулся было на него, но этого можно было не делать: конь вскинул задом, и мальчишка очутился на земле. Подбежавшие ребятишки вырвали у него из рук сласти и быстро поделили их между собой. Убедившись, что за коня можно не беспокоиться, Мубарак отправился к предсказателю.

Люди почтительно расступились перед Мубараком. Дария-биби проскользнула вслед за ним. Звездочет долго всматривался в ладонь Мубарака и наконец проговорил:

— Вам следует жениться.

— Он уже женат, — послышался из-за спины Мубарака голос Дарии-биби.

— Кто это сказал? — спросил звездочет.

— Одна безумная, — ответил Мубарак. — Можете ли вы сказать, на ком я женюсь?

— Вы женитесь на принцессе, — сказал звездочет.

— И что тогда будет? — спросил Мубарак. — Вас ожидает высокое звание...

— И смерть, — добавила из толпы Дария-биби.

— Кто это? — снова спросил звездочет.

— Все та же безумная.

— Она не безумная, — возразил звездочет. — Я думаю, это говорил не человек, а нечистая сила. Я не стану больше гадать вам.

Так и не поняв, что ожидает его в будущем, Мубарак расплатился со звездочетом и стал разыскивать в толпе Дарию-биби. Но та как сквозь землю провалилась. Помрачневший Мубарак вскочил на коня и отправился в крепость. Разумеется, ребятишки сполна получили обещанное.

Глава вторая

Зеб-ун-ниса

Продала ли Дария-биби свои новости? И что такое вообще продажа новостей? Кому она должна была их продать? Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, нам придется кое-что рассказать о гареме могольского императора.

Женщины Индии славятся как умелые правительницы. На западе было мало таких женщин, как Зиновия, Изабелла, Елизавета или Екатерина²⁸. Но в Индии многие женщины

---

²⁸ Зиновия — правительница древней Пальмиры, Изабелла — королева испанская, Елизавета — английская королева, Екатерина Вторая — императрица России — правительницы, известные широтой и активностью своей политики.

царского рода были опытными политиками.

Дочери могольских императоров пользуются в этом отношении особой известностью. Однако насколько они были искушены в политике, настолько же были они одержимы чувственностью и жадой наслаждений. Аурангзеб имел двух сестер — Джаханару и Раушенару.

Джаханара была правой рукой Шах-Джахана. Без ее совета он не предпринимал ни одного государственного дела. Следуя ее советам, Шах-Джахан добивался успеха и славы. Джаханара была ревностной сторонницей своего отца. Но в еще большей мере она была наделена страстью к наслаждениям. Она имела множество фаворитов. Среди них путешественники-европейцы называют таких людей, имена которых, если бы они были здесь упомянуты, очернили бы страницы этой книги.

Раушенара, эта верная союзница Аурангзеба, ненавидела своего отца. Подобно Джаханаре она была ловким политиком и так же, как она, была неразборчива, неукротима и ненасытна в удовлетворении своих страстей. Когда Аурангзеб решил свергнуть отца, заточить его в темницу и захватить власть, Раушенара была его главной помощницей. Аурангзеб был очень многим ей обязан. В царствование Аурангзеба Раушенару называли вторым падишахом. Но на горе Раушенары у нее появилась опасная соперница.

У Аурангзеба было три дочери. Двух младших он выдал замуж за сыновей своих братьев, которых держал в заточении. Старшая дочь, Зеб-ун-ниса, не вышла замуж и подобно своим теткам, как весенняя пчела, пила мед, перелетая с цветка на цветок.

Раушенара и Зеб-ун-ниса нередко соперничали в любви. Задумав погубить тетку, племянница пользовалась всяким удобным случаем, чтобы заговорить о ее могуществе в присутствии своего отца. Следствием этого было то, что Раушенара исчезла с лица земли, а Зеб-ун-ниса заняла ее положение при дворе.

Мы не случайно заговорили о положении при дворе. Кроме евнухов, ни один мужчина не заходил в гарем падишаха, по крайней мере не имел на это права. Для охраны женской половины дворца содержалась особая женская стража. Индусские раджи нанимали стражу из иноверцев. Могольские падишахи поступали точно так же. В гареме могольского императора стражу несли татарские красавицы. У этой женской стражи была начальница Раушенара. Ее положение при дворе считалось очень высоким, она получала соответствующее жалование и почести. Но после того как она неожиданно исчезла в потусторонней мгле, на ее место была назначена Зеб-ун-ниса. Та, кого назначали начальницей женской стражи, становилась полновластной хозяйкой гарема. Все подчинялись Зеб-ун-нисе — телохранительницы, евнухи, служанки, привратники, носильщики, повара. Она могла впускать в гарем всех кого пожелает.

Зеб-ун-ниса впускала в гарем людей двух видов — любовников и осведомителей.

Мы уже говорили, что Зеб-ун-ниса играла немаловажную роль в политике, руль корабля могольского государства в какой-то степени находился и в ее руках. Ее называли — «путеводной звездой» Могольской империи. Всем известно, что политическим деятелям совершенно необходимо получать информацию, то есть тайными путями узнавать, что и где происходит. Примером могут служить все политики; начиная с повелителя Айодхьи Рамачандры²⁹, у которого был шпион Дурмукха, и кончая Бисмарком. Зеб-ун-ниса отлично все это понимала. Для сбора сведений она использовала все средства. У нее было несколько человек, которые специально этим занимались. Одним из них был торговец миниатюрами Хизр Шейх. Он узнавал новости от своей матери, которая, торгуя миниатюрами, ездила по всей Индии. Сестра Дарии-биби продавала сурьму, ходила по городу и тоже собирала немало сведений. Все, что ей удавалось узнать, Дария-биби сообщала Зеб-ун-нисе. Зеб-ун-ниса каждый раз давала ей вознаграждение. В этом и заключалась продажа новостей. Для того, чтобы Дария-биби могла беспрепятственно проходить в гарем, Зеб-ун-ниса выдавала ей пропуск. В нем было написано: «Дарии-биби разрешается проходить в гарем для продажи

---

29 Рамачандра — или Рама — герой древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяна»

сурьмы».

Но когда Дария-биби в этот раз приблизилась к дверям гарема, на пути ее возникло неожиданное препятствие. Она увидела, что в гарем вошел Мубарак. Дария-биби немного выждала и затем пошла за ним вслед. Войдя, она увидела, что Мубарак скрылся в покоях Зеб-ун-нисы. Дария-биби спряталась в тени беседки и стала ждать.

Глава третья

В аду богатства

Сердцем великого Дели была крепость, а сердцем крепости — дворцы падишаха. За стенами этих дворцов хранились неисчислимые богатства и драгоценности, каких не набралось бы во всей Индии. Вряд ли во всей Индии можно было найти столько красавиц. Едва ли во всей Индии совершалось столько преступлений. Сердцем дворцов был гарем, или Рангмахал³⁰. Свет луны и солнца не проникал в это царство Куберы³¹ и Кан-дарпы³²; сам бог смерти Яма входил туда украдкой; даже воздух не имел туда доступа. Там все было необычайно — и покои, и их убранство, и их обитательницы. Нигде не было подобных залов из белого мрамора, украшенных по стенам орнаментом из драгоценных камней, таких садов, посрамляющих райские кущи, таких красавиц, затмевающих славу небесных дев Урваши, Менаки и Рамбхы. Нигде на свете не было такой роскоши. Нигде не совершалось и столько страшных грехов. Заглянем в покои Зеб-ун-нисы.

Покои ее великолепны. Пол выложен белым и черным камнем. Стены отделаны белым мрамором. На мраморе инкрустация из драгоценных камней — лианы, листья, цветы, плоды, птицы и пчелы. В верхнюю часть стен вставлены зеркала в золоченых рамах. С потолка свисает сотканный из серебряных нитей балдахин с расшитой жемчугом каймой, увитый гирляндой свежесорванных цветов. Пол застлан ковром, превосходящим своей мягкостью нежную весеннюю траву. На ковре — украшенное редкими камнями ложе из слоновой кости. На золототканом узорчатом покрывале — шитые золотом бархатные подушки. По краям ложа множество душистых цветов во всевозможных вазах, сосуды с благовониями и розовым маслом, тщательно приготовленный ароматный бетель. В красивых кувшинах стоят дорогие вина. И среди всего этого великолепия, затмевая собой красоту цветов и блеск драгоценностей, у окна с чашей вина в руке сидела красавица Зеб-ун-ниса. Подставляя дуновению прохладного ветерка увенчанную цветами голову, она наслаждалась зрелищем усыпанного звездами ночного неба. В это время в ее покои вошел Мубарак.

Мубарак сел рядом с Зеб-ун-нисой и с удовольствием принял предложенный ему бетель.

Любит истинно тот, кто без зова придет, — проговорила Зеб-ун-ниса.

— Придя незванным, я нарушил приличия, — ответил Мубарак. — Но просящий милостыню не ждет, когда его позовут.

— О чем же ты молишь, любимый?

— О том, чтобы мулла, совершив обряд, дал мне право на это обращение.

— Ты все о том же! — засмеялась Зеб-ун-ниса. — Разве дочери падишаха выходят замуж?

— А твои младшие сестры? — возразил Мубарак.

— Они вышли за шахских сыновей. Разве может дочь падишаха стать женой мансабдара³³ двухсотника?

— Ты повелительница в стране. Все знают, что падишах исполнит любую твою

---

30 Рангмахал — падишахский дворец в Дели. Это название стало нарицательным, обозначая гарем вообще.

31 Кубера — бог богатства индийского пантеона.

32 Кандарпа — бог любви.

33 Мансабдар — военачальник.

просьбу.

— Я не стану просить у падишаха то, чего не следует.

— А это следует делать?

— О чем ты говоришь?

— О великом грехе.

— А кто совершает великий грех?

Мубарак склонил голову и, немного помолчав, проговорил:

— Ты не понимаешь?

— Если ты считаешь это грехом, больше не приходи, — сказала Зеб-ун-ниса.

— Я не пришел бы, если бы это было в моих силах, — с грустью ответил Мубарак. —

Но я не властен над собой. Я продал душу за твою красоту.

— Если ты продал душу, если твоя душа принадлежит мне, тогда делай, что «я приказываю. Я приказываю тебе замолчать.

— Я замолчал бы, если бы только я один был повинен в этом грехе. Но я люблю тебя больше жизни.

— Грех дочери падишаха! — громко рассмеялась Зеб-ун-ниса.

— О грехе и добродетели судит один аллах, — сказал Мубарак.

— Аллах начертал свои законы для неверных. Разве я дочь простого брахмана или раджпута, чтобы быть вечной рабыней одному мужу и сжечь себя на его погребальном костре? ³⁴ Если бы аллах уготовил для меня подобную участь, он никогда бы не сделал меня дочерью падишаха.

Мубарак словно упал с небес на землю — ему еще никогда не приходилось слышать подобного кощунства. Он не слышал таких слов даже в погрязшем в грехах Дели. Если бы они исходили от кого-нибудь другого, он сказал бы: «Чтоб тебя громом поразило!» Но Мубарак безнадежно утонул в море красоты Зеб-ун-нисы и потерял способность различать добро и зло. Он был только потрясен.

— Довольно об этом, — продолжала Зеб-ун-ниса. — Поговорим о чем-нибудь другом. И смотри, чтобы я никогда больше не слышала подобных разговоров. Если хоть раз услышу...

— К чему угрозы? — сказал Мубарак. — Человеку, впавшему у тебя в немилость, и минуты не сносить головы на плечах. Я знаю это. Но ты, вероятно, знаешь и то, что Мубарак не страшится смерти.

— Разве нет приговора страшнее смерти? — спросила Зеб-ун-ниса.

— Есть, — разлука с тобой.

— Это может случиться, если ты будешь говорить не то, что следует.

Мубарак понял, что Зеб-ун-ниса сдержит свое слово. Если он покинет ее, заботясь о спасении души, его гибель неизбежна. Зеб-ун-ниса всесильна в могольском государстве, ее слушается сам Аурангзеб. Но Мубарака огорчало не это. Его убивало то, что, пленившись красотой дочери падишаха, он уже не в силах был покинуть ее, не способен вырваться из пучины греха.

— Моя жизнь благословенна тем, что вы даруете мне из милости, — смиренно проговорил он. — А мои безумные надежды — это мечты бедняка. Какой бедняк не мечтает о дочери падишаха?

Удовлетворенная, Зеб-ун-ниса поднесла Мубараку чашу вина. После нежных уверений в любви она умастила его благовониями и проводила, угостив бетелем.

Не успел Мубарак покинуть Рангмахал, как его остановила Дария-биби.

— Ну как, — вполголоса спросила она. — Женитьба на принцессе решена?

— Кто ты? — спросил потрясенный Мубарак.

— Все та же Дария.

---

³⁴ Согласно канонам индуизма женщины-индуски должны были сжигать себя на костре вместе с умершим мужем

— Разве ты не знаешь, я продаю новости, — отвечала Дария-биби. Мубарак содрогнулся.

— Ты женишься на принцессе? — продолжала Дария-биби.

— На какой принцессе?

— На дочери падишаха Зеб-ун-нисе. Разве дочь падишаха не принцесса?

— Я убью тебя!

— Я закричу.

— Ну хорошо, — сказал Мубарак. — Так и быть, я тебя не убью. Говори, к кому ты пришла продавать новости?

— Я для того и стою здесь, чтобы сказать, — отвечала Дария-биби. — К ее высочеству принцессе Зеб-ун-нисе.

— Что за новость ты хочешь ей продать?

— Что сегодня ты на базаре гадал у звездочета. И звездочет предсказал, что ты женишься на принцессе и добьешься высокого положения.

— Дария-биби! — воскликнул Мубарак. — За что ты хочешь меня погубить? В чем я перед тобой виноват?

— В чем виноват? Может быть, ты ни в чем не виноват передо мной? Можно ли причинить женщине большее зло, чем это сделал ты?

— Ну что ты, милая! Таких, как я, сколько угодно.

— Свет не видывал таких грешников, как ты.

— Я вовсе не грешник. Но здесь неудобно разговаривать. Давай встретимся где-нибудь в другом месте. Я все тебе объясню.

Мубарак снова вернулся в покои Зеб-ун-нисы.

— Вы должны простить мне, что я снова вас беспокою — сказал он — Я пришел сказать, что здесь Дария-биби — она сейчас к вам войдет. Она безумная. Если она будет говорить вам что-нибудь против меня, не гневайтесь, пока не выслушаете моих оправданий.

— Я не в силах гневаться на тебя, — ответила Зеб-ун-ниса. — Если я когда-нибудь на тебя рассержусь, то от этого буду страдать я сама. Я не слушаю того, что говорят против тебя.

— Не лишайте своего раба этой милости, — сказал Мубарак и снова простился с дочерью падишаха

Глава четвертая

Продажа новостей

— Почему так поздно? — спросила Дарию-биби девушка татарка, охранявшая вход в покои Зеб-ун-нисы.

— Буду я отчитываться перед стражей! Доложи обо мне.

— Убирайся, — сказала татарка. — Я не стану о тебе докладывать.

— Ну что ты сердишься, дружок? — заговорила Дария-биби. — Твой взор способен испепелить Кабул и Пенджаб. В руках у тебя меч и щит — что станет со мной, если тебя охватит гнев! Вот мой пропуск, иди доложи обо мне.

На алых губах стражницы появилась улыбка.

— Я знаю и тебя и твой пропуск. Но разве ее высочество станет покупать сурьму в такой поздний час? Приходи завтра утром. Возвращайся к мужу, если ты замужем, а если нет, то...

— Иди к дьяволу. Пусть твой щит и меч провалятся.

— Неужели ты думаешь, что я пришла бы в полночь, если бы у меня не было дела?

— Ее высочество, Бегум-сахеба, сейчас развлекается, — прошептала татарка.

— Ах ты рабыня, неужели я этого не знаю? Ты что, будешь смеяться надо мной? Открой-ка рот!

Дария-биби достала из-под своего покрывала сосуд с вином. Стражница открыла рот, и Дария-биби вылила в него все содержимое. Татарка всосала его одним духом, как сухой песок впитывает воду.

— Бисмилла³⁵! Отличное вино! — воскликнула она. — Ну ладно, ты постой здесь, а я пойду доложу.

Войдя в покои, телохранительница увидела, что Зеб-ун-ниса, забавляясь, сплетает из цветов собачку. Морда собачки напоминала лицо Мубарака, а хвост закручивался, как султан могольских падишахов.

— Позови танцовщиц, — приказала Зеб-ун-ниса телохранительнице.

У каждой из обитательниц гарема падишаха были собственные танцовщицы, которые пели и танцевали для них.

— Слушаю и повинуюсь, — с поклоном ответила татарка. — Но там пришла Дария-биби. Я прогоняла ее, но она ничего не желает слушать.

— Я вижу, она не забыла дать тебе бакшиш, — заметила Зеб-ун-ниса.

Густо покраснев, красавица татарка спрятала лицо под покрывалом.

— Ну хорошо, — сказала Зеб-ун-ниса. — Танцовщицы подождут. Пошли ко мне Дарию-биби.

Дария-биби вошла, поклонилась и стала разглядывать собачку.

— Ну как, Дария, нравится? — заметив ее взгляд, спросила Зеб-ун-ниса.

Дария-биби снова поклонилась.

— Вылитый мансабдар Мубарак-хан.

— Верно! Хочешь дам тебе?

— Кого? Собаку или человека?

Зеб-ун-ниса нахмурилась, но, сдержав гнев, со смехом ответила:

— Кого пожелаешь.

— Тогда пусть собака остается у вашего высочества. Я беру человека.

— Но собака под рукой, — возразила Зеб-ун-ниса, — а человека нет. Бери лучше собаку.

С-этими словами Зеб-ун-ниса, которая под влиянием выпитого вина была в отличном расположении духа, стала бросать Дарии цветы, из которых она плела собачку. Чтобы не выказать непочтительность, Дария-биби подняла их с пола и спрятала под покрывалом.

— Благодаря доброте вашего высочества, — сказала она, — мне достались и человек и собака.

— Что?! — воскликнула Зеб-ун-ниса.

— Человек принадлежит мне, — отвечала Дария-биби.

— Что?! — повторила Зеб-ун-ниса.

— Он мой муж.

— Ступай прочь!

Зеб-ун-ниса с силой швырнула пучок цветов в лицо Дарии-биби. Сложив ладони, Дария-биби проговорила:

— Мулла и свидетели живы. Вы можете послать за ними, чтобы убедиться, что я говорю правду. Зеб-ун-ниса нахмурила брови:

— Я прикажу посадить их на кол.

Дария-биби задрожала. Она знала, что в гневе могольские принцессы подобны тиграм и способны на все.

— Шахзади! ³⁶ — взмолилась она. — Я только бедная женщина и пришла продавать новости.

— Говори — какие новости?

— Есть две новости. Одна касается Мубарак-хана. Не осмеливаюсь говорить без

---

35 Бисмилла — восклицание близкое к русскому «бог мой»

36 Шахзади — дочь шаха.

вашего разрешения.

— Говори.

— Сегодня вечером в Чандни-Чоке он гадал у звездочета Ганеша.

— И что сказал звездочет?

— Что он женится на шахской дочери и достигнет высокого положения.

— Ложь. Когда мансабдар ходил к звездочету?

— Как раз перед тем, как прийти сюда.

— Сюда? Кто, ты говоришь, приходил сюда? Дария-биби испугалась. Набравшись храбрости, она ответила с почтительным поклоном:

— Мубарак-хан.

— Откуда ты это знаешь?

— Я видела, как он вошел.

— Тех, кто говорит подобные вещи, я сажаю на кол. Дария-биби содрогнулась.

— Я не говорю об этом никому, кроме вашего высочества, — ответила она.

— А если скажешь, палачи отрежут тебе язык. Какая вторая новость?

— Вторая новость о Рупнагаре.

Дария-биби рассказала, как Чанчал-кумари наступила на портрет Аурангзеба.

— Отличная новость, — выслушав ее, сказала Зеб-ун-ниса. — Ты получишь кое-что за нее.

Получив записку в казначейство, Дария-биби поспешно удалилась.

Ее остановила телохранительница татарка. Положив ей на плечо свой меч, она спросила:

— Куда спешишь, дружок?

— Дело сделано — иду домой.

— Ты получила бакшиш. Со мной поделишься?

— Мне очень нужны деньги. Лучше я спою тебе. Принеси саренги.

У телохранительницы был саренги, на котором она иногда играла. Музыка и танцы были в гареме в большом почете. Каждая из жен падишаха имела собственных танцовщиц, а наложницы, у которых танцовщиц не было, танцевали сами. Вечерами Рангмахал звенел от пения и музыки. Дария-биби взяла саренги и запела. У нее был чудесный голос и пела она прекрасно.

— Кто это поет? — послышался из покоев голос Зеб-ун-нисы.

— Дария-биби, — ответила телохранительница.

— Пришли ее ко мне, — последовал приказ. Дария-биби снова вошла к Зеб-ун-нисе и низко ей поклонилась.

— Пой, — приказала Зеб-ун-ниса. — Вот вина³⁷. Взяв вино, Дария-биби запела. Принцесса знала многих искусных певиц, которые своим голосом могли бы посрамить небесных дев, но ей никогда не приходилось слышать такого пения. Когда Дария-биби кончила, Зеб-ун-ниса спросила:

— Ты когда-нибудь пела перед Мубараком?

— Он женился на мне, услышав, как я пою эту песню, — отвечала Дария-биби.

Зеб-ун-ниса с такой силой швырнула букет цветов в Дарию-Дарию-бибичто он задел серьгу и оцарапал ей ухо. Зеб-ун-ниса дала ей еще денег и отпустила, сказав на прощание:

— Больше не приходи. Дария-биби поклонилась и вышла.

«Все равно приду, — проговорила она про себя. — Снова выведу тебя из терпения, снова получу побои и деньги. Но погублю тебя».

Глава пятая

Удипури

---

37 Вина — струнный музыкальный инструмент

Повелитель великой империи — падишах Аурангзеб прославился на весь мир. Он был наделен незаурядным умом, работоспособностью, трудолюбием и прочими достоинствами главы государства. Но, несмотря на все эти выдающиеся качества, великий падишах к концу своей жизни привел прославленную империю на край гибели.

Объяснялось это только тем, что Аурангзеб был великим грешником. Трудно найти в истории другого такого хитреца и лицемера, не останавливающегося перед преступлениями эгоистичного властителя, тирана, угнетателя своих подданных. Аурангзеб притворялся аскетом, но его гарем днем и ночью гудел как пчелиный улей от веселья и смеха бесчисленных красавиц.

У него было множество жен, а наложницам его не было числа. Их пребывание в его гареме не имело ничего общего с заповедями корана³⁸. Наше повествование имеет весьма малое отношение ко всем этим грешницам, но с некоторыми женами Аурангзеба оно тесно связано.

Первая жена могольских падишахов считалась обычно главной женой. На беду Аурангзеба, который ненавидел индусов, его главной женой была индуска. Акбар ввел обычай жениться на дочерях раджпутских князей, и поэтому у всех могольских падишахов были жены индуски. Первой женой Аурангзеба была принцесса из Джодпура, которую мы будем называть дальше Джодпури.

Главная жена падишаха не была самой любимой. Любимой женой была христианка, известная в истории под именем Удипури. Ее звали так не потому, что она имела какое-то отношение к Удайпуру. Родиной ее была расположенная в далекой Западной Азии — Грузия, которая теперь входит в состав России. Один работороговец привез ее еще ребенком в Индию для продажи. Ее купил старший брат Аурангзеба — Дара. С годами девочка превратилась в красавицу. Дара был пленен ее красотой и готов был исполнить любое ее желание. Мы уже упоминали, что Удипури была не мусульманкой, а христианкой. Говорят, что в конце концов и сам Дара перешел в христианство.

Аурангзеб, разгромив своего брата Дару в войне, проложил себе путь к трону. Дара был взят в плен и затем казнен. Казнив брата, подлый Аурангзеб совершил странный поступок... У жителей Ориссы есть дурной обычай — если умрет старший брат, то младший умеряет скорбь вдовы тем, что берет ее в жены... Как-то раз я спросил одного орисца: «Почему вы так поступаете? Ведь это нехорошо». Он, не задумываясь, ответил мне: «Так неужели же мы отдадим чужому свою невестку?»

Повелитель Индии, видимо, рассуждал примерно так же. Приведя несколько подходящих к случаю изречений из корана, он заявил, что его долг взять в жены вдов старшего брата, и предложил двум главным женам Дары стать обительницами его гарема. Одна из них была раджпутской принцессой, другая — Удипури. То, что сделала раджпутская принцесса, способна совершить в подобных обстоятельствах только индусская женщина. Она приняла яд. Христианка же с радостью бросилась Аурангзебу на шею. История превознесла до небес имя этой особы легкого поведения, а имя женщины, которая выпила яд, чтобы сохранить свою веру, историки не сочли нужным даже упомянуть. Такова цена истории.

Удипури была несравненной красавицей и в такой же мере несравненной пьяницей. Делийские падишахи, несмотря на то, что они были мусульмане, отличались большим пристрастием к вину. Подданные следовали примеру своих повелителей. Рангмахал тоже был целиком во власти этого порока. Но Удипури сумела прославиться и в этом аду.

Зеб-ун-ниса не смогла сразу попасть в спальню к Удипури, потому что любимая жена повелителя Индии напилась почти до бесчувствия — одежды и драгоценности ее были разбросаны где попало. Служанки восстановили порядок в комнате, криками привели ее в чувство и предупредили о визите. Войдя в спальню, Зеб-ун-ниса увидела, что в левой руке

---

38 Коран — священная книга мусульман, содержащая, в частности, поучения морального порядка. Согласно указаниям корана мусульманам не разрешалось иметь более четырех жен.

Удипури сжимает кальян, глаза у нее полузакрыты, над алыми лепестками ее губ кружатся мухи, а сама она лежит на своем ложе как груда цветов, сорванных ураганом и омытых дождем.

— Мать, — поклонившись, обратилась к ней Зеб-ун-ниса. — Хорошо ли ты себя чувствуешь?

— Почему так поздно? — полусонным голосом, с трудом ворочая языком, спросила Удипури.

— Есть важная новость, — сказала Зеб-ун-ниса.

— Какая? Может быть, пришел конец маратхскому разбойнику? ³⁹

— Еще лучше.

И Зеб-ун-ниса, сгущая краски и преувеличивая, рассказала о проступке Чанчал-кумари.

— Разве это хорошая весть? — спросила Удипури.

— Я видеть не могу, как эти неуклюжие, как буйволы, служанки набивают тебе кальян, — сказала Зеб-ун-ниса. — Попроси падишаха — пусть тебе будет готовить кальян прекрасная принцесса Рупнагара.

Ничего не поняв сквозь туман опьянения, Удипури пробормотала:

— Очень хорошо.

Некоторое время спустя утомленный государственными делами Аурангзеб явился в опочивальню Удипури отдохнуть от своих трудов. Удипури, которая все еще была во власти винных паров, передала ему рассказ Зеб-ун-нисы и попросила:

— Пусть рупнагарская принцесса готовит для меня кальян.

Аурангзеб был взбешен ее рассказом и тотчас же поклялся, что просьба Удипури будет исполнена.

Глава шестая

Джодпури

На следующий день был обнародован указ падишаха маленькому княжеству Рупнагар. Этот указ был порождением той хитрости, в страхе перед которой Джай Сингх, Джасвант Сингх и другие полководцы, а также Азим-шах и прочие постоянно старались быть начеку. Запутавшись в непроницаемую сеть этой хитрости, сам хитрец из хитрецов, Шиваджи попал в делийскую тюрьму.

В указе, говорилось: «Падишах пленен рассказами о несравненной красоте и прелести принцессы Рупнагара. Падишах доволен верностью и преданностью правителя Рупнагара и изъявляет желание наградить его за эту преданность, взяв в жены его дочь. Приготовьтесь отослать дочь в Дели. Скоро придут войска, которые будут ее сопровождать».

Это известие вызвало в Рупнагаре радостное волнение. Раджи Джодпура, Амбера и других крупных раджпутских княжеств почитали за великую честь отдать дочь в жены могольскому падишаху. Поэтому талой счастливый поворот в судьбе скромного раджи Рупнагара все сочли радостным событием. Падишах среди падишахов, равного которому нет в мире, будет зятем раджи — Чанчал-кумари станет повелительницей мира, может ли быть на свете большее счастье?

Раджа, рани, приближенные и подданные были вне себя от радости. Рани приказала отслужить благодарственную службу в храме, а раджа принялся составлять список землевладельцев, у которых он, пользуясь этим счастливым стечением обстоятельств, отнимет деревни.

Не радовались одни только подружки Чанчал-кумари. Они-то знали, что для Чанчал-кумари, которая ненавидит моголов, это вовсе не было счастьем.

---

³⁹ Имеется в виду вождь маратхов Шиваджи, поднявший восстание против Аурангзеба и основавший в 1674 г. независимое маратхское государство.

Когда указ падишаха стал известен в Рангмахале, Джодпури была очень огорчена. Она не была счастлива, живя среди мусульман, хотя и стала повелительницей Индии. Верность индуизму она сохранила и во дворце Аурангзеба. Ей прислуживала служанка индуска, она ела только индусскую пищу и даже молилась изображениям индуистских богов, которые были установлены во дворце специально для нее. Из того, что Аурангzeb терпел все это, можно сделать вывод, что Джодпури пользовалась его расположением.

Когда Джодпури удалось повстречаться с падишахом, она смиренно обратилась к нему:

— Государь! Неужели простая девушка достойна гнева того, по чьему приказу лишаются трона могущественные цари?

Повелитель улыбнулся, но промолчал. Джодпури так и не удалось ничего добиться.

Тогда она мысленно взмолилась: «О господи! Сделай меня вдовой! Если это чудовище проживет еще некоторое время, индусам придет конец».

У Джодпури была служанка по имени Деви. Когда-то она приехала вместе с ней из Джодпура, но, достигнув преклонных лет, Деви не захотела больше жить вдали от родины, в мусульманском дворце. Хотя она давно уже просилась домой, Джодпури не отпускала ее, потому что ей трудно было найти другую такую же преданную женщину.

— Ты давно рвешься домой, — сказала ей Джодпури, когда они остались вдвоем. — Я отпущу тебя. Но теперь тебе придется исполнить одно мое поручение. Дело это не легкое, оно требует усилий, смелости и преданности. Я оплачу все твои расходы, награжу тебя и дам тебе свободу. Ты согласна?

— Приказывайте, — отвечала Деви.

— Тебе уже известно о рупнагарской принцессе, — продолжала Джодпури. — Ты поедешь к ней. Письма я тебе не дам. Ты будешь говорить с ней от моего имени. Покажи ей мой перстень, и она тебе поверит. Если умеешь ездить верхом, купи лошадь. Денег я тебе дам.

— А что мне сказать ей? — спросила Деви.

— Скажешь принцессе, что индусской девушке не следует идти в мусульманский дом, что мы, попав сюда, каждый день молим о смерти. Скажешь, что падишаху известно о том, что она раздавила его портрет, и он вызывает ее к себе, чтобы покарать. Он поклялся, что заставит принцессу Рупнагара, как простую служанку, готовить кальян для Удипури. Скажи ей, что лучше принять яд, чем жить в Дели. Еще скажи — пусть не боится. Делийский трон шатается. На юге маратхи ломают моголам кости. Раджпуты поднимаются. Вся Раджпутана пылает возмущением от введения «джизии».⁴⁰

Раджпуты объединяются. Махарана Удайпура — доблестный воин. Среди моголов ему равных нет. Если он возглавит раджпутов и возьмется за оружие, если с одной стороны Шиваджи, а с другой — Радж Сингх начнут войну, то долго ли устоит делийский трон?

— Не говори таких слов, мать, — ужаснулась Деви. — Делийский трон предназначен для твоего сына. Как можешь ты желать зла своему сыну?

— Я не надеюсь на то, что мой сын займет этот трон, — возразила Джодпури. — Этому не бывать до тех пор, пока живы людоедка Зеб-ун-ниса и ведьма Удипури. Один раз я уже была жестоко избита Раушенарой за то, что питала подобные надежды. До сих пор на лице у меня сохранились следы ее ногтей.

На глазах Джодпури показались слезы.

— Стоит ли говорить об этом? — продолжала она. — Ты не поймешь всего, что я задумала. Да и зачем тебе понимать. Делай, что я тебе говорю. Скажи, пусть принцесса ищет прибежища у Радж Сингха. Радж Сингх ее не оставит. Скажи ей, что я благословляю ее стать женой Радж Сингха. Став его женой, пусть она поклянется, что Удипури будет готовить для нее кальян, а Зеб-ун-ниса обмахивать ее веером.

— Разве это возможно? — воскликнула Деви.

---

⁴⁰ Джизия — подушный налог, которым облагались индусы и от которого были освобождены мусульмане.

— Не тебе судить об этом! Сможешь ли ты сделать то, о чем я тебя прошу?

— Я все смогу.

Тогда Джодпури дала Деви денег на дорогу, обещанное вознаграждение и свой перстень, и служанка отправилась в путь.

Глава седьмая

Для чего бог создал шахскую дочь?

Ночью Мубарак снова явился в покои Зеб-ун-нисы. Склонив перед ней на ковре колени, он с мольбой посмотрел на нее. А Зеб-ун-ниса возлежала на своем ложе, украшенном драгоценными камнями и покрытом покрывалом из каймой из жемчужных и коралловых нитей. Облокотившись на шитые золотом узорчатые подушки, она курила кальян, украшенный драгоценными инкрустациями. По милости западных джентльменов в те времена в Индию уже был завезен табак.

— Ты скажешь мне всю правду? — спросила Зеб-ун-ниса.

— Как вам будет угодно, — отвечал Мубарак.

— Ты женат на Дарии?

— Да, я женился на ней, когда жил на родине.

— Значит, ты хотел обмануть меня?

— Я давно ушел от нее. — Почему ты ее бросил?

— Она безумная. Вы сами легко можете заметить это.

— Дария никогда не казалась мне безумной.

— Она является к вашему высочеству для достижения своих целей. В практических делах она и мне никогда не казалась безумной, но во всех остальных отношениях Дария не в своем уме. Призовите ее как-нибудь к себе без предупреждения, и вы в этом убедитесь.

— Ты сможешь прислать ее ко мне? Скажи, что мне требуется хорошая сурьма.

— Завтра утром я должен буду уехать ненадолго далеко отсюда.

— Далеко? И ты ничего не говоришь мне об этом?

— Я как раз собирался сообщить вам об этом.

— Куда ты едешь?

— В Раджпутане есть крепость Рупнагар. Шахиншах выразил желание взять в жены дочь повелителя Рупнагара. Армия, которая будет сопровождать ее, выступает завтра, и мне придется отправиться вместе с армией.

— У меня есть что сказать тебе по этому поводу. Но сначала ответь мне еще на один вопрос. Ты обращался к звездочету Ганешу за предсказанием судьбы?

— Да.

— Зачем?

— Я мог бы ответить: за тем же, за чем обращаются все люди, и такой ответ был бы вполне правдоподобен. Но была и еще одна причина, Дария чуть ли не силой потащила меня к нему.

— Гм!

Некоторое время Зеб-ун-ниса молча перебирала цветы.

— А почему ты послушался ее и пошел? — спросила она наконец.

Мубарак рассказал, как было дело.

— Значит, звездочет сказал — женись на принцессе, дочери шаха, и ты добьешься высокого положения? — сказала Зеб-ун-ниса.

— Индусы не говорят «дочери шаха». Звездочет сказал — «дочь раджи».

— Но разве дочь шаха — не принцесса?

— Принцесса.

— Поэтому ты сделал мне предложение в тот день?

— Нет, только преданность вере заставила меня заговорить в тот день. Может быть,

вы помните, я говорил об этом еще до предсказания звездочета.

— Разве я помню что-нибудь? Ну ладно — довольно об этом. Не сердись, что я подвергла тебя такому допросу. Я буду очень огорчена, если ты рассердишься. Ты мой любимый — я счастлива только тогда, когда вижу тебя. Садись ближе ко мне, я хочу умастить тебя благовониями.

Зеб-ун-ниса усадила Мубарака к себе на ложе и собственными руками принялась умащивать его благовонными маслами.

— Кстати, о Рупнагаре, — снова заговорила она. — Не знаю, отпустит ли раджа Рупнагара принцессу добровольно. Если нет, заставьте его силой!

— Мы не получали от падишаха такого указания, — возразил Мубарак.

— Считай, что с тобой говорит падишах. К чему было бы посылать войска, если бы у падишаха не было подобного намерения?

— Чтобы обеспечить безопасность пути.

— Разве армия падишаха Аламгира когда-нибудь возвращалась с пустыми руками? Привезите рупнагарскую принцессу, чего бы это вам ни стоило. Если падишах будет недоволен, есть ведь и я в конце концов.

— Для меня достаточно этого приказа. Но в моих руках прибавилось бы еще силы, если бы я мог узнать, почему вы так настаиваете на этом.

— За рупнагарской принцессой послали благодаря моим стараниям.

— А какова ваша цель?

Дело в том, что Удипури стала невыносимо кичиться своей красотой. Я слышала, что рупнагарская принцесса еще красивее, чем она. Если это правда, то принцесса из Рупнагара сможет командовать падишахом вместо Удипури. А если рупнагарская принцесса узнает, что она попала сюда благодаря мне, она будет послушным орудием в моих руках. Тогда я выдерну последний шип, мешающий моему единовластию. Хорошо, что ты едешь в Рупнагар. Если увидишь, что она красивее, чем Удипури...

— Но я ни разу не видел ее величества, — возразил Мубарак.

— Что ж, я могу тебе показать ее, только тебе придется спрятаться за этим занавесом.

— Что вы говорите! — возмутился Мубарак.

— Сколько еще в Дели таких чудачков, как ты! — расхохоталась Зеб-ун-ниса. — Ну хорошо. Слушай, что я тебе скажу. Не хочешь взглянуть на саму Удипури, я покажу тебе ее портрет. Но на рупнагарскую принцессу ты обязательно посмотри. Если она покажется тебе более красивой, чем Удипури, тогда сообщи ей, что она стала женой падишаха благодаря мне. А если увидишь, что она не так хороша, то...

Зеб-ун-ниса задумалась.

— А если увижу, что она не так уж хороша, что мне тогда делать? — спросил Мубарак.

— Ты ведь любитель жениться. Женись тогда на ней сам. Я постараюсь получить согласие падишаха.

— Неужели в вас нет ни капли любви к вашему недостойному рабу? — взмолился Мубарак.

— Ты хочешь любви от дочери падишаха!

— Для чего же тогда аллах создал дочерей падишаха?

— Для счастья! Любовь же приносит только горе.

— А как я смогу увидеть будущую жену падишаха? — спросил Мубарак, не желая продолжать разговор на эту тему.

— Придется тебе прибегнуть к какой-нибудь хитрости, — отвечала Зеб-ун-ниса.

— А что скажет падишах, если узнает?

— Это уже моя забота.

— Я сделаю все, что вы говорите. Но неужели вы не удостоите бедняка хоть капли вашей любви?

— Разве я не говорила, что ты мой любимый?
— Вы говорили это любя?
— Я же сказала, что любовь это удел бедняка. Дочерям шаха она неведома.
Мубарак в полном отчаянии покинул покои Зеб-ун-ниси.

Часть третья

Падишах встречает сопротивление

Глава первая

Журавль и лебедь

Нирмал неслышно подошла к принцессе и увидела, что та сидит одна и горько плачет. В руке она держала миниатюру из числа купленных у старухи. Чанчал-кумари тотчас же повернула портрет так, чтобы Нирмал не видела, кто изображен на нем, но Нирмал нетрудно было догадаться, чей это портрет.

— Что же нам теперь делать? — спросила она.

— Я никогда не стану рабыней могола! — воскликнула Чанчал-кумари.

— Я знаю, что ты против, но ведь это приказ Аламгира. Разве может раджа послушаться его? Делать нечего, дружок. Тебе придется примириться с неизбежностью. А ведь на твою долю выпало большое счастье. Возьми, к примеру, княжество Джодпур или Амбер, возьми любого раджу, падишаха, вельможу или наваба. Есть ли на земле хоть один властитель, дочь которого не желала бы сесть на делийский трон! Отчего же ты так не хочешь стать повелительницей мира?

— Убирайся прочь! — рассердилась Чанчал-кумари.

Нирмал убедилась, что таким способом она ничего не добьется, и решила переменить тактику.

— Представь себе, что я убралась прочь, — снова заговорила она. — Но должна же я позаботиться о благе своего покровителя. Подумала ли ты, что будет с твоим отцом, если ты откажешься поехать в Дели?

— Я думала об этом, — ответила Чанчал-кумари. — Если я не поеду, отцу не сносить головы и от крепости не останется камня на камне. Я не пойду на отцеубийство. Когда

прибудут войска падишаха, я вместе с ними отправлюсь в Дели. Это я твердо решила.

Нирмал просияла:

— Но ведь и я советовала тебе то же самое. Принцесса снова нахмурилась.

— Ты, может быть, думаешь, что я отправлюсь в Дели, чтобы разделить ложе с мусульманской обезьяной? Разве лебедь бывает в услужении у журавля?

— Что же ты тогда сделаешь? — в недоумении спросила Нирмал.

Чанчал-кумари показала ей перстень.

— На пути в Дели я приму яд, — сказала она. Нирмал знала, что в перстне хранится яд.

— Неужели нет иного выхода? — воскликнула она.

— А какой еще может быть выход? — ответила Чанчал-кумари. — Есть ли на свете храбрец, который ради меня бросит вызов делийскому падишаху? Раджпутские князья опозорили свой род и сделались рабами моголов. Разве есть теперь Санграм⁴¹ или Пратап?

— Что ты говоришь, принцесса! — возразила Нирмал. — Да если бы и были живы Санграм и Пратап, чего ради они стали бы из-за тебя ссориться с падишахом? Кто станет жертвовать собой ради чужого человека? Сейчас, правда, нет Пратапа и Санграма, зато есть Радж Сингх. Но почему вдруг он станет всем рисковать ради тебя? Тем более что ты родом из Марвара.

— Ну и что из того? Разве раджпуты не защищали всех, кто просил у них защиты, если только у них была сила в руках? Об этом я и думала, Нирмал. В беде я призову на помощь славного потомка Санграма и Пратапа — неужели он не заступится за меня?

С этими словами Чанчал-кумари перевернула портрет, и Нирмал увидела изображение Радж Сингха.

— Смотри, дружок, — проговорила принцесса, не отводя взора от портрета, — неужели ты не веришь, глядя на этот царственный облик, что Радж Сингх — защитник беспомощных и сирот? Неужели он не поможет мне, если я призову его на помощь?

Нирмал была наделена трезвым умом, она призадумалась. Пристально глядя на подругу, она спросила:

— А чем ты вознаградишь героя, который спасет тебя от беды?

Принцесса поняла, что имела в виду Нирмал.

— Чем я вознагражу его! — грустно, но твердо заметила она. — Разве есть у меня что-нибудь, что я могла бы отдать? Ведь я женщина!

— У тебя есть ты сама, — возразила Нирмал.

— Убирайся! — Чанчал-кумари смущенно отвернулась.

— В княжеских домах такое бывает, — продолжала Нирмал. — Если ты можешь стать Рукмини, то Джадупати⁴², конечно, придет тебе на помощь.

Чанчал-кумари опустила голову. На ее прекрасном лице смущение и счастье сменяли друг друга — подобно тому, как на закате сменяются набегающие одна за другой волны света на гряде облаков, с каждым мгновением рождая все новую и новую красоту.

— Чем заслужу я такое счастье? — воскликнула она. — Возьмет ли он меня в жены?

— Об этом судить ему, а не нам, — ответила Нирмал. — Разве нельзя послать к нему гонца? Тайно, так, чтобы никто об этом не знал. Я слышала, что у него достаточно сильная армия. Чанчал-кумари задумалась.

— Пошли за моим духовным наставником, — сказала она наконец. — Кто любит меня больше, чем он? Объясни ему все и приведи его ко мне. Мне было бы стыдно рассказывать ему обо всем самой.

В это время подружки Чанчал-кумари сообщили о приходе торговли жемчугом.

---

41 Санграм — князь Читора — вождь раджпутов, боровшийся против основателя Могольской империи Бабура (1525–1530), бывшего правителя Ферганы, а потом правителя Афганистана. Победив Санграма в битве при Кхануа в 1527 г., Бабур окончательно упрочил свое завоевание Индии.

42 Рукмини — жена бога Кришны, которую он похитил, нанеся поражение ее родным. Джадупати — одно из имен Кришны.

— Сейчас мне не до покупок, — сказала принцесса. — Гоните ее прочь.

— Мы уже пытались ее прогнать, — сказали подружки, — а она не уходит. Нам кажется, у нее есть какое-то важное дело.

Волей-неволей Чанчал-кумари пришлось ее принять. Торговка жемчугом показала ей несколько фальшивых жемчужин.

— Ты так упорствовала ради того, чтобы показать мне эти подделки? — с раздражением спросила ее принцесса.

— Нет, — ответила торговка. — У меня есть кое-что еще. Но я могу показать это только тебе одной.

— Я не стану говорить с тобой одна, со мной будет моя подруга, — сказала Чанчал-кумари. — Пусть Нирмал остается, а все другие выйдут.

Когда все, кроме Нирмал, удалились, Деви, а торговка жемчугом была не кто иная, как Деви, показала Чанчал-кумари перстень джодпурской принцессы.

— Откуда ты его взяла? — спросила Чанчал-кумари, прочитав надпись на перстне.

— Мне вручила его джодпурская принцесса. — А какое ты имеешь к ней отношение?

— Я ее служанка.

— Зачем же ты пришла сюда с этим перстнем?

В ответ Деви все рассказала ей. Выслушав ее, Нирмал и Чанчал-кумари переглянулись.

Чанчал-кумари отпустила Деви, щедро наградив ее на прощание.

— Нирмал! — воскликнула принцесса, когда за Деви закрылись двери. — Верни ее, она забыла перстень.

— Она не забыла, — возразила Нирмал. — Я думаю, что она оставила его нарочно.

— Но что мне делать с ним?

Сохрани его. Когда-нибудь ты сможешь сама вернуть его Джодпури.

— Как бы там ни было, — сказала Чанчал-кумари — а совет джодпурской принцессы прибавил мне смелости. Когда мы, две девчонки, советовались друг с другом, я никак не могла решить, что же мне в конце концов следует делать. А теперь я знаю: я должна искать защиты у Радж Сингха.

— Мне-то это давным-давно было ясно, — рассмеялась Нирмал.

Чанчал-кумари склонила голову и тоже засмеялась. Нирмал вышла, но на душе у нее было совсем не весело. По щекам ее струились слезы.

Глава вторая

Ананта мисра

Ананта Мисра был потомственным священнослужителем рода рупнагарского раджи. Он любил Чанчал-кумари как родную дочь. Все относились с большим почтением к этому мудрому пандиту⁴³. Едва Чанчал-кумари послала за ним, как он появился в онтохпуре⁴⁴ — перед ним были открыты все двери. По дороге его встретила Нирмал и не отпустила, пока не рассказала ему все.

Улыбающийся брахман предстал перед Чанчал-кумари. Он был высок, его широкий лоб разрисован пеплом и сандаловой пастой, на груди висели четки. Чанчал-кумари поклонилась духовному наставнику, принцесса держалась спокойно, она была само воплощение решимости. Слезы Чанчал-кумари видела только Нирмал.

— Мать Лакшми⁴⁵, — обратился Ананта Мисра к Чанчал-кумари. — Почему ты вдруг вспомнила обо мне?

— Потому что ты должен меня спасти. Потому что больше некому спасти меня.

---

43 Пандит — ученый брахман, знаток священных текстов.

44 Онтохпур — женская половина дома.

45 Лакшми — богиня счастья, здесь обращение.

— Понимаю, — улыбнулся наставник. — Рукмини выходит замуж, поэтому старому брахману придется отправиться в Двараку⁴⁶. Посмотрим, припасла ли для нас что-нибудь богиня счастья. Я отправлюсь в Удайпур, если у меня будут деньги на дорогу.

Чанчал-кумари достала вышитый золотом мешочек, полный золотых монет. Брахман взял пять монет, остальные вернул Чанчал-кумари, сказав при этом:

— По дороге я буду питаться рисом, а не золотыми монетами. Сможешь ли ты сделать одну вещь?

— Я готова прыгнуть в огонь, чтобы избавиться от постигшей меня беды, — ответила Чанчал-кумари. — Приказывай, что я должна делать.

— Сможешь ли ты написать письмо Радж Сингху? Чанчал-кумари задумалась.

— Я девушка, — наконец ответила она, — и никогда не покидала онтохпура, к тому же я не знакома с ним... Но уместен ли стыд, если я прошу о милости? Напишу.

— Я продиктую, или ты напишешь сама?

— Посоветуйте, как написать.

— Нет, нет, — вмешалась вошедшая Нирмал. — Это дело женского ума. Мы напишем сами. А вы пока собирайтесь в дорогу.

Брахман пошел к радже Викрам Сингху.

— Я отправляюсь в путешествие, — сказал он ему, — и пришел благословить махараджу на прощание.

Раджа поинтересовался, куда и с какой целью он уезжает, но брахман уклонился от ответа, признавшись только, что побывает в Удайпуре, и попросил у раджи рекомендательное письмо к Радж Сингху.

Получив от раджи письмо, Ананта Мисра вернулся к Чанчал-кумари.

К этому времени Чанчал-кумари и Нирмал объединенными усилиями закончили письмо. Принцесса вынула жемчужный браслет редкой красоты и вручила его брахману.

— Когда махарана прочитает письмо, — сказала она, — передайте ему от меня этот браслет в знак дружбы. Глава раджпутского рода не отвергнет амулета, посланного раджпутской девушкой?

Брахман согласился, и принцесса простилась с ним, взяв прах от его ног.

Глава третья

Злоключения брахмана

Взяв с собой кое-какую одежду, зонт, посох, палочки сандалового дерева и некоторые другие необходимые в дороге вещи, Ананта Мисра попрощался с женой и в сопровождении слуги отправился в Удайпур.

— Зачем ты идешь туда? — приставала к нему жена.

— Махарана назначит мне пенсию, — ответил ей брахман, и жена тотчас же успокоилась, боль разлуки не мучила ее больше. Пламя сжигавшего ее горя погасло от прохладного ветерка надежды на деньги. Ананта Мисра и его слуга двинулись в путь. Чтобы не было лишних разговоров, брахман не взял с собой больше людей. Но если бы он представлял себе, что ожидает его впереди, вряд ли он ограничился бы одним слугой.

Путь был нелегок, особенно в горах. Во многих местах путникам негде было переночевать. Брахман принимал пищу один раз в день, ночевал где придется и шел от зари до зари. На дорогах было неспокойно, поэтому брахман, всякий раз отправляясь в путь, находил себе попутчиков, помня, что у него с собой драгоценный браслет Чанчал-кумари. А если не было попутчиков, он искал пристанища. Однажды вечером он воспользовался гостеприимством одного храма. Наутро, когда он собрался в путь, ему не пришлось искать попутчиков. Вместе с ним двинулись в горы четверо купцов, которые так же, как и он, провели ночь в храме.

---

⁴⁶ Дварака — город в Гуджерате, по преданию — столица бога Кришны, построенная им за одну ночь.

Куда держишь путь? — спросили они брахмана.

— В Удайпур, — ответил тот.

— Вот хорошо, — обрадовались купцы, — пойдем вместе.

Брахман с радостью примкнул к ним.

— А далеко ли до Удайпура? — спросил он.

— Рукой подать, — отвечали купцы. — К вечеру будем на месте. Мы уже находимся во владениях махараны.

Путники шли вперед, переговариваясь между собой. Горная дорога то круто поднималась вверх, то переходила в головокружительный спуск. Нигде не было даже следов человеческого жилья. Но вот трудная дорога кончилась, путникам предстояло спуститься на равнину. Они вышли к долине необычайной красоты. С двух сторон невысокие гряды гор, покрытые зелеными деревьями, устремили вершины к небу. А между ними, пенясь и гремя галькой, бежал к лесу шумный ручей, вода которого была как голубое стекло. Вдоль берега вилась тропа. Людей, идущих по этой тропе, можно было увидеть только с гор.

Когда путники спустились в это глухое место, один купец спросил брахмана:

— У тебя есть с собой деньги?

Брахман испуганно вздрогнул, услышав этот вопрос.

«Должно быть, здесь нужно особенно остерегаться разбойников, — подумал он, — и купцы хотят предупредить меня».

Ложь — прибежище слабых. Ананта Мисра ответил:

— Я нищий брахман, откуда у меня могут быть деньги?

— Лучше отдай нам все деньги, что у тебя есть, — сказал купец. — А не то тебе не видать их, как своих ушей.

Брахман заколебался. Сначала он хотел было отдать браслет купцам на сохранение, но потом подумал: «Я не знаю этих людей, можно ли им доверять?» И он повторил:

— Я нищий брахман, откуда у меня деньги?

Нет ничего хуже колебаний в минуту опасности. Видя, что брахман в нерешительности, переодетые разбойники поняли, что у него есть с собой что-то ценное. Один из них схватил брахмана за горло, повалил на землю, придавил ему грудь коленом и зажал рот рукой. Слуга брахмана незаметно скрылся в суматохе. Несчастный брахман принялся мысленно молиться. Вишну. Другой разбойник схватил его узелок, развязал и вынул из него браслет Чанчал-кумари, два письма и золотые монеты.

— Не стоит убивать брахмана, — сказал он своим товарищам. — Нам досталась неплохая добыча. Давайте отпустим его.

— Отпускать нельзя, — возразил другой разбойник. — Он подымет шум. У махараны Радж Сингха тяжелая рука, он не дает храбрым людям зарабатывать себе на хлеб. Давайте лучше привяжем его к дереву.

Разбойники крепко связали брахмана по рукам и ногам его собственной одеждой, заткнули ему рот и привязали его к стволу невысокого дерева у подножья горы. Затем, прихватив с собой браслет Чанчал-кумари, письма и все остальное, пошли по тропе вдоль берега ручья и скрылись в горах. Разбойники не заметили в спешке, что с одного из соседних холмов за ними наблюдает всадник.

Войдя в лес, растущий по берегам горного ручья, разбойники двинулись по крутой нехоженой тропе и вскоре добрались до своей тайной пещеры.

В пещере хранились съестные припасы, постели и все необходимое для варки пищи. Было видно, что разбойники часто приходят сюда. Даже кувшины были наполнены водой. Забравшись в пещеру, разбойники закурили трубки, а один из них хотел было заняться стряпней.

— Маниклал, — остановил его другой разбойник. — Поесть мы успеем. Давай сначала решим, как быть с нашей добычей.

Маниклал согласился. Он поделил монеты, и каждый взял свою долю. Браслет разделить было нельзя, его надо было предварительно продать. Стали решать, как поступить с письмами.

— На что нам эти бумажки, — заявил атаман. — Давайте сожжем их. — И он передал письма Маниклалу: чтобы тот принес их в жертву богу огня.

Маниклал умел немного читать и писать. Прочитав оба письма, он пришел в восторг.

— Эти письма уничтожать нельзя! — Воскликнул он. — На них можно неплохо заработать.

— Как? Как? — закричали его товарищи. Маниклал подробно пересказал им содержание писем. Разбойники обрадовались.

— Мы получим вознаграждение, если отдадим эти письма Радж Сингху, — предложил Маниклал.

— Глупец, — возразил атаман. — А что ты ответишь, если махарана спросит, откуда мы их взяли? Ты, может быть, скажешь, что мы ограбили брахмана? В награду получишь от махараны смертный приговор. Нет, мы передадим письма падишаху. Я знаю, что за такую находку можно получить неплохую награду. Для того...

Атаман не успел договорить — голова его слетела с плеч и покатилась по земле.

Глава четвертая

Маниклал

Всадник видел с вершины, как четверо привязали одного человека к дереву и поспешно ушли. Того, что произошло до этого, он не знал. Когда люди, за которыми он наблюдал, скрылись за поворотом ущелья, всадник спешил и, погладив коня, сказал:

— Виджай! Оставайся здесь — я скоро вернусь. Не шуми.

Конь остался на месте, а его хозяин быстро спустился в ущелье. Мы уже говорили, что горы были невысокие.

Всадник приблизился к брахману и освободил его.

— Расскажите в двух словах, что здесь произошло! — попросил он брахмана.

— Я шел вместе с четырьмя попутчиками, — начал тот. — Я их не знал, мы познакомились в пути. Они выдавали себя за купцов. Когда мы дошли до ущелья, они напали на меня и отняли все, что у меня было.

— А что они отняли?

— Жемчужный браслет, несколько золотых монет и два письма, — ответил брахман.

— Ждите меня здесь. Я посмотрю, куда они направились, и вернусь.

— Как? Вы не боитесь следовать за ними? — воскликнул брахман. — Их четверо, а вы один.

— Разве вы не видите, что я раджпутский воин? — отвечал пришелец.

Ананта Мисра только тут разглядел своего избавителя. У него действительно воинственный вид — за поясом пистолет и меч, в руке копьё. Раджпут осторожно пошел по тропе, по которой удалились разбойники. Однако в лесу он быстро потерял тропу, а разбойников и след простыл.

Тогда раджпут снова поднялся на вершину. Оглядевшись, он увидел, что вдалеке по лесу пробираются четыре человека. Он запомнил, в каком направлении они шли. Немного погодя разбойники приблизились к подножью горы и пропали. «Либо они устроили привал и их не видно за деревьями, — подумал раджпут, — либо скрылись в пещере».

Заметив, как пройти к месту, где исчезли разбойники, он спустился в ущелье и углубился в лесную чащу. Добравшись до того места, где скрылись разбойники, он увидел, что у подножья горы действительно есть пещера. Из нее доносились голоса.

Некоторое время раджпут колебался: их четверо, а он — один. Стоит ли входить в пещеру? Если они отрежут ему выход и накинутся на него вчетвером, ему несдобровать. Но

эти мысли недолго занимали его — что такое страх смерти! Страх смерти никогда не останавливал раджпутов. Если он войдет в пещеру, один или двое наверняка падут от его руки. Но что, если они не разбойники? Тогда погибнут невинные.

Раджпутский воин осторожно подкрался к пещере и, чтобы рассеять сомнения, прислушался к разговору находившихся внутри людей. Говорили о том, как разделить добычу. Раджпуту стало ясно, что эти люди действительно разбойники, и он принял решение.

Спрятав копье в кустах, он обнажил меч. В левой руке у него был пистолет. Разбойники были так увлечены разговором, что не заметили, как раджпут проник в пещеру. Атаман стоял спиной к двери. Раджпут нанес ему страшный удар мечом, и голова разбойника слетела с плеч.

В этот момент разбойник, сидевший рядом с атаманом, обернулся. Раджпут с такой силой ударил его ногой в лицо, что тот без чувств свалился на пол. Окинув взглядом двух оставшихся врагов, раджпут увидел, что один из них, укрывшись в углу пещеры, готов швырнуть в него огромный камень. Грянул выстрел, и третий разбойник упал замертво. Видя, что ему несдобровать, оставшийся в живых Маниклал как ящерица скользнул к выходу, и во весь дух пустился бежать. Раджпут бросился за ним. Споткнувшись о спрятанное раджпутом копье, Маниклал тотчас же схватил его и обернулся к раджпутскому воину.

— Махарадж! — крикнул он. — Я вас узнал. Остановитесь, не то я проткну вас копьем!

— Если бы ты и попытался меня ударить, — засмеялся раджпут, — я перехватил бы копье левой рукой. Но ты не сможешь — гляди!

Не успели отзвучать эти слова, как раджпут с силой швырнул в Маниклала разряженный пистолет. Удар пришелся ему по правой руке, и Маниклал выронил копье. Раджпутский воин поднял копье и, ухватив Маниклала за волосы, замахнулся мечом, чтобы отсечь ему голову.

— Махараджадхирадж!⁴⁷ — взмолился Маниклал. — Подарите мне жизнь — не убивайте меня, пощадите!

Раджпут разжал пальцы и опустил меч.

— Почему ты так боишься умереть? — спросил он.

— Я не боюсь умереть, — ответил Маниклал. — Но у меня есть дочь. Ей семь лет. Мать ее умерла. У нее нет никого, кроме меня. Я кормлю ее утром перед уходом и вечером, когда возвращаюсь домой. Без меня ее некому накормить. Мне нельзя умирать! Если умру я, умрет и она. Если я должен умереть, убейте сначала ее. Разбойник заплакал.

— Махараджадхирадж! — сказал он, вытирая слезы. — Припадая к вашим стопам, клянусь, что никогда больше не буду разбойничать. Я вечно буду вашим рабом. И если вы сохраните мне жизнь, то рано или поздно ваш верный слуга сумеет, принести вам пользу.

— Так ты знаешь, кто я? — спросил раджпут.

— Кто же не знает махарану Радж Сингха? — отвечал разбойник.

— Я дарую тебе жизнь, — сказал Радж Сингх. — Но ты поднял руку на собственность брахмана. Я нарушу свой княжеский долг, если оставлю тебя без наказания.

— Махараджадхирадж! — смиренно проговорил Маниклал. — Я совсем недавно вступил на путь греха. Прошу вас, не выносите мне сурового приговора. Я накажу-себя сам, тут, на ваших глазах.

С этими словами разбойник вынул из-за пояса небольшой нож и как ни в чем не бывало принялся отрезать себе указательный палец. Нож не брал кость. Тогда Маниклал положил руку на камень, приставил к пальцу лезвие ножа и, ударив по нему другим камнем, отрубил палец. Отрубленный сустав отскочил в сторону.

— Махарадж! — сказал разбойник. — Утвердите этот приговор.

---

47 Махараджадхирадж — княжеский титул.

— Радж Сингх был поражен, — разбойник даже глазом не моргнул.
— Этого довольно, — сказал он. — Как тебя зовут?
— Вашего недостойного слугу зовут Маниклал Сингх. Я — позор раджпутского рода.
— Маниклал, — сказал Радж Сингх. — С этого дня ты поступил ко мне на службу и стал всадником моей конницы. Поезжай с дочерью в Удайпур. Я пожалую тебе земли.

Маниклал взял прах от ног махараны и, попросив его немного подождать, вернулся в пещеру и вынес похищенный браслет, письма и золотые монеты.

— Слагаю к вашим ногам все, что мы отняли у брахмана. Письма адресованы вам. Раб, прочитавший их, просит у вас прощения.

— Маниклал, — сказал Радж Сингх, увидев на конверте свое имя, — здесь неподходящее место для чтения писем. Выведи меня отсюда, ты знаешь дорогу.

Маниклал повел его за собой. Он не обращал ни малейшего внимания на свою израненную руку и ни слова не говорил об отрубленном пальце. Он даже ни разу не поморщился от боли. Вскоре они нашли глухое живописное место на берегу ручья.

Глава пятая

Письмо Чанчал-кумари

Журчание шумного ручья, перекатывающего гальку, смешивалось здесь с шелестом легкого ветерка и неумолчным щебетанием лесных птиц. Деревья на склонах гор были усыпаны гроздьями распустившихся цветов. Красота переливалась через край, звуки волнами набегали со всех сторон, запахи опьяняли, и природа покоряла сердце своим очарованием. При-сев на огромный камень, Радж Сингх принялся читать письма.

Сначала он прочитал письмо раджи Викрам Сингха, после чего разорвал его. «Письмо достигнет своей цели, если я чем-нибудь одарю брахмана», — подумал он и перешел к письму Чанчал-кумари. Вот что было в нем написано:

«О государь! Вы венец раджпутского рода, глава индусов. Я неизвестная вам, скромная девушка никогда бы не осмелилась написать вам, если бы мне не угрожала смертельная опасность. Вы, конечно, поймете это и простите мне мою дерзость.

Тот, кто доставит это письмо, мой духовный наставник. От него вы сможете узнать, что я девушка из раджпутского рода. Рупнагар очень маленькое княжество, тем не менее Викрам Сингх Соланки — настоящий раджпут. Как принцесса я не могу равняться с повелителем Удайпура и могу рассчитывать только на жалость, потому что вы вождь раджпутов, украшение раджпутского рода.

Прошу вас, выслушайте о моем несчастье. На мою беду делийский падишах пожелал взять меня в жены. Вскоре придут его войска, чтобы отвезти меня в Дели. Я раджпутка из касты кшатриев — я не хочу стать рабыней могола. Как может лебедь стать женой журавля? Как дочь Гималаев — Ганга может смешаться с мутной водой пруда? Как я, дочь раджи, смогу выполнять приказания тюркских⁴⁸ варваров? Я решила принять яд, прежде чем стать женой падишаха.

Махараджадхирадж! Не считите это за гордыню. Я знаю, что я дочь мелкого князя. Даже гордые и славные повелители Джодпура, Амбера и других княжеств не считают для себя зазорным отдать дочь делийскому падишаху. Да что говорить о позоре? Они почитают это за честь. Что я такое в сравнении с ними? Вы можете спросить, откуда у меня такое высокомерие? Но, махарадж! Разве светлячки не светятся, когда заходит солнце? Разве не раскрываются цветы жасмина, когда лотос свертывает свои отягченные росой лепестки? Разве не может Рупнагар сохранить честь своего рода, когда Джодпур и Амбер ее потеряли?

Махарадж, от сказителей я слыхала, что когда махарадж Ман Сингх⁴⁹ пришел

---

⁴⁸ Основателем первой мусульманской династии в Дели был раб, привезенный из Туркестана. После него индийцы стали всех мусульманских правителей Дели называть «тюрками».

⁴⁹ Ман Сингх — раджпутский раджа, полководец могольского императора Акбара.

разделить трапезу с махараной Пратапом, тот отказался сесть с ним рядом, «Я не стану есть вместе с тем, кто отдал сестру тюркам, — заявил он». Неужели мне придется объяснять потомку этого великого героя, что такое замужество ненавистно для девушки раджпутского рода?

Махарадж! Почему до сих пор ни одна девушка из вашего рода не стала женой тюрка? Ваш род — действительно мужественный и могущественный род, но это не единственная причина. Могущественный турецкий султан или персидский шах почитают за честь отдать дочь делийскому падишаху. Почему же тогда лишь повелитель Удайпура не отдает ему дочери? Потому что он раджпут. Я тоже раджпутка. Махарадж! Я поклялась, что умру, но сохраню честь своего рода.

Я поклялась, если не будет выхода, покончить с собой. Но все же в восемнадцать лет мне не хочется расставаться со своей молодой жизнью. Но кто может спасти меня? О моем отце нечего и говорить. Разве он в силах поспорить с самим: Аламгиром? Сколько радж-раджпутских князей, крупных и мелких, сделались слугами падишаха и дрожат в страхе перед ним. Вы — единственный светоч раджпутского рода, только вы независимы. Только повелитель Удайпура равен падишаху. Среди индусов нет больше никого, кто мог бы защитить девушку, которой угрожает опасность. Прошу вашей защиты — неужели вы не спасете меня?

Не думайте, что я не понимаю, с какой громадной просьбой обращаюсь к вам. Я пишу вам, руководясь не только девичьим умом. Я знаю, нелегко спорить с повелителем Дели. На земле нет никого, кто, вступив с ним в борьбу, мог бы надеяться уцелеть. Но, махарадж! Вспомните, что махарана Синграм Сингх едва не лишил трона шаха Бабура. Махарана Пратап Сингх изгнал шаха Акбара из Раджпутаны. А вы — наследник их трона, вы — потомок Санграма и Пратапа. Неужели вы слабее своих предков? Я слышала, что в Махараштре какой-то горный разбойник нанес поражение Аламгиру. Может ли тогда Аламгир померяться силами с повелителем Раджастана?

Вы можете сказать — да, у меня есть силы, но почему я должен идти на такие жертвы ради тебя? Почему я должен убивать людей и вести кровопролитную войну ради какой-то неизвестной взбалмошной девчонки?

Махарадж! Разве не долг государя, рискуя всем своим достоянием, защищать нуждающегося в защите? Разве не долг раджпута, рискуя всем, защитить девушку одной с ним касты?»

В конце письма была сделана приписка другим почерком. Нам неизвестно, знала ли принцесса о том, что написала Нирмал.

«Махарадж! — писала Нирмал. — Я должна сказать еще об одном, хотя мне стыдно писать об этом. В день несчастья я дала обет, что стану рабыней того героя, который спасет меня от рук моголов, если он раджпут и если он возьмет меня в жены. О славнейший из героев! Герой добывает жену в бою. Пандавы завоевали Драупади, сражаясь против кшатриев. Бхишмадев завоевал себе невесту в царстве Каши⁵⁰ показав свою доблесть.

О государь! Вы, наверное, помните, как выходила замуж Рукмини? Сейчас на земле нет героя, который мог бы сравниться с вами — неужели вы уклонитесь от своего долга?

Я понимаю, что желание стать вашей подругой вряд ли осуществимо. Но могу ли я надеяться на доброе отношение с вашей стороны? Для того, чтобы не лишиться хотя бы этой милости, я посылаю вам браслет со своим духовным наставником. Он оставит его вам в залог. Ваш долг государя — в ваших руках. В моих руках — моя жизнь. Если мне придется ехать в Дели, по дороге туда я приму яд».

Прочитав письмо, Радж Сингх задумался. Затем поднял голову и спросил Маниклала:

— Знает ли кто-нибудь, кроме тебя, содержание этого письма?

---

⁵⁰ Чанчал-кумари говорит в своей письме о персонажах древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Пандавы — пять сыновей героя Панду, завоевали в многодневном состязании на ловкость и силу — Драупади, дочь царя, которая стала их супругой. Бхишмадев — также один из героев Махабхараты, завоевавший себе супругу в бою. Каши — древнее название Бенареса

— Махарадж убил в пещере всех, кто знал.

— Хорошо. Возвращайся домой, а потом приезжай в Удайпур и приходи ко мне. Не говори никому об этом письме.

С этими словами Радж Сингх дал Маниклалу несколько золотых монет. Маниклал совершил пронам и удалился.

Глава шестая

Слава матери

Ананта Мисра сидел и ждал, когда вернется его избавитель, но на душе у него было беспокойно. Воинские доспехи всадника и его пронизательный взгляд испугали брахмана. Он избавился от опасности и сохранил жизнь благодаря счастливой случайности, но все надежды и упования Чанчал-кумари, все было потеряно! Как теперь он покажется ей на глаза? Погруженный в свои мысли брахман не сразу заметил нескольких человек, которые стояли на ближайшем холме, о чем-то между собой переговариваясь.

— Неужели это новая разбойничья шайка? — испугался он. В первый раз, найдя у него чем поживиться, разбойники сохранили ему жизнь, но чем он откупится теперь, если попадет к ним в лапы? Брахман увидел, что люди, стоявшие на холме, указывают на него пальцами и что-то говорят друг другу. Окончательно потеряв присутствие духа, Ананта Мисра вскочил на ноги, готовый бежать куда глаза глядят. В это время один из незнакомцев стал спускаться с холма, и брахман бросился бежать во все, дух.

— Держи! Держи! — закричали остальные и бросились за ним следом. Брахман едва не потерял сознание от страха, он не успел даже заткнуть за пояс край дхоти, но, твердя молитву, летел как стрела. В конце концов преследователи потеряли его из виду и вернулись ни с чем. Люди эти были слуги махараны. Следует объяснить, каким образом сам махарана оказался в этих местах. Охота — излюбленное развлечение раджпутов, и Радж Сингх не был исключением в этом отношении. В тот день он в сопровождении сотни всадников и слуг отправился на охоту. Постоянная охрана тяготила Радж Сингха. Иногда он путешествовал по стране один под видом простого всадника. Так он узнавал, как живут его подданные. Подданные его жили счастливо, потому что раджа все видел собственными глазами и своей рукой отводил от них всякие беды.

Возвращаясь с охоты, он приказал своим спутникам придержать коней, а сам вскочил на своего быстрого Виджая и поскакал вперед один. О том, как он повстречался с Анантой Мисрой, читателю уже известно. Узнав о преступлении, которое совершили разбойники, Радж Сингх бросился вслед за ними, чтобы собственноручно вернуть вещи, похищенные у брахмана. Его привлекало все, что таило в себе трудности и опасность.

Обеспокоенные долгим отсутствием махараны, слуги отправились на поиски своего повелителя. Спускаясь с гор, они заметили, что внизу стоит его конь. Это их удивило и озадачило, не случилось ли что-нибудь с их господином? Увидев внизу сидящего на камне брахмана, они подумали, что этот человек наверняка что-нибудь знает о Радж Сингхе. Поэтому-то они и показывали на него пальцами. Слуги махараны стали спускаться, чтобы расспросить брахмана, но тот бросился бежать. Тогда они решили, что это неспроста и пустились в погоню. Брахман едва спасся от них, укрывшись в горной расщелине.

В это время махарана, прочитав письмо Чанчал-кумари и отпустив Маниклала, отправился на поиски Ананты Мисры. Но вместо брахмана он увидел своих слуг и всадников, которые заполнили все плато. Они встретили Радж Сингха радостными криками. При виде своего господина Виджай в три прыжка спустился вниз и подбежал к нему. Махарана вскочил на коня. По следам крови на его одежде все догадались, что его путешествие не обошлось без приключений. Но для раджпутов подобные приключения были привычным делом, и никто не стал расспрашивать махарану.

— Куда исчез брахман, который был здесь? — спросил Радж Сингх. — Кто-нибудь

его видел?

Махарадж, — ответили слуги махараны, которые гнались за брахманом, — он скрылся.

— Немедленно разыщите его.

Слуги объяснили махаране, что они сами долго, но безуспешно разыскивали брахмана.

Среди всадников были два сына махараны, его близкие родственники и советники. Раджа отъехал с ними в сторону и стал совещаться. Вернувшись затем к своим спутникам, он сказал им:

— Дорогие друзья! Час уже поздний, все вы, без сомнения, хотите есть и вас мучит жажда. Но сегодня нам не суждено вернуться в Удайпур. Нам придется снова подняться в горы. Нас ожидает небольшое сражение — кто хочет сражаться, пусть идет со мной, а кто не хочет, может возвращаться домой.

С этими словами махарана пришпорил коня. Тотчас же все сто всадников воскликнули: «Слава махаране! Слава Матери!» — и двинулись вслед за ним. Поднявшись в горы, они направились к Рупнагару. По всему плоскогорью перекатывалось звучное эхо от топота копыт.

Глава седьмая

Отчаяние

Вскоре после того как Ананта Мисра отправился в Удайпур, в Рупнагаре произошли немаловажные события. В рупнагарскую крепость прибыли две тысячи всадников могольского падишаха.

Огорченная Нирмал прибежала к Чанчал-кумари.

— Что теперь с нами будет! — воскликнула она.

— О чем ты говоришь? — улыбнулась Чанчал-кумари.

— Но ведь войско падишаха пришло за тобой. А брахман совсем недавно отправился в Удайпур. Пока он доберется туда, пройдет немало времени. Тебя увезут раньше, чем мы получим ответ Радж Сингха. Что с нами будет?

— Делать нечего, у меня остается мое последнее средство. Я твердо решила принять яд по пути в Дели. Поэтому я больше не волнуюсь. Я попрошу отца только об одном — может быть, могольский военачальник отсрочит отъезд на неделю.

Когда настало время, Чанчал-кумари припала к отцовским стопам и сказала:

— Я навсегда покидаю Рупнагар. Я уже никогда не увижусь с вами, никогда не смогу повеселиться со своими подружками. Молю об одном, пусть могольское войско семь дней побудет в крепости. За эту неделю я насмотрюсь на вас всех, прежде чем мы расстанемся навсегда.

Раджа прослезился.

— Я попрошу могольского военачальника, — ответил он, — но не могу ручаться, что он согласится подождать.

Раджа, как обещал, обратился с просьбой к начальнику могольских всадников. Тот задумался — падишах не назначил определенного дня возвращения. Однако военачальник побоялся задержаться на неделю. С другой стороны, он не мог и отклонить просьбу будущей жены падишаха и согласился остаться на пять дней. Но и эта отсрочка не вселила надежды в душу Чанчал-кумари.

А из Удайпура по-прежнему не было никаких вестей. Ананта Мисра не возвращался. Чанчал-кумари подняла взор к небесам, воздела руки и взмолилась:

— О покровитель беззащитных, повелитель богов, не губи слабую женщину.

Ночью к ней в спальню пришла Нирмал. Всю ночь подруги проплакали, тесно прижавшись друг к другу.

— Я поеду с тобой, — снова заявила Нирмал. Она уже несколько дней твердила об этом.

— Куда же ты поедешь со мной? — возразила Чанчал-кумари. — Я иду на смерть.

— Тогда я тоже умру, — сказала Нирмал. — Неужели я останусь жить, если ты покинешь меня?

— Как тебе не стыдно! — воскликнула Чанчал-кумари. — Не говори мне больше подобных слов. Зачем ты растравляешь мое горе?

— Возьмешь ты меня с собой или нет, — не отступала Нирмал, — я все равно поеду, никто меня не удержит.

Так в слезах прошла вся ночь.

Глава восьмая

Мехерджан

Могольские всадники стали лагерем в Рупнагаре. Воины провели несколько дней в развлечениях. Моголы даже в походах не расставались с танцовщицами, и в промежутках между сражениями в их лагерях не прекращались песни и танцы. Поход в Рупнагар был для них развлечением, по вечерам в их палатках не смолкал веселый шум.

Среди танцовщиц неожиданно прославилась Мехерджан. В Дели никто о ней не слышал. Но даже прославленные танцовщицы, приехавшие с войском в Рупнагар, не смогли с ней сравниться. Кроме того, Мехерджан завоевала доброе имя целомудренным поведением.

Могольский военачальник Саед Хасан Али изъявил желание послушать ее пение. Но Мехерджан согласилась не сразу.

— Я не могу выступать в присутствии многих людей, — заявила она.

Саед Хасан Али пообещал, что будет слушать ее один. Танцовщица пришла к нему, пела и танцевала. Он остался очень доволен и предложил ей денег.

Но танцовщица сказала:

— Денег мне не нужно. Если вы довольны мной, дайте ту награду, о которой я вас попрошу. А другой мне не надо.

— Чего ж ты хочешь в награду? — спросил Саед Хасан Али.

— Я хочу стать могольским всадником! Ошеломленный Хасан Али в недоумении смотрел на прекрасное улыбающееся лицо Мехерджан.

— Я сама заплачу за коня, оружие и одежду, — сказала Мехерджан, видя, что он продолжает молчать.

— Разве женщина может быть воином-всадником? — возразил Хасан Али.

— Что в этом плохого? — сказала Мехерджан. — Ведь войны не будет. А если и будет, я не покажу спину.

— А что скажут люди?

— Об этом никто не узнает, кроме вас и меня.

— А зачем тебе это нужно?

— Не все ли равно, зачем? Во всяком случае, падишаху от этого вреда не будет.

Хасан Али долго не соглашался, но в конце концов ему пришлось уступить перед настойчивостью Мехерджан. Просьба танцовщицы была удовлетворена.

А Мехерджан была не кто иная, как Дария-биби.

Глава девятая

Верность господину

Теперь вернемся к Маниклалу. Расставшись с Радж Сингхом, он прежде всего возвратился в горную пещеру, но не для того, чтобы опять заняться разбоем, а чтобы

узнать, что стало с его бывшими товарищами. Если кто-нибудь из них жив, его нельзя оставлять на произвол судьбы.

Войдя в пещеру, Маниклал увидел, что двое мертвы, а разбойник, который лежал без сознания, очевидно] пришел в себя и скрылся. Опечаленный Маниклал наломал в лесу сучьев, сложил два погребальных костра и положил на них трупы. Потом он достал из пещеры огниво и кремь и высек огонь. Костры запылали. Отдав последний долг своим товарищам, Маниклал удалился. Он решил посмотреть, что стало с брахманом. Добравшись до того места, где был привязан Ананта Мисра, Маниклал увидел, что его и след простыл. Прозрачная вода ручья слегка замутилась, ветки деревьев и кусты были во многих местах поломаны, лианы порваны, трава примята. По всем этим признакам Маниклал догадался, что здесь только что побывало много людей. Затем он заметил на скалах следы подков, эти полукруглые отпечатки были особенно отчетливо видны там, где лошади потоптали лианы и кусты.

Одни следы направлялись на юг, другие — на север. Следы, смотревшие на юг, вскоре снова повернули на север. Маниклал понял, что всадники прибыли с севера и затем повернули обратно.

Когда это стало ему ясно, Маниклал отправился домой. Дом его находился примерно в двух-трех крошах⁵¹ от ущелья. Дома он приготовил себе ужин, поел и, взяв на руки свою маленькую дочь, запер дверь на замок и покинул дом.

Родных у Маниклала не было, была только дальняя-предальная родственница. Скорее из почтения, чем из родственных чувств, Маниклал звал ее тетушкой.

Вместе с дочерью Маниклал отправился к ней.

— Тетушка! — закричал он с порога. — Ты дома?

— Ах, это ты, мой дорогой Маниклал! — отозвалась тетка. — С чем пожаловал?

— Можешь приютить мою дочку? — спросил Маниклал.

— Надолго ли?

— Месяца на два, на три.

— Помилуй, дорогой! — воскликнула тетка. — Я же бедная женщина. Чем стану я ее кормить?

— Что ты, тетушка? Неужели ты такая бедная? Неужели ты не в состоянии два месяца прокормить внучку?

— Конечно! Чтобы кормить ее два месяца, нужно потратить целый золотой.

— Хорошо, я дам тебе этот золотой, только приюти девочку на два месяца. Я отправляюсь в Удайпур, — я получил там хорошее место при дворе.

Маниклал бросил тетке один из золотых, полученных им от Радж Сингха, и, подтолкнув к ней девочку, сказал:

— Иди, иди к бабушке на ручки.

Тетушка не устояла перед соблазном. Она прекрасно знала, что на один золотой можно кормить и одевать ребенка в течение целого года, а Маниклал просил ее приютить девочку на два месяца. Значит, она останется еще в барыше. Кроме того, Маниклал признался, что получил должность при дворе, кто знает, быть может он станет большим человеком. Неужели он тогда не отблагодарит тетку? Такого человека не следует упускать из рук.

— Ну что ж, — сказала она, принимая золотой. — Я присмотрю за твоей дочерью. Разве это так трудно? Будь за нее спокоен. Иди ко мне, милая моя, иди. — С этими словами тетка посадила девочку к себе на колени.

Пристроив дочь, успокоенный Маниклал покинул деревню и, не сказав никому ни слова, направился по горной дороге, ведущей в Рупнагар.

Он стал размышлять о том, что произошло с ним сегодня: «Почему на плоскогорье появилось так много всадников? Махарана был один, когда я его встретил, но один он не

---

51 Крош — мера длины, около четырех километров.

мог бы уехать так далеко от Удайпура. Значит, эти всадники — его свита. Скорее всего, они приехали с севера и направлялись в сторону Удайпура. Наверно, махарана возвращался домой после охоты или лесной прогулки. Но всадники не вернулись в Удайпур. Почему они повернули на север? На севере находится Рупнагар. Значит, прочитав письмо Чанчалкумари, махарана со своими воинами поехал по ее зову. Конечно, он должен был откликнуться на ее просьбу, иначе он не был бы вождем раджпутов. Я его слуга, и мне надлежит отправиться к своему господину. Но раджпуты едут верхом, я намного отстану от них, идя пешком. Однако я надеюсь, что кони не так уж быстро скачут по горным дорогам, а Маниклал, как никак, отличный ходок».

Маниклал шел без отдыха и днем и ночью. Добравшись до Рупнагара, он увидел, что в крепости стоят лагерем две тысячи могольских всадников, но раджпут-раджпутских воинов нигде не видно. Он узнал, что завтра утром могольские солдаты повезут принцессу в Дели.

У Маниклала был ум полководца. Он не огорчился, не найдя раджпутов. «Моголы не смогут их обнаружить, — сказал он самому себе. — Но слуга разыщет своего господина».

— Можешь показать мне дорогу на Дели? — спросил он одного горожанина. — Я отблагодарю тебя.

Горожанин согласился и вывел его из города на делийскую дорогу. Маниклал расплатился с ним и пошел дальше один, внимательно разглядывая все, что видел по сторонам. Сначала ничто не говорило о присутствии раджпутских воинов. Дорога постепенно становилась уже. С обеих сторон ее встали горы, протянувшиеся чуть ли не на полкроша. С правой стороны горы были очень высокие и неприступные, их вершины нависли над дорогой. С левой стороны горы были пологие, невысокие и удобные для подъема. В одном месте виднелась расщелина, к которой вела узкая тропа.

Наполеон, как и многие другие разбойники, был искусным полководцем. Если грабитель сидит на престоле, его не принято называть разбойником. Маниклал, увы, не был императором, однако подобно своим царственным братьям этот мелкий разбойник был наделен зрением полководца. «Если махарана решил спасти принцессу, — подумал он, — то он должен устроить засаду именно здесь. Когда могольское войско войдет в это ущелье, раджпутские всадники обрушатся на него с горных вершин. Справа горы встают отвесной стеной, там всадники подняться и спуститься не смогут. Значит, раджпутских воинов там нет. Слева же спуск очень удобный».

Маниклал стал подниматься в горы с левой стороны. Уже начинало смеркаться. Маниклал поднялся довольно высоко, но раджпутов не было видно. Он уже решил отправиться на поиски, как вдруг ему пришло в голову, что никто из раджпутов, кроме махараны, не знает его в лицо и что любой раджпутский воин может убить его из засады, приняв за могольского лазутчика. Маниклал решил остановиться и громко крикнул:

— Да здравствует махарана!

Тотчас же из засады появилось несколько вооруженных раджпутов. Они готовы были изрубить Маниклала на куски.

— Не троньте его, — сказал один из них, и Маниклал увидел, что это сам Радж Сингх.

— Не троньте его, — повторил махарана. — Это наш воин.

Раджпутские воины тотчас же исчезли, как сквозь землю провалились.

Махарана приказал Маниклалу подойти поближе. Тот повиновался. Отведя его в сторону, Радж Сингх велел ему сесть и сел сам.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил он.

— Слуга должен быть там, где его господин, — ответил Маниклал. — Тем более что вы решились на такое опасное дело. Слуга пришел в надежде, что и он на что-нибудь пригодится. Моголов две тысячи, а у махараджи всего сотня воинов. Как я могу оставаться безучастным? Вы подарили мне жизнь — об этом не забудешь в один день.

— Как ты догадался, что я здесь? — спросил махарана.

Маниклал ему все объяснил. Махарана остался доволен.

— Ты хорошо сделал, что пришел, — сказал он. — Я давно уже ищу такого хитреца. Сможешь сделать то, что я скажу?

— Сделаю все, что в человеческих силах, — ответил Маниклал.

— У нас всего сотня воинов, — продолжал махарана. — У моголов две тысячи. Если мы завяжем с ними бой, мы можем погибнуть, но не победить. В бою нам не удастся освободить принцессу. Сначала ее надо освободить, а потом уже начинать бой. Если она останется на поле битвы, ее могут ранить. Прежде всего необходимо оградить ее от опасности.

— Я маленький человек, — сказал Маниклал. — Смогу ли я все это понять? Приказывайте, что я должен сделать.

Ты должен переодеться в платье могольского всадника и вернуться сюда вместе с моголами. Держись рядом с паланкином принцессы. Ты должен будешь сделать все, что я тебе скажу.

Махарана дал Маниклалу подробные инструкции. Выслушав его, Маниклал воскликнул:

— Да здравствует махарадж! Все будет исполнено. Только прошу вас — пожалуйста мне коня!

— Нас сто воинов, — ответил Радж Сингх. — У нас сто коней. Лишнего коня для тебя нет. Я не могу взять коня у кого-нибудь из воинов и отдать тебе. Можешь взять моего.

Не возьму, пока я жив, — сказал Маниклал. — Тогда дайте мне хотя бы оружие.

— Откуда у нас лишнее оружие? Нам самим его не хватает. Я не могу обезоружить другого и вооружить тебя. Можешь взять мое.

— Это невозможно. Тогда пусть мне дадут хотя бы одежду.

— У нас нет ничего, кроме того, что одето на нас самих. Я ничего не смогу тебе дать.

Махарадж! — воскликнул Маниклал. — Тогда дайте разрешение добыть все это недозволенным способом.

— Опять украдешь? — засмеялся махарана. Маниклал прикусил язык.

— Я поклялся, что больше не буду воровать, — оказал он.

— Тогда как же? — спросил махарана.

— Добуду обманом, — ответил Маниклал. Радж Сингх рассмеялся.

— Во время войны все воры, все обманщики, — заметил он. — Я тоже собираюсь украсть невесту падишаха. Сижу в засаде, как разбойник. Делай как знаешь.

Довольный, Маниклал совершил пронам и удалился.

Глава десятая

Хитроумная продавщица бетеля

Было уже темно, когда Маниклал вернулся в Рупнагар. Рупнагарский базар поразил Маниклала своей красотой. Он был залит светом сотен фонариков, украшавших лавки. Всевозможные яства возбуждали аппетит своими яркими красками, цветы и цветочные гирлянды чаровали зрение, ветер разносил их аромат. Маниклал поставил своей целью — раздобыть оружие, однако это отнюдь не означало, что он собирался уморить себя голодом. Он накупил множество лакомств, съел все до последней крошки, напился воды и, расплатившись с лавочником, отправился на поиски бетеля.

Лавка бетеля выделялась богатым убранством. Многочисленные светильники, заключенные в фонарики разной формы, струили мягкий свет. Стены лавки были обклеены разноцветной бумагой и увешаны всевозможными яркими картинками, главным образом любовного содержания. Посреди, на мягком ковре, восседала владелица — продавщица бетеля. Ей лет за тридцать, но она была не лишена привлекательности. Светлая кожа, большие глаза, пылкий взгляд, а улыбка, обнажающая два ряда безукоризненных зубов, — исполнена соблазна. Когда она смеется, дрожат и сверкают все ее золотые и серебряные

украшения. Все это не укрылось от внимательного взгляда Маниклала. Он попросил дать ему бетеля.

Сама хозяйка не занималась торговлей, бетель готовила и продавала служанка. Владелица лавки только принимала деньги и ласково улыбалась.

Служанка приготовила бетель. Маниклал заплатил двойную цену и заказал бетель снова. Пока бетель готовили, он улыбнулся хозяйке и попытался завязать с ней беседу. Он не мог начать разговор с комплиментов ее красоте, чтобы она не подумала чего плохого, и похвалил сначала убранство лавки и украшения хозяйки. От его речей хозяйка растаяла и в дополнение к сладкому бетелю одарила его сладкими словами. Продолжая жевать бетель, Маниклал взял у хозяйки кальян и принялся курить. В это время обнаружилось, что кончились пряности, и служанка отправилась за ними в соседнюю лавку. Пользуясь ее отсутствием, Маниклал сказал хозяйке:

— Я вижу, ты ловкая женщина. Я давно уже ищу такую. У меня есть враг, которому я хочу насолить. Сейчас я объясню тебе, что нужно сделать. Если ты мне поможешь, я дам тебе золотой.

— А что от меня требуется?

Понизив голос, Маниклал рассказал ей о своем плане. Хозяйка любила пошутить и тотчас же согласилась.

— Мне не нужен золотой, — сказала она. — Наградой мне будет удовольствие, которое я получу.

По просьбе Маниклала служанка принесла из соседней лавки чернильницу, ручку и бумагу. Посоветовавшись с продавщицей бетеля, Маниклал написал: «О любимый! Я видела, как ты въезжал в город и очарована твоей красотой. Я погибну, если не встречу с тобой. Я слышала, что завтра вы уезжаете. Значит, сегодня мы обязательно, обязательно должны встретиться. Иначе я перережу себе горло. Человек, вручивший это письмо, покажет тебе, как найти меня».

Когда письмо было готово, Маниклал написал наверху — «Мухаммед-хану».

— Кто он такой? — спросила продавщица бетеля.

— Один могольский всадник, — ответил Маниклал. В действительности, Маниклал не знал никакого Мухаммед-хана. Однако он был уверен, что среди двух тысяч моголов должен найтись хотя бы один Мухаммед. А всем известно, что каждый могол называет себя ханом. Поэтому смело можно было писать «Мухаммед-хану».

— Могу я привести его сюда? — спросил он, покончив с письмом.

— Нет, сюда нельзя, — ответила хозяйка. — Придется снять комнату.

Вдвоем они отправились на базар и подыскивали комнату. Хозяйка принялась готовить ее к приему могольского воина, а Маниклал с письмом пошел в лагерь моголов. Там царили шум и суматоха. Никакого порядка не было и в помине. Посреди лагеря образовался целый базар, со всех сторон слышались смех и шутки.

— Господин, вы не знаете, где я могу найти Мухаммед-хана? — спрашивал Маниклал у встречаемых могольских воинов, — у меня письмо для него.

Но никто не знал Мухаммед-хана. Одни отвечали руганью, другие отрицательно качали головой, третьи советовали поискать в другом месте. Наконец один могол сказал:

— Мухаммед-хана я не знаю. Но меня самого зовут Нур Мухаммед-хан. Дай взглянуть, может быть, письмо мне.

Маниклал охотно вручил ему письмо, он знал, что могол обязательно попадет в ловушку. А могол подумал, прочтя письмо: «Не все ли равно, кому оно послано? Почему бы мне не воспользоваться удобным случаем?» Маниклалу он сказал:

— Да, письмо действительно мне. Веди меня. Могол зашел в свою палатку, причесался, надушился, принарядился и вышел.

Эй, слуга, — окликнул он Маниклала, — далеко ли идти?

Очень далеко, господин! — почтительно сложив руки, ответил Маниклал. — Будет

лучше, если вы поедете верхом.

— Отлично.

Мухаммед-хан вывел лошадь и готов был вскочить в седло, когда Маниклал снова почтительно сложил руки и сказал:

— Господин! Вы едете в богатый дом, было бы хорошо, если бы вы явились во всем блеске своего вооружения.

«Он прав, — подумал новоявленный любовник. — Я воин. Как это я поеду без оружия?» Могол вооружился и сел на коня.

Приведя его в условленное место, Маниклал сказал:

— Здесь. Я подержу вашего коня, а вы войдите в этот дом.

Могол спешился. Маниклал взял коня под уздцы. Обвешанный оружием Нур Мухаммед хотел было войти в дом, но решил, что с оружием неудобно предстать перед дамой. Он вернулся и оставил у Маниклала свое оружие. Маниклалу это было лишь на руку.

Войдя в дом, могол увидел великолепное ложе, на котором сидела красавица. Комната благоухала ароматом розового масла. Повсюду разбросаны цветы, а прямо перед ним стоял кальян с душистым табаком. Хан снял обувь и, сев на ложе, обратился к красавице с пылкими словами. Затем он снял верхнюю одежду и, обмахиваясь цветочным веером, блаженно затянулся дымом кальяна. Женщина красноречиво дала ему понять, что он пользуется взаимностью, и могольский воин был совершенно очарован.

Не успел он выкурить трубку, как в дверь постучал Маниклал.

— Кто там? — спросила женщина.

— Это я, — ответил Маниклал, изменив голос.

— Беда, — испуганно прошептала хитрая женщина. — Вернулся муж. Я думала, что сегодня он уже не придет. Спрячься под кроватью. Я его сейчас выпровожу.

— Что такое? — воскликнул могол. — Мужчине не пристало прятаться! Кто бы сюда ни пришел, я разделаюсь с ним.

— Что ты говоришь? Опомнись! Ты хочешь убить моего кормильца? Вот награда за мою любовь! Полежай под кроватью, я быстро отделаюсь от него.

Маниклал продолжал стучать в дверь, и моголу поневоле пришлось залезть под кровать. Он был толст, и это было ему нелегко. Протискиваясь под кровать, он в нескольких местах ободрал себе кожу, но что поделаешь — любовь требует жертв. Наконец, его мясистая туша скрылась под кроватью, продавщица бетеля пошла открывать дверь.

Когда они вдвоем вошли в комнату, она спросила, как было условлено:

— Почему ты вернулся? Ты ведь говорил, что не придешь сегодня.

— Я забыл ключ, — по-прежнему изменив голос, отвечал Маниклал.

Делая вид, что она разыскивает ключ, продавщица бетеля взяла одежду могольского воина, и они оба вышли, заперев за собой дверь. А хан терпел в это время укусы мышей под кроватью.

Маниклал переоделся в костюм могола, опоясался его мечом, вскочил на его коня и направился занять его место в мусульманском лагере.

Часть четвертая

Бой в ущелье

Глава первая

Отъезд Чанчал-кумари

Утром могольское войско собралось в путь. Из ворот рупнагарской крепости потоком потянулись устрашающе вооруженные, усатые и бородатые всадники в тюрбанах и доспехах. Они двигались рядами по пять человек. Светлые лица всадников, украшенные черными бородами, напоминали гроздья цветов, облепленных пчелиным роем. Кони грациозно изгибали шеи, нетерпеливо грызли удила, игриво переступали с ноги на ногу, плавно покачивались, словно собирались танцевать.

Чанчал-кумари поднялась рано утром и, совершив омовение, стала одеваться. Ее наряжала Нирмал.

— Подружка, укрась меня лучше цветами, — сказала Чанчал-кумари. — Ведь я отправляюсь на собственные похороны.

— Я украшу тебя драгоценностями, милая, — отвечала Нирмал, с трудом сдерживая рыдания. — Ты едешь, чтобы стать повелительницей Удайпура.

Хорошо, надевай драгоценности, Нирмал! — воскликнула Чанчал-кумари. — Зачем мне умирать безобразной? Я дочь раджи и умру красивой, как подобает принцессе. Какое царство можно сравнить с красотой? Может ли быть прекрасен трон без венчающей его красоты?

Нирмал стала украшать драгоценностями Чанчал-кумари. Глядя на ее красоту, рядом с которой поблекло бы усыпанное цветами дерево, Нирмал расплакалась и ничего не ответила. Чанчал-кумари обняла ее и заплакала сама.

— Нирмал, — сказала она. — Больше я не увижу тебя!^ Зачем всевышний так зло пошутил надо мной! Какой-нибудь колючий куст остается там, где вырос. Почему же я не могу остаться в Рупнагаре?

— Мы еще увидимся, — ответила Нирмал. — Мы встретимся, где бы ты ни была. Ты не умрешь, не повидавшись со мной, и я не умру, пока не увижу тебя.

— Я умру на пути в Дели, — возразила Чанчал-кумари.

— Значит, мы встретимся на пути в Дели.

— Что ты говоришь, Нирмал? Как ты поедешь?

Нирмал промолчала, обняла Чанчал-кумари и снова расплакалась.

Закончив свой туалет, Чанчал-кумари отправилась в храм поклониться Шиве.

— Великий бог! — обратилась она к нему, совершив обряд. — Я иду на смерть. Скажи, чем тебя так радует смерть девушки? Неужели твой мир рухнет, если Я останусь в живых? Если ты задумал это, то зачем ты послал меня на землю дочерью раджи?

Затем Чанчал-кумари пошла поклониться матери и проститься с ней. Совершив пронам, она долго плакала у ее ног. Потом она поклонилась отцу и тоже поплакала. Чанчал-кумари простилась со всеми своими подружками. Было пролито немало слез. Чанчал-кумари одарила подружек украшениями, безделушками и деньгами. Одной она сказала: «Не плачь, я вернусь». Другой сказала: «Не нужно плакать, разве ты не понимаешь — я уезжаю, чтобы стать повелительницей мира?» — «Не плачь, — сказала она третьей, — если бы слезы помогали горю, я затопила бы слезами рупнагарские горы».

Попрощавшись со всеми, Чанчал-кумари села в паланкин. Тысяча всадников выстроилась впереди, и тысяча всадников — позади паланкина. Паланкин был выложен украшениями из слоновой кости с инкрустациями из драгоценных камней, а внутри обтянут дорогими разноцветными тканями. Вооруженные пиками слуги своими пышными одеяниями поразили воображение местных жителей. Когда Чанчал-кумари поднялась в паланкин, в крепости затрубили в раковины, паланкин засыпали цветами и жареным рисом. Военачальник отдал приказ выступать, и конница потекла по дороге, как прорвавшая плотину река. Кони шли, грызя удила и пританцовывая; далеко разносился звон оружия.

Утренний ветерок приятно обдувал лица всадников. Один из воинов, ехавших за паланкином, вырвался вперед и запел:

Напрасно пастушка
Льет горькие слезы,
Не видя того, Кто на флейте играет.
Спрятавшись, Кришна Ее ожидает
И улыбается Шутке своей.

«Увы! — вздохнула принцесса, услышав песню. — Если бы все было как в песне!» Она подумала о Радж Сингхе. Чанчал-кумари не знала, что эту песню пел за ее спиной Маниклал. Как было условлено, он постарался занять место позади паланкина.

Глава вторая

Нирмал решается на отчаянный шаг

В душе Нирмал бушевала буря. Чанчал-кумари уехала в паланкине, украшенном драгоценными камнями — спереди и позади него две тысячи красавцев воинов оглашали рупнагарские горы криками в честь аллаха. Нирмал плакала и не могла остановиться. Она осталась одна, совсем одна. Без Чанчал-кумари она чувствовала себя такой одинокой среди сотен придворных. Поднявшись на башню дворца, Нирмал стала глядеть вдаль, где могольская конница растянулась по горной дороге, извиваясь, как удав в четверть кроша длиной.

Лучи утреннего солнца ослепительно сверкали, отражаясь на остриях копий. Нирмал смотрела, пока у нее не зарябило в глазах. Она вытерла выступившие слезы и спустилась вниз. Она спускалась уже с готовым решением. Прежде всего она достала все свои драгоценности из тайника, о котором никто не знал. Затем она взяла несколько монет из накопленных ею денег и, покинув дворец одна, твердым шагом пошла по дороге вслед за могольской конницей.

Глава третья

Полководец Мубарак

Извиваясь, как исполинский удав, могольская конница двигалась по горной дороге. Наконец она вошла в то самое ущелье, где Маниклал разыскал Радж Сингха. Эхо от топота бесчисленных конских копыт огласило горы. В этом диком, безмолвном и безлюдном месте даже тихое позвякивание оружия рождало звонкое эхо. По ущелью разносилось конское ржанье и голоса воинов. От шума дрожали листья лиан и кустов у подножья гор. Лесные зверушки, птицы и насекомые, безбоязненно обитавшие в диком ущелье, поспешно спасались бегством. Когда вся могольская конница вошла в ущелье, внезапно сверху послышался грохот. Всадники подняли головы и на мгновение остолбенели. С вершины сорвался громадный камень и скатился прямо на колонну всадников. Один воин был убит, другой — ранен.

Не успели моголы понять, что случилось, как на них обрушился еще один камень — за ним другой, третий, четвертый; с гор посыпался целый град больших и мелких камней. Множество всадников и коней было убито и ранено. Рухнув на землю, они своими телами загородили и без того узкую дорогу. Кони понесли, но со всех сторон путь преграждали тесные ряды воинов; кони и всадники падали на землю, сверху на них валились другие; воины прокладывали себе путь с оружием в руках. Порядок был нарушен, среди солдат поднялась паника.

— Носильщики, берегитесь! Левее! — закричал Маниклал.

Суматоха произошла как раз перед паланкином принцессы, за которым ехал Маниклал. Носильщики думали только о спасении собственной жизни — их теснили попятившиеся назад кони. Читатели, возможно, помнят, что по левую сторону дороги была расщелина. Она была такая узкая, что идти по ней можно было с трудом. Паника началась в тот момент, когда окруженный войсками паланкин поравнялся с расщелиной. Об этом позаботился Радж Сингх. Получивший в свое время точные указания, Маниклал направил смертельно напуганных носильщиков по узкой тропе. Услышав его крик, носильщики, стремясь спасти самих себя и принцессу, недолго думая понесли паланкин в расщелину.

Следом за ними поскакал и, Маниклал. Ближайшие всадники увидели, что это единственный путь к спасению, и один из них бросился было вслед за Маниклалом. Но тут сверху со страшным грохотом скатился огромный камень. Он раздавил всадника вместе с конем и наглухо загородил вход в расщелину. Один Маниклал вместе с паланкином принцессы продолжал свой путь.

Командующий могольским войском мансабдар Ха-сан Али Хан находился в арьергарде. Он стоял у входа в ущелье и наблюдал за тем, как войска входят в его узкий проход. Когда все воины вошли в ущелье, он, не торопясь, двинулся вслед за ними. Внезапно среди солдат началась паника, и они стали пятиться назад. Никто не мог как следует объяснить военачальнику, что произошло. Осыпая солдат бранью, он заставил их повернуть назад, а сам поскакал вперед узнать, что случилось.

Но солдаты не стали дожидаться своего военачальника. Ранее говорилось, что с правой стороны ущелья горы были высокие и неприступные, их вершины, бросая тень, нависли над дорогой. Раджпуты забрались на самый гребень и устроили там засаду. Они расположились в сорока — пятидесяти шагах друг от друга. Всю ночь пятьдесят раджпутских воинов собирали камни, и перед каждым из них образовалась целая груда. Теперь они не переставая осыпали могольских всадников каменным градом. Каждый раз, когда все они разом швыряли вниз камни, пятьдесят всадников или лошадей валились на землю убитыми и ранеными. Моголы не видели, кто поражает их сверху, да если бы и увидели, все равно были бы бессильны нанести ответный удар врагу, укрывшемуся на неприступных вершинах, поэтому им казалось, что единственный выход в бегстве. Из тысячи воинов, ехавших перед паланкином, многие были убиты и ранены, а уцелевшие спаслись, бросившись вперед, к выходу из ущелья.

Пятьдесят раджпутов забрасывали моголов камнями с правой горной гряды, а пятьдесят воинов во главе с самим Радж Сингхом притаились на невысоком холме слева.

До сих пор они бездействовали, но теперь наступил черед и для них.

Мубарак находился там, где град камней был всего опасней. Сначала он пытался, сохраняя строй, вывести своих солдат из ущелья, но когда увидел, что паланкин с принцессой направился в расщелину в сопровождении одного-единственного всадника и что огромный камень словно засов тотчас же преградил путь, у него возникло подозрение, что дело здесь нечисто — должно быть, все это подстроено каким-нибудь негодяем, дерзнувшим похитить принцессу.

— Что для нас смерть! — воскликнул Мубарак, подозвав к себе ближайших воинов. — Пусть сотня всадников последует за паланкином. Сойдите с коней и перелезьте через камень. Я иду с вами.

Мубарак первым соскочил с коня и, взобравшись на преградивший им путь камень, спрыгнул в расщелину. Сотня воинов последовала его примеру.

Радж Сингх наблюдал за этой картиной с вершины. Пока моголы по одному пробирались на узкую тропу, он ждал. Но когда все они оказались в расщелине, пятьдесят раджпутских всадников обрушились на них как гром с ясного неба. Не ожидавшие нападения моголы пришли в полное расстройство. Большинство их полегло в жестокой схватке. Воины, находившиеся внизу, были раздавлены тяжестью свалившихся на них тел. Уцелело не более десятка человек, в том числе Мубарак. Раджпуты не стали преследовать их.

Вместе с Мубарак из расщелины выбрался Маниклал, по-прежнему одетый в костюм могольского всадника. Он тут же вскочил на коня, принадлежавшего убитому моголу, и скрылся, воспользовавшись суматохой, царившей среди могольской конницы. Выбравшись из ущелья, он пришпорил коня и стрелой помчался к рупнагарской крепости. Моголы, видевшие его, решили, что он спасается бегством.

Выбравшись из расщелины, Мубарак сказал своим всадникам:

— С левой стороны подъем нетруден. Подымайтесь по склону. Разбойников немного, мы уничтожим их всех до единого.

Пять сотен всадников с криком «Дин! Дин!»⁵² стали взбираться по левому склону. Их вел Мубарак. У моголов были две пушки. Одну из них всадники потянули за собой в горы, а другую, поменьше, обвязали цепями и с помощью слонов втащили на камень, преграждавший вход в расщелину.

Глава четвертая

Победоносная Чанчал-кумари

С возгласами «Дин! Дин!» пятьсот могольских всадников подобно всеразрушающему богу смерти поднялись в горы. Мы уже говорили, что горы были невысокие. Моголам не понадобилось много времени, чтобы подняться на вершину. Но, поднявшись, они увидели, что там никого нет. Мубарак только что потерпел поражение в расщелине и решил, что разбойники (а по мнению Мубарака, они были всего-навсего раджпутскими разбойниками), очевидно, находятся внизу. Он решил уничтожить их, закрыв второй выход из расщелины. Хасан Али должен был установить пушки у выхода, а Мубарак повел воинов краем обрыва. Тропа в расщелине постепенно расширялась. Подойдя к краю обрыва, Мубарак увидел на тропе раджпутов, сопровождавших паланкин. Их было не более сорока человек. Мубарак понял, что раджпутам известен выход из расщелины и что он сможет его обнаружить, если будет осторожно следовать за ними. Тогда он найдет и тропу, по которой раджпуты спустились с гор. Не спуская глаз с раджпутов, Мубарак стал осторожно продвигаться вслед за ними. Постепенно горы становились все более пологими, и вскоре впереди показался выход из расщелины. Моголы пришпорили коней и, спустившись вниз, первыми заняли выход. Раджпуты задержались, потому что в этот момент огибали излучину

---

⁵² Дин! Дин! — боевой клич мусульман. Дин — вера (арабск.).

расщелины. Заняв узкий проход, моголы установили пушку и, чтобы посмеяться над приближавшимися раджпутами, дали выстрел. Грохот пушечного выстрела и крики «Дин! Дин!» громким эхом отозвались в горах. С другого конца расщелины будто в ответ грянула пушка Хасан Али, и по горам снова прокатилось грозное эхо. Раджпуты дрогнули — у них пушек не было.

Радж Сингх понял, что спасения нет. Войска моголов многочисленней в двадцать раз, оба выхода из расщелины закрыты — все пути отрезаны, открыт только один путь в храм бога смерти. Радж Сингх решил избрать этот путь. Собрав своих воинов, он обратился к ним:

— Братья и друзья, соратники мои, от всего сердца прошу у вас прощения. Несчастье произошло по моей вине — я совершил ошибку, спустившись с гор. Теперь расщелина заперта с обеих сторон, с обеих сторон слышны пушечные выстрелы! С двух сторон стоят моголы, которых, несомненно, раз в двадцать больше, чем нас. Это значит, что на спасение нам надеяться нечего. Ну что из того? Кому из раджпутов ведом страх смерти! Мы погибнем все до единого — никто не спасется, но мы умрем сражаясь! Кто не убьет двух моголов прежде, чем погибнуть, тот не раджпут. Слушайте меня, раджпуты, по этой тропе кони не пройдут — слезайте с лошадей. С мечами в руках мы нападём на пушку. Если пушка будет наша, мы докажем, что раджпуты дорого отдают свою жизнь.

Раджпуты спешили и, как один выхватив мечи из ножен, закричали: «Слава махаране!»

Взглянув на их решительные лица, Радж Сингх убедился, что ни один из них не отступит перед смертью.

— Постойте по двое! — приказал он.

Всадники, двигавшиеся гуськом, спешили и выстроились по двое. Махарана пошел впереди. Близость смерти пьянила его сердце.

— Слава Матери! — внезапно закричали раджпутские воины. — Калимайики джай! ⁵³

Услышав этот громовой крик, Радж Сингх оглянулся и увидел, что раджпуты расступаются, чтобы пропустить к нему большеглазую улыбающуюся богиню. Либо сама богиня приняла человеческий облик, либо создатель сотворил женщину по ее образу. Раджпуты решили, что покровительница раджпутского рода богиня Кали сама явилась на поле битвы, чтобы спасти их в тяжелую минуту.

Радж Сингх понял, что это женщина, но женщина благородного происхождения.

— Где паланкин? — крикнул он.

— В той стороне, — ответил воин, стоявший у него за спиной.

— Посмотри, есть ли в нем кто-нибудь?

— Паланкин пуст, — ответил воин. — Принцесса перед махараджем.

Чанчал-кумари почтительно склонилась перед Радж Сингхом.

— Почему вы здесь, принцесса? — спросил Радж Сингх.

— Махарадж! — сказала Чанчал-кумари. — Я пришла, чтобы взять прах от ваших ног. И припадая к вашим стопам, я хочу попросить вас об одной милости. Я взбалмошная девчонка, простите мне, что я не обладаю стыдливостью, украшающей женщину. Не убивайте меня отказом.

Прогнав с лица улыбку, Чанчал-кумари умоляюще сложила руки и произнесла эту фразу жалобным тоном.

— Ради тебя я пришел сюда, в такую даль, — отвечал ей Радж Сингх. — Могу ли я в чем-нибудь отказать тебе? Чего ты хочешь, принцесса Рупнагара?

— Я просила вас прийти на помощь потому, что я легкомысленная девчонка, — продолжала Чанчал-кумари. — Но я сама не знала тогда, чего я хочу. Теперь же рассказы о богатстве могольского императора соблазнили меня. Разрешите мне отправиться в Дели.

Радж Сингх был удивлен и тронут.

---

⁵³ Калимайики джай! — Слава богине Кали (Дурге)~ боевой клич раджпутов.

— Поезжай, если хочешь, — ответил он. — Я не удерживаю тебя. Но тебе придется подождать немного. Если я отпущу тебя сейчас, моголы подумают, что я отпустил тебя в страхе за свою жизнь. Ты можешь ехать, когда кончится бой. Разве я не понимаю, что у тебя на уме? Но тебе не придется ехать в Дели, пока я жив. Вперед, храбрецы!

С нежной улыбкой Чанчал-кумари бросила на Радж Сингха взгляд, проникающий в самое сердце, и показала ему алмазный перстень на правом мизинце.

— Махарадж! — сказала она. — В этом перстне — яд. Если вы не пустите меня в Дели, я отравлюсь.

— Я давно уже понял, принцесса, — улыбнулся Радж Сингх, — что ты можешь украсить собой женский род, но тому, на что ты надеешься, не бывать. Сегодня раджпутам не миновать смерти — им придется умереть, чтобы их имя не покрылось позором. Ты наша пленница, пока мы живы. Когда мы погибнем, ты вольна идти, куда захочешь.

Чанчал-кумари улыбнулась, одарив Радж Сингха взглядом, полным любви и преклонения. Так она не посмотрела бы даже на самого Шиву. «О славный воин! — мысленно проговорила она. — С этого дня я твоя рабыня! К чему мне жизнь, если я не буду принадлежать тебе».

Вслух она сказала:

— Махарадж! Та, кого пожелал взять в жены повелитель Дели, не может быть пленницей. Сейчас я пойду к могольским воинам — посмотрим, кто посмеет меня удержать!

С этими словами Чанчал-кумари подобно сошедшей на землю богине проплыла мимо Радж Сингха. Никто не посмел прикоснуться к ней. С улыбкой на устах богиня грациозной походкой направилась к выходу из расщелины.

И вот перед кипящими от ярости могольскими всадниками, прямо перед пушкой, разверзнувшей пасть, готовую изрыгнуть грохот и пламя, появилась красавица, словно сошедшая с небес. Пораженным могольским воинам показалось, что к ним спустилась горная пери.

Чанчал-кумари рассеяла это заблуждение, заговорив человеческим языком.

— Кто здесь военачальник? — спросила она. Мубарак стоял у выхода из расщелины, ожидая приближения раджпутов.

— Сейчас воины находятся под командованием недостойного, которого вы видите перед собой, — ответил он. — Кто вы?

— Я просто женщина. У меня к вам большая просьба. Но я могу говорить только с глазу на глаз.

— Тогда пойдемте в расщелину, — согласился Мубарак.

Чанчал-кумари прошла вперед, Мубарак последовал за нею.

Отойдя на такое расстояние, где их никто не мог услышать, Чанчал-кумари заговорила:

— Я принцесса Рупнагара. Падишах прислал ваших воинов за мной. Вы мне верите?

— Видя вас, вам нельзя не верить, — ответил Мубарак.

— Я не хочу быть женой могола, — продолжала Чанчал-кумари. — Это погубит мою веру. — Но отец мой не в состоянии защитить меня, поэтому он был вынужден отпустить меня в Дели. Зная, что на него надежды нет, я послала гонца к Радж Сингху. На мою беду он привел с собой всего только пятьдесят воинов. Но вы видели, на что они способны?

— Что вы говорите! — воскликнул пораженный Мубарак. — Пятьдесят воинов перебили столько моголов?

— В этом нет ничего удивительного, — сказала Чанчал-кумари. — Я слышала, что нечто подобное произошло при Халдигхате⁵⁴. Но как бы там ни было, на этот раз Радж Сингх в ваших руках. Поняв, что он обречен, я пришла отдаться в ваши руки. Везите меня в

---

54 Битва при Халдигхате (1576) — сражение, в котором вождь раджпутов Пратап Сингх со своим небольшим отрядом героически противостоял армии императора Акбара.

Дели — пусть прекратится сражение.

— Я понимаю, — ответил Мубарак. — Вы отказываетесь от своего счастья, чтобы спасти раджпутов? Но согласны ли они на это?

— Конечно нет! Они не опустят мечи, даже если вы увезете меня с собой. Прошу вас об одном — сохраните им жизнь.

— Это я могу обещать, — сказал Мубарак. — Но разбойники должны понести наказание. Я возьму их в плен.

— Вы можете сделать все, только не это, — возразила Чанчал-кумари. — Вы можете их убить, но связать их вам не удастся. Они готовы умереть, и они умрут.

— Я верю этому. Но вы твердо обещаете поехать в Дели?

— Во всяком случае обещаю, что поеду с вами. Но вряд ли вы довезете меня живой.

— Как так? — удивился Мубарак.

— Вы, воины, умеете умирать, неужели мы, женщины, не способны на это?

— Мы умираем в бою с врагами. Разве у вас в целом мире есть хотя бы один враг?

— Я сама.

— У наших врагов есть оружие. А у вас?

— Яд.

— Где он?

Мубарак взглянул Чанчал-кумари в лицо. Если бы на его месте был другой человек, он, возможно, подумал бы: «Нет у тебя никакого яда, яд только в твоём взгляде!» Но Мубарак не был низким человеком. Он, как и Радж Сингх, был благородным и мужественным воином.

— Зачем вам кончать жизнь самоубийством? — сказал он. — Разве мы можем везти вас против воли? Если бы здесь был повелитель Дели, он сам не стал бы прибегать к насилию. Вам нечего беспокоиться, но раджпуты напали на воинов падишаха. Я — могольский военачальник, и не могу простить им этого.

— Тогда сразитесь с ними.

В это время из расщелины показался Радж Сингх со своими воинами.

— Сражайтесь, — повторила Чанчал-кумари. — Раджпутские девушки тоже умеют умирать.

Радж Сингх подошел ближе, чтобы узнать, о чем разговаривает с могольским военачальником потерявшая всякий стыд Чанчал-кумари.

— Махараджадхирадж! — сказала Чанчал-кумари, с улыбкой протянув к нему руку. — На вашем поясе висит меч. Пусть он будет царским подарком для вашей рабыни!

— Я понял, ты настоящая Бхайрави⁵⁵ — засмеялся Радж Сингх и, отстегнув меч, протянул его Чанчал-кумари.

Мубарак усмехнулся и ничего не ответил на слова Чанчал-кумари.

— С каких это пор женщины охраняют героев Удайпура? — взглянув на Радж Сингха, спросил он.

Глаза Радж Сингха метнули пламя.

— С тех пор как могольский падишах стал обижать женщин, у раджпуток появилась сила в руках, — ответил он.

Встряхнув головой, как лев гривой, Радж Сингх обернулся к своим воинам.

— Раджпуты не привыкли к пустым спорам, — сказал он. — Мне недосуг препираться с простыми солдатами. Не стоит тратить лишних слов — раздавим моголов, как муравьев!

Все это время раджпуты и моголы хранили зловещее безмолвие, как тучи перед грозой — никто не решался начать бой без приказа своего военачальника. Получив приказ махараны, раджпуты с криком: «Слава матери!» — бросились на моголов. По команде Мубарака моголы с возгласами: «Аллах акбар!»⁵⁶ — устремились им навстречу. Но вдруг и

⁵⁵ Бхайрави — одно из воплощений богини Дурги. В этом образе богиня предстает как воительница, не знающая ни страха, ни пощады.

⁵⁶ Аллах акбар! — Аллах велик! — боевой клич мусульман.

те и другие остановились. Между раджпутами и моголами с поднятым мечом неподвижно стояла Чанчал-кумари.

— Я не двинусь с места, пока хотя бы одна сторона не отступит, — закричала она. — Прежде, чем вы поднимете оружие друг против друга, вам придется убить меня.

— Ты нехорошо поступила, — рассердился Радж Сингх. — Зачем ты позоришь раджпутский род? Люди скажут, что Радж Сингх спрятался за спину женщины.

— Махарадж! — воскликнула Чанчал-кумари. — Кто запрещает вам умереть? Просто я хочу умереть раньше. Тому, кто был виной несчастья, принадлежит право умереть первым.

Чанчал-кумари не двинулась с места — моголы подняли и снова опустили ружья. Поступок Чанчал-кумари обезоружил Мубарака. Выступив вперед, он громко сказал:

— Могольский падишах не воюет с женщинами. Мы признаем, что раджпутская красавица нанесла нам поражение, и покидаем поле битвы. Надеемся, что наш спор с Радж Сингхом решится где-нибудь в другом месте. Обращаюсь к нему с просьбой в следующий раз не приводить с собой женщин.

Чанчал-кумари задумалась об участии, которая ожидала Мубарака.

— Сахэб! — обратилась она к нему, когда он садился на коня. — Почему вы не берете меня с собой? Повелитель Дели послал вас за мной. Что скажет вам падишах, если вы вернетесь с пустыми руками?

— Есть некто выше падишаха. Ему я и дам ответ.

— Это на том свете, а здесь?

— Мубарак Али никого не страшится и в этом мире. Да хранит вас бог. Прощайте.

Мубарак отдавал приказ к отходу, когда за спиной его раздался залп из тысячи ружей. Чуть ли не сто могольских воинов замертво упали на землю. Мубарак понял, что произошло непоправимое несчастье.

Глава пятая

Предприимчивый Маниклал

Выбравшись из ущелья, Маниклал пришпорил коня и помчался в рупнагарскую крепость. Раджа Рупнагара имел некоторое количество собственных солдат, это были не наемники, а обыкновенные крестьяне. По призыву раджи они собирались, вооружившись мечом, щитом и дубинкой. У каждого из них был свой конь. Раджа созвал их после прихода могольской армии. Это было сделано якобы для того, чтобы отдать моголам соответствующие почести. Но на самом деле воины были созваны на случай, если моголы позволят себе какие-нибудь бесчинства. По первому зову раджпуты явились в крепость в полной боевой готовности. Раджа выдал им доспехи из своего арсенала. Воинам объяснили их обязанности, и несколько дней они веселились и развлекались вместе с могольскими солдатами. Когда моголы снялись с лагеря и вместе с принцессой отправились в Дели, рупнагарские воины получили приказ разойтись по домам. Сам раджа ласково простился с ними. Воины оседлали коней и направились в арсенал, чтобы вернуть радже доспехи. В это время в крепость на взмыленной лошади ворвался Маниклал.

Все были удивлены, увидев поспешно возвращающегося могольского всадника.

— Что случилось? — спросил его раджа. Поклонившись радже, Маниклал сказал:

— Махарадж, случилось большое несчастье. Пять тысяч разбойников окружили принцессу. Меня послал к вам господин Хасан Али Бахадур, он отчаянно сопротивляется, но ему не выдержать без подкрепления. Он просит прислать помощь.

К счастью, мои воины находятся в боевой готовности, — сказал встревоженный раджа. — Ваши кони оседланы, — обратился он к своим солдатам. — Садитесь на коней и спешите на подмогу. Я сам буду командовать вами.

— Если вы простите вашего слугу за дерзость, — почтительно возразил Маниклал, —

я попрошу вашего разрешения самому повести воинов. Было бы хорошо, если бы махарадж собрал побольше сил. Разбойников пять тысяч. Без новых подкреплений нечего надеяться на успех.

Недогадливый раджа согласился. Маниклал повел за собой тысячу воинов, а раджа остался в крепости, чтобы собрать подкрепление.

По пути отряд Маниклала увеличился еще на одного человека. На самом краю дороги под деревом лежала девушка, видимо больная. Увидев мчавшуюся конницу, она приподнялась, попыталась встать, должно быть желая скрыться, но не смогла. Поняв, что ее оставили последние силы, Маниклал соскочил с коня и приблизился к ней. Он сразу увидел, что девушка очень красива.

— Кто ты, — спросил Маниклал, — и почему ты здесь лежишь?

— Чьи это воины? — спросила девушка. — Я слуга махараны Радж Сингха.

— А я служанка принцессы Рупнагара.

— Так почему же ты очутилась здесь?

— Принцессу увезли в Дели, — отвечала девушка. — Я хотела поехать вместе с ней, но она меня не взяла. Бросила меня. Поэтому я пошла за ней пешком. Но я устала и больше не могла идти.

Нирмал не так далеко отошла от рупнагарской крепости, но ей никогда не приходилось много ходить пешком, и для нее это был действительно немалый путь.

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил Маниклал.

— Что буду делать? Умру здесь под деревом.

— Что ты! Зачем тебе умирать? Почему бы тебе не отправиться к принцессе?

— Как я отправлюсь к принцессе? Ты разве не видишь, что я не в состоянии двигаться?

— А почему бы тебе не сесть на коня?

— На коня? — Нирмал невольно улыбнулась.

— На коня. А что в этом плохого?

— Разве я всадник?

— Попробуй стать всадником.

— Я бы ничего не имела против, но есть одно затруднение — я не умею ездить верхом.

— Это не помеха! Садись на моего коня.

— Твой конь настоящий или игрушечный?

— Не бойся, я буду поддерживать тебя. Нирмал, забыв девичий стыд, шутила с Маниклалом, но его последние слова заставили ее отвернуться.

— Поезжайте по своим делам, — сердито сказала она. — Я останусь под деревом. Мне не к чему встречаться с принцессой.

Плененный красотой девушки, Маниклал не устоял перед соблазном.

— Ты замужем? — спросил он.

— Нет, — понимая, куда он клонит, отвечала догадливая Нирмал.

— Какой ты касты?

— Я раджпутка.

— Я тоже раджпут и вдовец. У меня есть маленькая дочь. Я давно ищу мать для нее. Согласна ли ты стать ей матерью? Выйдешь за меня замуж? Тогда ведь ты не станешь возражать против того, чтобы ехать со мной на коне.

— Поклянись, — сказала Нирмал.

— В чем я должен поклясться? — спросил Маниклал.

— Поклянись на мече, что ты на мне женишься. Прикоснувшись к мечу, Маниклал дал клятву:

— Если уцелею в сегодняшнем бою, то женюсь на тебе.

— Тогда поедem, я согласна сесть на твоего коня. Обрадованный, Маниклал усадил

Нирмал к себе на седло и, осторожно ее поддерживая, поехал дальше.

Возможно, этот роман не особенно понравится читателю. Но что поделаешь? Ни слова о любви, ничего, что говорило бы о долгой привязанности, ничего похожего на любовные восклицания: «О жизнь моя, о любимый!»

Глава шестая

Махарана пожинает плоды

Маниклал оставил Нирмал в укромном месте, неподалеку от поля боя, и, велев ей там его дожидаться, вместе с воинами зашел в тыл Мубараку.

Маниклал не мог видеть, что в расщелине завязался бой, но он знал, что раджпуты спустились с гор. У него внезапно появилось опасение, что моголы запрут выход из расщелины и разгромят Радж Сингха. Поэтому-то он и помчался в Рупнагар за помощью и прежде всего повел к расщелине рупнагарских воинов. Подойдя, он увидел, что раджпутам грозит гибель — жизнь их висит на волоске. Тогда, показав воинам на солдат Мубарака, Маниклал сказал:

— Вот они, разбойники! Стреляйте в них.

— Так ведь это мусульмане, — возразили воины.

— Разве разбойники есть только среди индусов? — ответил Маниклал. — Бейте их.

По команде Маниклала раздался залп тысячи ружей.

Оглянувшись, Мубарак увидел, что в тылу у него откуда-то появилась тысяча воинов. Перепуганные моголы больше не пытались сопротивляться и побежали куда глаза глядят. Мубарак не смог их остановить. Раджпуты с криком: «Слава Матери!» — бросились их преследовать.

Спасаясь бегством, воины Мубарака рассыпались по горам. Рупнагарские воины поднялись в горы следом за ними. Мубарак все еще пытался удержать бегущих. Но вдруг исчез вместе со своим конем.

Тем временем Маниклал подскакал к изумленному Радж Сингху и совершил пронам.

— Что происходит, Маниклал? — спросил махарана. — Я ничего не понимаю. Ты что-нибудь знаешь?

— Знаю, — улыбнулся Маниклал. — Когда я увидел, что махарадж спустился в расщелину, то сразу понял, — быть беде. Мне снова пришлось пойти на обман, чтобы спасти своего господина.

Маниклал в двух словах рассказал Радж Сингху, что произошло. Восхищенный, махарана обнял его и сказал:

— Маниклал! Ты действительно предан своему господину. Если мы вернемся в Удайпур, я достойно вознагражу тебя за то, что ты сделал. Но ты помешал мне исполнить одно желание. Сегодня я показал бы мусульманам, как умирает раджпут!

— Махарадж! Для этого у вас есть немало слуг. Умирать не дело государя. Теперь путь в Удайпур открыт. Не следует надолго покидать столицу и бродить по горам. Возьмите принцессу и поезжайте домой.

— Часть наших воинов находится сейчас в горах по ту сторону дороги — нужно сообщить им, чтобы они спускались и ехали сюда.

— Я съезжу за ними сам, — предложил Маниклал. — А вы поезжайте вперед. Мы вас нагоним.

Радж Сингх согласился и вместе с принцессой отправился в Удайпур.

Глава седьмая

Любвеобильная тетушка

Простившись с Радж Сингхом, Маниклал поднялся в горы вслед за рупнагарскими

воинами. Преследуемые ими моголы бежали кто куда.

— Враг бежал, — сказал Маниклал воинам Рупнагара. — К чему напрасно тратить силы? Дело сделано — возвращайтесь в Рупнагар.

Воины согласились с Маниклалом — врага не было видно. Они уже поняли, что Маниклал подстроил какую-то хитрость, но, видя, что сделанного не исправишь, принялись за грабеж. Награбив немало добра, они, славя падишаха, веселые и гордые одержанной победой, повернули домой. Горная дорога опустела в одно мгновение — остались только убитые и раненые. Тогда раджпуты, обстреливавшие моголов камнями, спустились с гор. Не встретив никого на своем пути, они решили, что Радж Сингх с остальными воинами отправился в Удайпур, и двинулись за ним следом. Вскоре они нагнали Радж Сингха, и все вместе поехали в столицу.

Теперь все были в сборе. Не хватало одного Мани-клала, мысли которого были заняты его новой невестой. Накормив Нирмал, он привел из деревни носильщиков с паланкином. Усадив Нирмал в паланкин, он отправился в путь, но избрал другую дорогу, а не ту, по которой поехал Радж Сингх, — ему не хотелось, чтобы его увидели с добычей.

Вместе с Нирмал Маниклал поехал к своей тетке.

— Тетушка, — сказал он ей, — я привез тебе невестку.

Увидев девушку, тетка несколько опечалилась, подумав, что невестка помешает ее надеждам нажитья. Но что поделаешь, она получила от Маниклала два золотых — разве может она теперь выгнать невестку, не покормив ее? Поэтому тетка сказала:

— Что же, мне нравится невестка.

— Тетушка, — продолжал Маниклал. — Мы еще не поженились.

«Значит, это любовница», — решила тетка.

— Чтобы в моем доме... — начала она.

— О чем ты беспокоишься, — сказал Маниклал. — Почему бы тебе не устроить нашу свадьбу? Пусть она будет сегодня же.

Нирмал стыдливо опустила глаза.

— Все это очень хорошо, — снова вступила тетка. — Чью же свадьбу мне и устраивать, как не твою? Но для свадьбы нужны деньги.

— Стоит ли думать об этом? — воскликнул Маниклал.

Читателю, вероятно, известно, что ни одна война не обходится без грабежа. Покидая поле боя, Маниклал обыскал некоторых убитых могольских всадников и кое-что нашел. Он со звоном швырнул тетке несколько золотых монет. Обрадованная тетушка спрятала их и тут же отправилась готовить все необходимое для свадьбы. Для этого нужно было только достать цветы и сандал⁵⁷ и пригласить священнослужителя, так что тетушке не пришлось даже разменивать золотые монеты Маниклала. В тот же вечер Маниклал стал законным мужем Нирмал. Само собой разумеется, что он занял высокий пост среди воинов Радж Сингха и получил почести, которых заслуживал.

---

⁵⁷ Сандал — речь идет о специальных палочках из дерева сандал, которые используются в качестве благовония. В Индии сандаловые палочки обязательная принадлежность всякого праздника, особенно свадьбы.

Часть пятая Огонь разгорается

Глава первая Бедная женщина лучше шахской дочери

Мы уже говорили, что во время боя на плоскогорье Мубарак внезапно исчез. Дело в том, что, когда он скакал на коне за своими воинами, на пути его оказался колодец. Он был вырыт давным-давно каким-то человеком, который собирался поселиться здесь. Колодец со всех сторон обступали густые заросли. Мубарак направил своего коня через заросли и вместе с конем провалился в пересохший колодец. При падении лошадь сломала себе хребет. Мубарак успел вынуть ноги из стремян и отделался легкими ушибами. Но он не знал, как выбраться наружу. Мубарак принялся громко кричать в надежде, что кто-нибудь услышит его и придет на выручку. Но из-за шума сражения он так и не знал, услышал его кто-нибудь или нет. Только раз ему показалось, что откуда-то издалека донеслось: «Будь спокоен, — я тебя вытащу». Но он не был уверен, может, это послышалось ему.

Когда бой затих и на плоскогорье воцарилось безмолвие, кто-то спросил сверху:

— Ты жив?

— Жив, — ответил Мубарак. — Кто это?

— Неважно кто. Сильно ушибся?

— Не очень.

— Я сделала длинную веревку из обрывков ткани и привязала к ней палку. Вербка получилась крепкая. Сейчас я спущу ее в колодец. Ухватись обеими руками за палку — я тебя вытащу.

— Женщина? — удивился Мубарак. — Кто ты?

— Неужели не узнаешь?

— Узнаю. Но как ты здесь очутилась, Дария-биби?

— Дария-биби очутилась здесь из-за тебя.

С этими словами Дария-биби опустила в колодец толстую палку с привязанным к ней подобием веревки. Мечом она расчистила от зарослей отверстие колодца. Мубарак ухватился за палку, и Дария-биби принялась тащить. Но сил у нее было мало, и она заплакала от досады. Потом она догадалась закинуть веревку на склонившийся к земле сук дерева и стала тянуть лежа. Наконец Мубарак вылез на поверхность. Увидев Дария-биби, он был поражен.

— Что это? — воскликнул он. — Откуда у тебя этот наряд?
— Я всадник падишаха, — ответила Дария-биби.
— Чего это ради?
— Ради тебя.
— Но зачем?
— А кто бы спас тебя, если бы не я?
— Для этого ты приехала сюда из Дели? Для этого переоделась всадником? Я вижу на тебе кровь! Ты ранена? Зачем ты все это сделала?
— Я сделала это ради тебя. Разве ты остался бы жив, если б не я? Ну, какова любовь шахской дочери?

Мубарак грустно склонил голову.

— Шахские дочери не способны любить, — ответил он.

— Зато мы, бедные женщины, — сказала Дария-биби, — мы любим. А теперь садись в паланкин. Ты ушибся, тебе не следует ехать верхом.

С могольский войском было немало паланкинов. Их носильщики разбежались, перепуганные начавшейся битвой. Увидев, что Мубарак провалился в колодец, Дария-биби прежде всего отправилась на поиски паланкина. Найдя сбежавших носильщиков, она сумела с ними договориться. По ее зову два паланкина приблизились к колодцу. Дария-биби усадила раненого Мубарака в один паланкин, села сама в другой, и они направились по дороге в Дели. Но прежде чем сесть в паланкин, Мубарак поцеловал Дарию-Дарию-биби и сказал:

— Я никогда больше тебя не покину.

Дария-биби подыскала для Мубарака подходящее пристанище и принялась ухаживать за ним. Благодаря ее заботам он быстро поправился.

Когда после выздоровления Мубарака они прибыли в Дели, он взял Дарию-биби за руку и привел к себе в дом. Несколько дней они были счастливы, но за это счастье пришлось дорого расплачиваться и Дарии-биби, и Мубараку, и Зеб-ун-нисе, и Аурангзебу. Как это произошло, мы расскажем потом, а пока нам следует вернуться к Чанчал-кумари.

Глава вторая

Радж Сингх признает свое поражение

Мы уже говорили, что Радж Сингх прибыл в Удайпур. Он сражался для того, чтобы освободить Чанчал-кумари, и, когда это ему удалось, он, естественно, отвез ее в Удайпур и поместил на женской половине своего дворца. Однако ему трудно было решить — оставить ее в своем дворце или же отослать к отцу в Рупнагар. Он не хотел встречаться с Чанчал-кумари, пока не придет к окончательному решению.

Поведение раджи озадачило Чанчал-кумари. «Раджа, по-видимому, не собирается брать меня в жены, — размышляла она. — А если это так, к чему мне тогда жить в его дворце?.. Но куда же мне деваться?»

Несколько дней спустя Радж Сингх, так и не приняв никакого решения, пришел к Чанчал-кумари узнать, что думает она. Он взял с собой ее письмо, полученное им от Маниклала.

Когда махарана сел, Чанчал-кумари совершила про-нам и, стыдливо потупившись, встала поодаль. Ее красота и прелесть поразили его с новой силой. Но он стряхнул с себя эти чары и сказал:

— Принцесса! Я пришел узнать, каковы сейчас твои намерения. Хочешь ли ты вернуться к отцу, или предпочитаешь оставаться здесь?

Чанчал-кумари показалось, что у нее разрывается сердце. Она не в силах была произнести ни слова.

Радж Сингх достал письмо.

— Это твое письмо? — спросил он. — Да, — отвечала Чанчал-кумари.

— Но я вижу здесь два разных почерка, — заметил махарана. — Какая часть письма написана твоей рукой?

— Первую часть письма писала я сама, — ответила Чанчал-кумари.

— Значит, последнюю часть писал кто-то другой?

Читатель помнит, что в конце письма Чанчал-кумари предлагала Радж Сингху себя в жены.

— Да, это не моя рука, — сказала она.

— Но это было написано с твоего согласия? — спросил Радж Сингх.

Вопрос был беспощаден, но Чанчал-кумари дала ответ, достойный своей благородной натуры.

— Махарадж! — ответила она. — Раджи из касты воинов могут похищать девушек, только чтобы взять их в жены. Похищение девушки с какой-либо иной целью — великий грех. Как я могла просить тебя совершить этот грех?

— Я не похищал тебя, — возразил махарана. — Я освободил тебя из рук мусульман, чтобы спасти честь твоего рода. Теперь мой долг вернуть тебя отцу.

Чанчал-кумари удалось побороть девичью стыдливость. Она подняла голову и взглянула на Радж Сингха.

— Махарадж! — проговорила она. — Вы знаете свой долг. А я знаю свой. Если я вверила вам свою судьбу, я больше уж не стану ничьей женой, независимо от того, возьмете вы меня в жены или нет. И если вы мой муж, то только ваши приказания являются для меня непререкаемым законом. Если вы пожелаете, чтобы я вернулась в Рупнагар, я, конечно, вернусь. Но когда я приеду домой, отец снова будет вынужден отправить меня к падишаху, потому что он не в состоянии меня защищать. Неужели вы действительно хотите этого? Тогда почему вы не отпустили меня, когда я просила вас об этом на поле боя?

— Я не отпустил тебя, чтобы сохранить свою честь, — отвечал Радж Сингх.

— А теперь вы отпустите в Дели ту, которая прибегла к вашей защите?

— Нет, конечно. Оставайся здесь.

— В качестве гостыи? Или служанки? Рупнагарская принцесса может находиться здесь только в качестве жены.

— Каждый назовет счастливецом того раджу, женой которого станет такая красавица. Но именно потому, что ты так прекрасна, я не решаюсь взять тебя в жены. Я слышал, в Шастрах⁵⁸ говорится, что красивая жена — враг...

«Враг — погязий в долгах отец,
Распутная мать, красивая жена
И образованный сын...»

— Простите мне мою дерзость, — улыбнулась Чанчал-кумари, — но разве все жены повелителя безобразны?

— Ни одна из них не может сравниться с тобой, — сказал Радж Сингх.

— Моя нижайшая просьба — не говорите этого своим женам. Что ж, значит, и махаране Радж Сингху ведом страх — он боится красивых женщин.

— Радж Сингх расхохотался. Чанчал-кумари села. «Теперь он для меня больше не махарана, — подумала она, — теперь он мой жених».

— Махарадж! — продолжала Чанчал-кумари. — Вы должны простить мне, что я без разрешения села в вашем присутствии, я сделала это в надежде на то, что вы поделитесь со мной своей мудростью, а ученики обладают правом сидеть в присутствии учителя. Махарадж! Я никак не могу понять, отчего красивая жена — враг?

---

⁵⁸ Шастры — древнеиндийские религиозные книги, содержащие, в частности, поучения морального порядка.

— Это нетрудно объяснить, — ответил Радж Сингх. — Если жена — красавица, то из-за нее начинаются ссоры и распри. Видишь, ты еще не стала моей женой, а я уже поссорился из-за тебя с Аурангзебом. Ты слышала о махаране Падмини из нашего рода?

— Доводы мудреца не внушили мне большого уважения. Разве раджи, у которых нет красавиц жен, избавлены от распрей? И к чему махарадж завел разговор обо мне, недостойной. Столкновение, которому я была причиной, произошло бы независимо от того, красива я или безобразна.

— Есть и еще одна причина. Когда мужчина сильно привязывается к красавице, это достойно осуждения. Если это случается с раджой, то тем более, потому что от этого страдают государственные дела.

— Раджи не пренебрегают государственными делами даже когда их окружают сотни жен. Можно ли серьезно говорить, что любовь такой девушки, как я, помешает государственным делам Радж Сингха?

— Это утверждение не лишено оснований. В Ша-страх говорится: «Старик, не равняйся с юной».

— Разве махарадж — старик?

— Я далеко не юноша.

— Для раджпутской девушки юноша тот, у кого есть сила в руках. Раджпутские девушки считают стариком юношу, который слаб.

— Я некрасив.

— Красота раджей — это их подвиги.

— На свете немало красивых и могущественных принцев.

— Я вверила вам свою судьбу. Став женой другого, я нарушу свой обет. Я говорю с вами, забыв про стыд. Но вспомните о Шакунтале, покинутой Душмантой⁵⁹. Сейчас я нахожусь почти в таком же положении. Если вы покинете меня, я утоплюсь в Раджсамандре⁶⁰.

Потерпев поражение в этом словесном бою, Радж Сингх сказал:

— Ты для меня достойная жена. Но ты выразила желание стать моей женой, когда попала в беду. Меня тревожили сомнения — не тяготишься ли ты своим обещанием и сможешь ли полюбить такого немолодого человека, как я. Все эти сомнения рассеяны нашим разговором! Ты станешь моей женой. Но все же нам придется подождать. Я не хочу жениться на тебе против воли твоего отца. Хотя твой отец владеет небольшим княжеством и войска его немногочисленны, все же Викрам Соланки известен как храбрый и искусный полководец. Вот-вот начнется война с моголами. В этом случае помощь твоего отца будет для меня весьма полезна. Но он никогда не станет мне помогать, если я женюсь на тебе без его согласия. Напротив, если я женюсь вопреки его воле, он, возможно, будет помогать моголам, и превратится в моего врага. Это было бы очень нежелательно. Я хочу написать ему письмо и спросить его согласия на наш союз. Но согласится ли он?

— Не вижу, почему бы ему не согласиться. Я хочу получить благословение отца с матерью и посвятить себя служению моему мужу. Нужно послать гонца.

Радж Сингх написал почтительное письмо Викраму Соланки. Чанчал-кумари тоже написала письмо матери, прося у нее благословения.

Глава третья

Нужно разжечь огонь

Ответ повелителя Рупнагара не заставил себя ждать. Он был ужасен. Викрам Соланки писал Радж Сингху:

---

⁵⁹ О царе Душманте и девушке Шакунтале рассказывает древнеиндийский эпос. Эта тема стала сюжетом пьесы великого поэта древней Индии Калндасы.

⁶⁰ Раджсамандар — название озера, вырытого по приказу Радж Сингха.

«Вы — первое лицо в Раджпутане, вы — ее украшение. И теперь вы собираетесь опозорить раджпутский род. Вы нанесли мне оскорбление, похитив мою дочь. Вы помешали ей стать повелительницей мира! Мой долг отомстить вам. Вы не получите моего согласия на ваш брак с моей дочерью.

В прежние времена герои кшатрии похищали девушек и женились на них—: можете вы сказать. Бхишма, Арджуна⁶¹, да и сам Кришна похитили своих невест. Но где ваше героичество? Если вы действительно так сильны, то почему могольский падишах находится в Хиндустане? Шакалу не пристало подражать льву. Я тоже раджпут, и знаю, что если отдам дочь мусульманину, это не прибавит мне славы. Но если я не отдам, моголы сравняют с землей рупнагарские горы. Если бы я был в состоянии защитить себя или если бы знал, что кто-нибудь встанет на мою защиту, я тоже не согласился бы отдать дочь... Вы получите мое благословение, когда сможете стать мне надежной защитой.

И в прежние времена раджи из рода кшатриев похищали невест, но никто из них не прибегал к такому низкому обману. Вы прислали ко мне человека, который обманул меня и увел с собой моих воинов. С их помощью вы похитили мою дочь. Без них вы были бы бессильны. Подумайте сами, какой вред вы мне нанесли. Могольский падишах решит, что если мои войска участвовали в сражении, значит, моя дочь была похищена в сговоре со мной. Поэтому он сначала разрушит Рупнагар, а затем расправится и с вами. Я тоже умею воевать, но кто может противостоять сотням тысяч могольских солдат? Им подчинились все раджпуты. А чем я лучше их?

Не знаю, смогу ли я оправдаться перед падишахом, объяснив ему, как было дело. Но если вы женитесь на моей дочери, если мою дочь нельзя будет вернуть падишаху, тогда ни для меня, ни для вас не останется никакого пути к спасению.

Не женитесь на моей дочери, иначе я прокляну вас обоих. Пусть лучше дочь моя будет бесплодной, станет вдовой и никогда не узнает счастья. Пусть ваша столица превратится в обиталище шакалов и собак».

После этого страшного проклятия Викрам Соланки сделал приписку:

«Если у меня когда-нибудь будут основания считать вас достойным женихом, я добровольно отдам вам в жены свою дочь».

Мать Чанчал-кумари не ответила на ее письмо. Радж Сингх прочитал Чанчал-кумари письмо ее отца. У нее потемнело в глазах. Она долго хранила молчание.

— Что же нам теперь делать? — спросил её наконец Радж Сингх. — Будет ли законным наш брак?

— Разве какая-нибудь девушка осмелится выйти замуж, получив отцовское проклятие? — ответила Чанчал-кумари.

На глазах у нее показались слезы.

— Если хочешь, я отошлю тебя к отцу, — предложил махарана.

— Ехать к отцу это все равно, что ехать в Дели. Не лучше ли выпить яд?

— Выслушай меня. Ты будешь мне достойной женой. Я не могу от тебя так легко отступить. Но я не женюсь на тебе без согласия твоего отца. Я не потерял надежды получить его благословение. Война с моголами неизбежна. Пусть мне поможет Шива. Я или погибну в этой войне, или разобью моголов.

— Я убеждена, что моголы потерпят поражение, — > сказала Чанчал-кумари.

— Это чрезвычайно трудное дело, — ответил махарана, — но если война кончится для меня удачно, я наверняка получу благословение твоего отца.

— А до тех пор? — спросила Чанчал-кумари.

— До тех пор оставайся в моем дворце. Тебе, как и всем моим женам, будут предоставлены отдельные покои. Служанки будут прислуживать тебе так же, как им. Я оповещу всех, что в скором времени ты станешь моей женой. Поэтому все будут называть тебя «маха-рани». Но пока нас не свяжут узы законного брака, мы не будем видеться. Ты

---

61 Бхишма, Арджуна — персонажи из древнеиндийской эпической поэмы «Махабхарата».

согласна?

— Лучшего нельзя и придумать, — ответила Чанчал-кумари.
Радж Сингх сделал все, как обещал.

Глава четвертая

Встреча подруг

От мужа Нирмал узнала, что Чанчал-кумари стала махарани. Но Маниклалу не было известно, состоялась ли свадьба, и если состоялась, то когда она была. И Нирмал отправилась сама повидаться с Чанчал-кумари.

Принцесса очень обрадовалась, увидев подругу после долгой разлуки, и в тот день не отпустила ее домой. Обе подробно рассказали друг другу обо всем, что произошло с ними с того дня, когда они покинули Рупнагар. Чанчал-кумари обрадовалась, когда узнала, что Нирмал нашла свое счастье. Нирмал была счастлива— Маниклал был щедро награжден Радж Сингхом и разбогател. Махарана сделал его военачальником и относился к нему с любовью и уважением. У Нирмал появился большой дом, деньги, слуги, а Маниклал был ей предан, как раб. Весть о несчастье Чанчал-кумари поразила Нирмал в самое сердце. Она очень рассердилась на родителей Чанчал-кумари, на Радж Сингха и на саму Чанчал-кумари. Нирмал отказалась называть Чанчал-кумари «махарани» и обещала, что, встретившись с Радж Сингхом, наговорит ему немало «приятных» слов.

— Оставим пока этот разговор, — прервала ее Чанчал-кумари. — Здесь у меня нет ни одного знакомого человека. Нет никого из родных. Если уж бог послал мне тебя, то я тебя не отпущу от себя. Тебе придется остаться здесь.

Нирмал показалось, что на грудь ей свалился тяжелый камень. Она только что обрела мужа — как может она бросить свою новую любовь и новое счастье? Она не смогла согласиться, но и отказаться наотрез она тоже не решалась.

— Я дам ответ вечером, — сказала она.

В глазах Чанчал-кумари блеснули слезы. «Нирмал тоже меня покинула, — подумала она. — О всевышний! Не оставь меня».

— Нирмал, — сказала она усмехнувшись, — ради меня ты пешком отправилась из Рупнагара, готовая на смерть! А теперь? Правда, теперь у тебя есть муж!

Нирмал опустила голову. Она готова была сгореть от стыда.

— Я приду вечером, — ответила она. — Я должна спросить разрешения у своего повелителя. Кроме того, мне нужно позаботиться о девочке, которая находится на моем попечении.

— Может быть, ты приведешь ее сюда?

— От ее визга ты не будешь знать, куда деваться. У нас есть дальняя родственница — я позову ее, пусть она сидит с ней дома.

Вернувшись домой, Нирмал рассказала обо всем Маниклалу. Ему тоже было нелегко расстаться с молодой женой, но он был очень предан своему господину и не стал возражать. Тетушка взяла на себя заботу о ребенке.

Глава пятая

Почему нужно разжечь огонь

В окружении своих служанок Нирмал в паланкине направлялась во дворец Радж Сингха. Пересекая широкую площадь, она увидела перед одним домом большую толпу. Паланкин Нирмал был завешен дорогими тканями. Услышав шум голосов, она, горя любопытством, откинула занавеску и выглянула наружу.

— Что там происходит? — спросила она, подозвав к себе знаком одну из своих служанок. Та сообщила ей, что в этом доме живет знаменитый звездочет и предсказатель.

Каждый день к нему приходят тысячи людей, чтобы узнать свою судьбу. Он может ответить на любой вопрос, и все его предсказания сбываются.

— Скажите стражникам:, пусть разгонят толпу, — приказала Нирмал своим служанкам. — Я хочу погадать у звездочета. Но не говорите ему, кто я такая.

Перед копьями стражников толпа раздалась, и паланкин Нирмал внесли в дом звездочета. Нирмал поклонилась ему и дала задаток.

— О чем ты будешь гадать? — спросил ее звездочет.

— Я хочу, чтобы вы ответили на вопросы, которые я вам задам.

— Вопросы? — сказал звездочет. — Хорошо, говори.

— У меня есть любимая подруга, — начала Нирмал. Звездочет что-то написал.

— Дальше, — проговорил он.

— Она не замужем. Звездочет снова что-то написал.

— Дальше.

— Когда она выйдет замуж? — спросила Нирмал. Предсказатель написал что-то еще, затем начертил мелом какую-то фигуру. Посмотрел таблицу зодиакальных созвездий, взглянул на солнечные часы, задал Нирмал множество вопросов, долго вел какие-то расчеты, перелистал много разных книг и, наконец, подняв глаза на Нирмал, покачал головой.

— Она не выйдет замуж? — воскликнула Нирмал.

— Шастры говорят, что почти наверняка — нет.

— Почему «почти»?

— Если жена повелителя воды и земли когда-нибудь станет прислуживать твоей подруге, тогда ее желание сбудется. А если нет, то не сбудется. Поскольку же это невозможно, я и говорю, что она не выйдет замуж.

— Это действительно невозможно! — прошептала Нирмал и, расплатившись со звездочетом, вышла.

Глава шестая

Огонь разгорается

Из-за того пожара, который разгорелся в Индии после похищения Чанчал-кумари, могла бы погибнуть либо могольская империя, либо Раджпутана. Этого не произошло только благодаря доброте и мягкосердечию махараны Радж Сингха. В романе невозможно поведать обо всех удивительных событиях тех дней. Однако нам придется кое-что рассказать, чтобы читателю был понятен ход этого повествования.

Весть о похищении Чанчал-кумари вызвала в Дели переполох и волнение. В ярости падишах разжаловал некоторых своих военачальников, других заточил в тюрьму, а кое-кого даже казнил. Но главных преступников — Чанчал-кумари и Радж Сингха — наказать было не так-то просто потому, что хотя Мевар и небольшое княжество, но это был «крепкий орешек». Мевар со всех сторон окружен неприступной стеной гор, все раджпуты храбрые воины, а Радж Сингх храбрейший из храбрых. В свое время Пратап Сингх показал императору Акбару, на что способны раджпуты в подобных обстоятельствах. Повелителю мира пришлось смириться с поражением от раджпутского раджи.

Но Аурангзеб был не из тех, кто смиряется с поражением. Он только для того и родился на свет, чтобы причинять зло индусам. Проступки, совершаемые индусами, были для него особенно невыносимы. Маратхи неоднократно проявляли непокорность, теперь подняли голову раджпуты. С маратхами он ничего не смог поделать, а теперь ничего не может поделать с раджпутами. Но Аурангзеб должен был на ком-то сорвать свою досаду, и он решил за преступление Радж Сингха отомстить всему индусскому населению.

Сейчас нам кажется невыносимым даже подходящий налог, но в период мусульманского владычества в Индии существовал налог, с которым было еще труднее

примириться, потому что им облагались только индусы, а мусульмане не должны были платить его. Налог этот назывался «джизия». В свое время мудрый политик Акбар отменил его, понимая вред, который он может причинить. Вводя этот налог, Аурангзеб, который ненавидел индусов, решил еще более усилить их страдания.

Приказ о том, что снова вводится «джизия», был выпущен падишахом еще раньше, теперь его стали проводить в жизнь со всей жестокостью. Индусы были запуганы, подавлены и угнетены. Тысячи индусов молили Аурангзеба о жалости, но падишах был беспощаден. В пятницу, когда он отправился в мечеть молиться, его окружили несметные толпы рыдающих индусов. Повелитель мира, как второй Хираниякашипу⁶², приказал пустить на толпу слонов. И слоны, топча людей, остановили толпу.

Находившаяся под властью Аурангзеба, Индия заплатила «джизию». От Брампутры до берегов Инда мусульмане стали разбивать изображения индуистских богов, ломать и рушить вознесшиеся к небесам древние храмы и на их месте воздвигать мечети. В Бенаресе был разрушен храм Шивы, в Матхуре — храм Кришны. В Бенгалии были стерты с лица земли все старинные памятники архитектуры.

Аурангзеб потребовал, чтобы жители Раджпутаны тоже платили «джизию». Раджпуты не были его подданными, но поскольку они были индусами, им тоже предписывалось платить этот налог. Вначале они отказались, но в это время вся Раджпутана, кроме Удайпура, была подобна кораблю без кормчего. Джай Сингх, махараджа Джайпура, бывший чуть ли не главной опорой могольской империи, к тому времени уже скончался — он был отравлен Аурангзебом, который нередко предательски расправлялся со своими друзьями. Взрослый сын Джай Сингха томился в делийской тюрьме. Поэтому Джайпуру пришлось заплатить «джизию».

Махараджа Джасвант Сингх из Джодпура тоже перешел в иной мир. Княжеством правила его жена. Она прогнала чиновников падишаха, хотя и была женщиной. Аурангзеб собирался послать против нее войска. Рани испугалась войны и, чтобы не платить «джизию», уступила Аурангзебу часть своих владений.

Радж Сингх написал Аурангзебу письмо, в котором наотрез отказался платить «джизию». Некий историк Раджпутаны пишет: «В этом письме махарана заявил протест от имени нации, главой которой он являлся, с таким непоколебимым достоинством, с такой величественностью и сдержанностью, с таким волнующим укором, сочетающимся с безграничным терпением и доброжелательностью, с таким высоким благородством и гуманностью, что его письмо может выдержать сравнение с эпистолярным произведением любого века и страны».

Это письмо только подлило масла в огонь. Падишах послал Радж Сингху предписание, в котором говорилось, что ему придется не только платить «джизию», но и разрешить убивать коров в своем княжестве. Кроме того, в Удайпуре будут разрушены все храмы. Радж Сингх начал готовиться к войне. Аурангзеб тоже развернул военные приготовления. Он никогда еще не собирал такого мощного войска. Вряд ли бы он готовился более тщательно, если бы его противником был китайский император или персидский шах. Аурангзеб собирал силы, чтобы нанести поражение радже маленького княжества, подобно тому как Ксеркс, повелевавший половиной Азии, готовился к завоеванию маленькой Греции. Можно провести аналогию между двумя этими событиями, третьего такого не знала история. Греческую историю мы вызубриваем наизусть, а о Радж Сингхе ничего не знаем. Таково благотворное влияние современного образования!

---

⁶² Хираниякашипу — персонаж древнеиндийской мифологии, жестокий царь демонов, приказавший бросить своего младшего сына Прохлада под ноги слонов.

Часть шестая Огонь разожжен

Глава первая Огниво. Урваши

Рассказ о том, как разгорелся пожар, нужно начать с того момента, когда Радж Сингх написал Аурангзебу свое резкое письмо. Ему было трудно решить, кого послать с этим письмом к Аурангзебу, потому что, хотя личность посла считалась неприкосновенной, всем было хорошо известно, что Аурангзеб, не останавливаясь перед преступлением, не раз убивал послов. Нужно было послать человека, который не дорожит жизнью, но достаточно хитер, чтобы ее сохранить. Маниклал сам вызвался отвезти письмо к Аурангзебу.

Узнав об этом, Чанчал-кумари позвала к себе Нирмал.

— Почему ты не едешь с мужем? — спросила она.

— Куда я с ним поеду? В Дели? Зачем? — удивилась Нирмал.

— Побывать в гареме падишаха.

— Я слышала, что это настоящий ад.

— Разве тебе все равно рано или поздно не придется попасть в ад? — пошутила Чанчал-кумари. — Ты так мучаешь беднягу Маниклала, что ада тебе не миновать.

— Он сам виноват, что женился, польстившись на мою красоту.

— Его ли вина, что он увидел тебя, когда ты лежала под деревом, умирая от усталости?

— Я не звала его. Ну скажи сама, к чему мне ввязываться не в свое дело?

— Ты должна отвезти приглашение Удипури.

— Какое приглашение?

— Набивать кальян.

— Ах да, я совсем забыла: если повелительница? мира не будет тебе прислуживать, тебе не удастся взвалить на себя бремя брака.

— Убирайся, грешница! Сейчас сама я бремя на плечах у Радж Сингха. Либо жена падишаха станет моей служанкой, либо мне придется выпить яд. Ведь так предсказал звездочет.

— Но разве жена падишаха примет твое приглашение?

— Нет. Моя цель — вызвать столкновение. Я уверена, что в случае войны махарана одержит победу. Тогда жена падишаха станет моей служанкой. К тому же, попав в Дели, ты познакомишься с женами падишаха.

— Но как, по-твоему, я смогу это сделать?

— Сейчас расскажу. Ты знаешь, что у меня есть перстень джодпурской принцессы. С его помощью ты сможешь проникнуть в гарем и повидаться с Джодпури. Ты все ей подробно расскажешь. Покажи ей письмо, которое я написала Удипури. Она придумает способ доставить его по назначению. Там, где тебе не хватит собственного ума, позаимствуешь у мужа.

— Ну да! — фыркнула Нирмал. — Пока что семья держится на моих плечах.

Смеясь, Нирмал взяла письмо и удалилась. Когда пришло время, она вместе с мужем и специально отобранными людьми стала готовиться к отъезду.

Глава вторая

Кремень. Пуруравас

Тщательнее всех готовился Маниклал. В один прекрасный день Нирмал с удивлением увидела, что на месте отрубленного пальца у него появился новый.

Что это у тебя? — спросила она. — Приделал, — ответил Маниклал.

Из чего ты сделал палец?

— Из слоновой кости. Внутри пружинка, сверху я покрыл кость тонкой козьей кожей и раскрасил ее в телесный цвет. Его можно легко отсоединить или приставить.

— Зачем это тебе понадобилось?

— Мне, может быть, потребуется скрываться. В Дели меня могут узнать. Отрубленный палец — хорошая примета, а если я смогу его присоединить и отсоединить, это мне очень поможет.

Нирмал засмеялась. Маниклал показал ей клетку с ручным голубем. Голубь был почтовый. Читатель, вероятно, знает о замечательных качествах почтовых голубей, применяемых в нынешних войнах. В Индии издавна пользовались почтовыми голубями.

По существовавшему обычаю, послы, отправлявшиеся к делийскому падишаху, везли ему подарки. Этому обычаю следовали короли Англии, Португалии и других стран. Радж Сингх тоже послал с Маниклалом кое-какие подарки. Но поскольку посольство не было дружественным, подарков было не особенно много.

Среди прочих вещей он послал изделия из белого камня, украшенные резьбой и Драгоценными камнями. Маниклал погрузил их на отдельную повозку.

В назначенный день Маниклал, получив от Радж Сингха инструкции и письмо к Аурангзебу, вместе с Нирмал, в сопровождении слуг и служанок, слонов, лошадей, верблюдов, волов, повозок, двуколок, паланкинов и носилок, отправился в путь. Дорога

отняла не- мало времени. Когда до Дели было уже недалеко, Маниклал разбил палатки, оставил в лагере Нирмал и всю свою свиту, а сам с одним только верным человеком отправился в столицу падишаха. Изделия из камня он прихватил с собой. Искусственный палец остался у Нирмал.

— Завтра я вернусь, — сказал Маниклал ей на прощанье.

— Что ты задумал? — спросила она.

Маниклал показал Нирмал едва заметный знак на одной безделушке из белого камня.

— На всех изделиях из камня, которые мы везем, я поставил этот знак, — сказал он.

— Для чего?

— В Дели нам с тобой наверняка придется разлучиться. Если моголы помешают нам разыскать друг друга, ты пошли на базар купить изделия из камня. Ты найдешь меня в той лавке, где будут продаваться эти безделушки.

В Дели Маниклал нанял дом, открыл лавку, посадил своего спутника торговать, а сам возвратился в лагерь. Затем со всеми воинами и слугами Маниклал и Нирмал двинулись в Дели. Там они, как полагается, разбили лагерь и доложили падишаху о своем прибытии.

Глава третья

Вспышка

После полудня, когда у Аурангзеба был прием, Маниклал явился ко двору. Приемы делейского падишаха описаны во многих книгах, и мы не будем вдаваться в подробности. Сначала Маниклал поднялся по лестнице и поклонился, затем поднялся еще на три ступеньки, низко кланяясь на каждой из них, и очутился перед Павлиньим тронem. Склонившись к ногам падишаха, Маниклал положил перед ним скромные дары Радж Сингха. С первого взгляда определив их незначительную ценность, Аурангzeb разгневался, но ничего не сказал. Среди присланных даров было два меча — один из них был обнаженный, другой в ножнах. Аурангzeb взял обнаженный меч, остальные подарки отложил в сторону.

Маниклал вручил падишаху письмо махараны. Ознакомившись с его содержанием, Аурангzeb потемнел от гнева. Но он был не из тех людей, которые выдают свои чувства. Он приказал бахши⁶³ усадить Маниклала на самое почетное место и с особенной любезностью стал беседовать с ним. Затем Аурангzeb отпустил Маниклала, сказав ему, что завтра даст ответ на письмо махараны.

Прием окончился. Вернувшись в свои покои, Аурангzeb отдал приказ казнить Маниклала. Приказ был дан, но Маниклала нигде не могли отыскать. Он заблаговременно скрылся, зная, что его ожидает. Посланцы Аурангзеба рыскали по всему Дели, но Маниклал как сквозь землю провалился. Нужно ли говорить, что в то время как стража сбилась с ног в поисках Маниклала, сам он сидел переодетый в своей лавке и преспокойно торговал безделушками из камня. Не найдя его, стража похватила первых попавшихся людей из его лагеря и потащила их к начальнику полиции. Вместе с другими они захватили и Нирмал.

Начальнику стражи ничего не удалось узнать от спутников Маниклала. Не помогли ни угрозы, ни побои. Что могут рассказать люди, которые ничего не знают?

Последней начальник стражи стал допрашивать Нирмал. Все это время ее держали отдельно от остальных арестованных из уважения к ней как к женщине.

— Я не знаю посла махараны, — отвечала она на вопрос начальника полиции.

— Его зовут Маниклал Сингх, — сказал тот. — Я не знаю никакого Маниклала Сингха.

— Разве ты не приехала с послом махараны из Удайпура?

— Я никогда не была в Удайпуре.

— Так кто же ты?

---

⁶³ Бахши — казначей армии, один из высших постов при монгольском дворе.

— Я индусская служанка ее величества Джодпури-бегум⁶⁴.
— Служанки Джодпури-бегум не покидают гарема.
— Я тоже никогда не выходила из гарема, но, услышав о прибытии раджпутского посла, моя госпожа послала меня к нему.
— Зачем?
— За водой, в которой великий святой омыл свои ноги. Ни один раджпут никогда не расстается с ней.
— Но я вижу, ты одна. Каким образом тебе удалось одной выбраться из гарема?
— С помощью этого перстня. — Нирмал достала перстень джодпурской принцессы. Начальник стражи склонился перед ней в почтительном поклоне.
— Ты можешь идти, — сказал он Нирмал. — Тебя никто не осмелится остановить.
— Вы должны оказать мне еще одну милость, — обратилась к нему Нирмал. — Я никогда не выходила из дворца и очень испугана тем, что произошло. Было бы очень хорошо, если бы вы приказали стражнику или рассыльному проводить меня до дворца.
Начальник стражи приказал одному из стражников проводить Нирмал в гарем падишаха. Евнухи беспрекословно пропустили ее, увидев перстень главной жены Аурангзеба. С помощью ловких расспросов Нирмал нашла Джодпури. Совершив пронам, она показала ей перстень. Джодпури насторожилась.
— Откуда ты взяла этот перстень? — спросила она, когда они остались одни.
— Я все расскажу вам, — ответила Нирмал.
Она назвала себя и рассказала о том, как Деви пришла в Рупнагар, о том, что она говорила и как оставила перстень. Затем она рассказала обо всем, что случилось с тех пор с ней и с Чанчал-кумари. Рассказала, что она приехала вместе с Маникчалом и привезла письмо Чанчал-кумари. Рассказала о том, как, приехав в Дели, она попала в беду и как, освободившись с помощью хитрой уловки, проникла в гарем. Затем Нирмал вручила джодпурской принцессе письмо, которое Чанчал-кумари написала Удипури.
— Я пришла к вам за советом, как передать это письмо Удипури, — сказала она.
— Это можно будет сделать, — ответила Джодпури. — Но здесь всем распоряжается Зеб-ун-ниса. Письмо можно будет передать вечером, когда эти грешницы напьются до бесчувствия. А сейчас ступай к моим служанкам индускам. Там тебе дадут индусскую пищу

⁶⁵.

Глава четвертая

Растопка. Удипури

Когда наступил вечер, Джодпури дала Нирмал несколько ценных советов и вместе со стражницей татаркой послала ее к Зеб-ун-нисе. Когда Нирмал вошла в ее покои, у нее закружилась голова от аромата благовоний, цветов и табака. Пол, выложенный драгоценными камнями, убранство комнат и роскошное ложе поразили ее. Но больше всего она была ослеплена блеском многочисленных драгоценностей, смешанных с цветами, которыми была усыпана Зеб-ун-ниса, и ее красотой, способной затмить луну и солнце. Озаренная этим блеском Зеб-ун-ниса показалась ей небесной девой из обители богов.

Но глаза у небесной девы были мутные, лицо воспаленное, рассудок ее был в тумане, она была во власти опьянения. Когда Нирмал предстала перед ней, Зеб-ун-ниса спросила заплетающимся языком:

— Ты кто?

— Я посланница повелительницы Удайпура, — ответила Нирмал.

---

⁶⁴ Бегум — госпожа. Здесь — титул жены падишаха.

⁶⁵ Индусская пища. — Согласно кастовым установлениям индуизма, индусу воспрещалось принимать пищу, приготовленную членом более низкой касты. Преступлением против канонов индуизма считался также прием пищи, приготовленной иноверцем — в данном случае мусульманином.

— Приехала поклониться трону могольского падишаха?

— Нет. Я привезла письмо.

— А что ты собираешься сделать с этим письмом? Бросишь в огонь, чтобы посмотреть, как ярко оно горит?

— Нет, отдам его Удипури-бегум.

— Она еще жива или умерла?

— Мне кажется, жива.

— Нет, она умерла. Эй, кто-нибудь, отведите к ней эту служанку!

Эти слова не были безумным бредом, Зеб-ун-ниса хотела сказать: «Пошлите ее в царство бога смерти». Но телохранительница поняла приказание Зеб-ун-нисы буквально и отвела Нирмал в покои Удипури.

Глаза Удипури лихорадочно блеснули, она громко смеялась, и видно было, что она в самом веселом настроении. Нирмал низко поклонилась.

— Кто вы? — спросила Удипури.

— Я посланница повелительницы Удайпура, — отвечала Нирмал. — Я привезла вам письмо.

— Нет, нет, — возразила Удипури. — Ты повелитель Персии. Ты пришел, чтобы вырвать меня из рук могольского падишаха.

подавив смех, Нирмал вручила ей письмо Чанчал-кумари. Удипури сделала вид, что читает письмо вслух: «О, красавица из красавиц, моя дорогая! Слухи о твоей красоте и богатстве свели меня с ума. Скорее приезжай и охлади жар моего сердца». Хорошо, я так и сделаю. Я обязательно поеду к нему. Вы только немного подождите-я выпью вина. А вы не хотите пригубить? Отличное вино. Это подарок португальского посла. Такого вина в нашей стране не встретишь.

Воспользовавшись тем, что Удипури поднесла к губам чашу, Нирмал выскользнула из комнаты и, вернувшись к Джодпури, рассказала ей обо всем, что с ней произошло.

— Завтра она прочтет письмо, — засмеялась Джодпури. — А ты тем временем удирай, а не то может подняться большой шум. Я пошлю с тобой верного мне евнуха. Он выведет тебя из гарема и проводит до лагеря. Если ты встретишь там своих, то вместе с ними уезжай из Дели. А если в лагере никого нет, тогда ты покинешь город с моим евнухом. Твой муж, наверное, ждет тебя где-нибудь неподалеку от Дели. Если ты не встретишься с ним на пути, евнух проводит тебя до самого Удайпура. Я дам тебе денег на дорогу. Но будь осторожна! Не подводи меня.

— Ваше величество, будьте спокойны. Я раджпутка.

Джодпури позвала преданного ей евнуха по имени Банаси и объяснила ему, что он должен делать.

— Сможешь ли ты отправиться тотчас же? — спросила она.

— Я не осмелюсь покинуть гарем без пропуска, подписанного старшей принцессой, — ответил Банаси.

— Напиши, какой тебе нужен пропуск, — ответила Джодпури. — Я получу подпись Зеб-ун-нисы.

— Евнух написал пропуск. Передав его татарке-телохранительнице, Джодпури сказала ей:

— Подпиши его у старшей принцессы.

— А если она спросит — для кого?

— Скажи: «Это мой смертный приговор». Возьми с собой перо и чернила. Да не забудь поставить печать.

Взяв ручку и чернила, стражница отправилась к Зеб-ун-нисе. У Зеб-ун-нисы все еще не прошел хмель.

— Что это за бумага? — спросила она.

— Это мой смертный приговор.

— Ты что-нибудь украла?

— Юбку Удипури-бегум.

— Правильно сделала — можешь носить ее, когда умрешь. — С этими словами старшая принцесса подписала пропуск. Стражница приложила печать и отнесла пропуск Джодпури. Евнух и Нирмал вышли из покоев Джодпури. Нирмал шла за своим проводником в самом радужном настроении.

Но вдруг вся ее радость исчезла без следа. Подойдя к воротам рангмахала, евнух в страхе окаменел.

— Беда! — прошептал он. — Беги! Спасайся! И евнух со всех ног пустился бежать.

Глава пятая

Растопка. Бог смерти

Нирмал не понимала, почему она должна спастись. Она оглядывалась по сторонам, но не заметила ничего страшного. Увидела только, что у ворот стоит пожилой мужчина в белом. «Почему евнух так испугался этого человека? — подумала она. — Разве это злой дух?» Нирмал не так уж боялась злых духов, поэтому она не убежала. Пока она стояла в нерешительности, человек в белом подошел к ней.

— Кто ты? — спросил он, заметив Нирмал.

— Не все ли равно?

— Куда ты направляешься? — спросил человек в белом.

— Наружу. — Зачем?

— Нужно, — ответила Нирмал.

— Мне известно, что никто ничего не делает без нужды. Для чего нужно?

— Не скажу.

— Кто был с тобой?

— Не скажу.

— Я вижу, ты — индуска. Какой ты касты?

— Раджпутка.

— Ты находишься при джодпурской принцессе? Нирмал твердо решила отвлечь всякие подозрения от Джодпури.

— Я нездешняя, — ответила она. — Я только сегодня приехала.

— Откуда? — спросил человек в белом.

«К чему мне говорить неправду? — подумала Нирмал. — Что он мне сделает? Пристало ли раджпутке лгать от страха?»

— Я приехала из Удайпура, — ответила она.

— С какой целью? — снова спросил человек в белом.

«Стоит ли ему обо всем рассказывать?» — подумала Нирмал.

— Почему я должна посвящать вас в свои дела? — сказала она. — Я буду вам очень обязана, если вы пропустите меня за ворота, не задавая мне вопросов.

— Я могу выпустить тебя за ворота, если буду удовлетворен твоими ответами.

— Я не стану отвечать на ваши вопросы, не зная, кто вы такой? — сказала Нирмал.

— Я падишах Аламгир, — ответил ее собеседник. Нирмал вспомнила портрет, на который наступила Чанчал-кумари. Прикусив язык, она подумала: «Так оно и есть!»

Нирмал поклонилась падишаху до земли.

— Жду ваших приказаний, — сказала она, сложив ладони.

— К кому ты приходила? — спросил падишах.

— К принцессе Удипури.

— Что ты сказала? Из Удайпура — к Удипури? С какой целью?

— У меня было к ней письмо.

— От кого?

— От жены махараны.

— Где это письмо?

— Я передала его принцессе. Падишах был очень удивлен.

— Ступай за мной, — приказал он.

Вместе с Нирмал Аурангзеб отправился в покои Удипури. Он оставил Нирмал у дверей, приказав стражницам не спускать с нее глаз, а сам вошел в спальню Удипури и увидел, что она погружена в глубокий сон. Рядом с ней на ее ложе лежало письмо. Аурангзеб прочитал его. Письмо, по обычаю тех времен, было написано на фарси.

Прочитав письмо, он потемнел, как туча в летнюю ночь.

— Как тебе удалось проникнуть в гарем? — спросил он Нирмал, выйдя из спальни.

— Простите своей рабыне это прегрешение, но я не стану отвечать на ваш вопрос.

— Откуда у тебя столько дерзости? — удивился Аурангзеб. — Ты не желаешь отвечать мне, повелителю мира?

— Мир принадлежит повелителю, но мой язык — мне, — возразила Нирмал, снова сложив ладони. — Падишаху не удастся заставить меня говорить то, чего я не захочу.

— Зато я могу тотчас же приказать стражницам, чтобы они вырвали твой язык, которым ты так хвастаешься, и бросили его собакам.

— Как будет угодно повелителю Дели! Но тогда вы уж никогда не узнаете от меня то, что вас интересует.

— Поэтому я и сохранил тебе язык. Я прикажу страже завернуть тебя в кусок ткани и поджаривать на медленном! огне. Если мой приказ не может заставить тебя заговорить, тебя заставит заговорить пламя.

Нирмал засмеялась.

— Индусские женщины не боятся умирать на костре, — сказала она. — Разве падишах Хиндустана никогда не слышал о том, что индусские женщины с улыбкой на устах всходят на погребальный костер мужа? Вы пугаете меня смертью на костре, но так умерла моя мать и бабушка. И другие мои родственницы из поколения в поколение умирали на костре. Я тоже молю бога о такой смерти.

«Молодец», — сказал про себя падишах.

— Что с тобой делать, я решу потом. Ты останешься под замком в одной из комнат гарема. Тебе не дадут ни есть, ни пить, пока тебя не измучит голод и жажда. Когда почувствуешь, что больше не можешь, постучи в дверь, стража приведет тебя ко мне. Когда ты ответишь на мои вопросы, тебе дадут есть и пить.

— Шахиншах, — ответила Нирмал, — неужели вы никогда не слышали, что во время поста индусские женщины по несколько дней голодают и не притрагиваются к воде. Не раз они добровольно убивали себя постом. Государь, ваша покорная слуга тоже способна на это. Вы можете испытать меня, если вам угодно.

Аурангзеб понял, что ему не удастся запугать эту женщину. Трудно сказать, проговорится ли она даже под пыткой. Не лучше ли сначала попробовать подействовать на нее соблазном?

— Хорошо, — сказал он, — я не стану тебя пытать. Если ты откроешь мне всю правду, я осыплю тебя золотом.

— Раджпутская женщина презирает богатство, так же как и смерть, — отвечала Нирмал. — Я простая женщина, а вы великий падишах. Дайте мне свободу просто так.

— На свете нет ничего такого, чего не мог бы дать делийский падишах. Есть ли что-нибудь, о чем ты хотела бы его попросить?

— Есть. Беспрепятственный выход.

— Это единственное, чего я не могу тебе дать сейчас. Неужели в целом мире нет ничего, что могло бы соблазнить или устроить тебя?

— Конечно, есть, но этого сокровища нет в сокровищнице падишаха.

— Что же это такое?

— Для нас, индусов, во всем мире существует только вера. Лишь она может страшить и привлекать нас. А делийский падишах — иноверец и богач. Разве он в состоянии дать мне желанное или отнять его у меня?

Оценив смелость и находчивость Нирмал, удивленный повелитель Дели перестал было гневаться, но этот выпад снова вывел его из себя.

— Как это я забыл об этом?! — воскликнул он и приказал стражнице: — Иди принеси кусок говядины из кухни. Пусть слуги заставят ее проглотить мясо коровы.

Нирмал не поколебало и это.

— Я знаю, вы способны на это, — сказала она. — Благодаря этому вы захватили наш золотой Хиндустан. Я знаю, что мусульмане наносили поражения индусам, гоня перед собой стада коров. Если бы не это, мусульмане выглядели бы рядом с раджпутами как пруд рядом с морем. Но я должна напомнить вам, что раджпутская женщина и шагу не ступит, не взяв с собой яд. У меня с собой очень сильный яд, если слуги войдут с коровьим мясом в комнату, я приму яд и умру раньше, чем они ко мне приблизятся. Государь! Когда вы, казнив своего брата Дару, отправились за его женами, достались ли они вам? Я знаю, что подлая христианка поддалась соблазну, но раджпутка дала падишаху пощечину и покончила с собой. Я поступлю точно так же.

Падишах онемел. Тот, кто известен под именем «Повелителя мира», чья слава гремит по всему свету, ужас всей Индии снес оскорбление и был побежден беспомощной слабой женщиной.

«Это бесценное сокровище, — подумал он, признав свое поражение. — Его нельзя губить. Я сумею покорить ее».

— Как зовут тебя, милая? — ласково спросил он.

— Что с вами, государь! — засмеялась Нирмал. — Вам хочется завести еще одну жену раджпутку? Вам придется расстаться с этой мыслью. Я замужем и мой муж жив.

— Оставим пока этот разговор. Несколько дней ты пробудешь в моем гареме. Надеюсь, ты подчинишься моему приказу?

— Для чего вы меня задерживаете?

— Если ты вернешься домой сейчас, то будешь ругать меня. Я постараюсь заслужить твою похвалу и тогда отпущу тебя.

— Я не могу послушаться вашего приказа. Хорошо, я останусь на несколько дней, если вы дадите мне некоторые обещания.

— Какие?

— Во-первых, я не прикаснусь ни к чему, кроме индусской пищи.

— Согласен.

— Ко мне не притронется ни один мусульманин или мусульманка.

— Обещаю и это.

— Я буду находиться при одной из ваших жен раджпуток.

— Пусть будет так. Я пошлю тебя к Джодпури-бегум.

Падишах сделал все, как обещал.

Глава шестая

Еще о растопке

На следующий день Аурангзеб вместе с Зеб-ун-нисой начал расследование, желая узнать, кто впустил в гарем Нирмал. Он вызвал и расспросил всех евнухов, телохранительниц и служанок. Стражи, впустившие Нирмал, узнали ее, но побоялись признаться в своей вине. Аурангзебу и Зеб-ун-нисе так и не удалось ничего узнать.

Тогда они заявили всем служителям гарема:

— Вы не причинили особого вреда, впустив эту женщину, но без нашего приказа не выпускайте ее из гарема. Но никто не должен обижать или оскорблять ее. Оказывайте ей

почести, достойные принцессы. Она будет есть пищу, приготовленную служанками Джодпури-бегум. Пусть ни одна мусульманка не прикасается к ней.

Все почтительно склонились перед Нирмал-кумари. Зеб-ун-ниса ласково зазвала ее к себе и завела с ней оживленную беседу. Но ей ничего не удалось вывести от нее.

В тот же день, после полудня татарка-телохранительница сообщила Джодпури, что в крепость пришел торговец изделиями из камня. Некоторые из них он прислал в гарем.

— Изделия неважные, — сказала она. — Никому из женщин гарема они не пришлись по вкусу. Может быть, вы возьмете что-нибудь?

Маниклал намеренно отобрал плохие изделия, чтобы ими не соблазнилась какая-нибудь принцесса. Нирмал находилась в комнате Джодпури, когда татарка принесла эту новость. Подмигнув принцессе, она сказала:

— Я возьму.

Нирмал еще до этого рассказала Джодпури о разговоре, который состоялся у нее с падишахом накануне ночью. Джодпури осыпала ее похвалами и благословениями. Она приложила все усилия, чтобы окружить Нирмал заботой. Теперь, поняв, что задумала Нирмал, она велела принести изделия из камня.

Когда стражница вышла, Нирмал рассказала Джодпури о хитрости, придуманной Маниклалом.

— Садись и напиши мужу письмо, — сказала Джодпури. — А я буду выбирать изделия из камня. Ты должна воспользоваться этим случаем и дать ему весть о себе.

Вскоре каменные безделушки были принесены в покои Джодпури. На всех вещах стоял значок Маниклала. Нирмал принялась писать мужу письмо, а Джодпури тем временем выбирала безделушки. Среди прочих вещей была шкатулка, выложенная узором из драгоценных камней. К ней была приделана золотая цепочка с ключом для замка. Когда письмо было написано, Джодпури незаметно сунула его в шкатулку и заперла ее на ключ. Она купила все безделушки, кроме шкатулки. Ключ Джодпури оставила у себя.

Увидев, что шкатулка вернулась без ключа, переодетый торговцем Маниклал преисполнился надежды. Получив деньги за проданные безделушки, он вернулся в лавку и, оставшись один, достал из шкатулки письмо Нирмал.

Читателю не обязательно знать во всех подробностях, что написала Нирмал. Он и так без труда может себе представить, о чем говорилось в ее письме. А остальное разъяснится немного позже.

Получив письмо и успокоившись за Нирмал, Маниклал стал собираться в обратный путь. Однако, чтобы не вызвать подозрений своим внезапным отъездом, он решил задержаться еще на несколько дней.

Глава седьмая

Растопка. Зеб-ун-ниса

Теперь мы должны на некоторое время оставить Нирмал и вернуться к доблестному могольскому воину Мубараку. Мы уже говорили, что Аурангзеб разжаловал и наказал тех, кто с позором возвратился из Рупнагара. Но Мубарак не попал в их число. Аурангзеб оставил его в прежнем чине, слыша от всех похвалы храбрости, проявленной им в бою.

Зеб-ун-нисе тоже стало известно о славе Мубарака. Она надеялась, что он сам явится к ней и обо всем расскажет. Но Мубарак не пришел.

Мубарак поселил Дарию-биби в своем доме, нанял для нее евнуха и служанку. Нарядил ее в дорогие одежды. Одарил ее массой драгоценностей. Семейные дела всецело поглотили его.

Поняв, что по своей воле Мубарак не придет, Зеб-ун-ниса послала за ним своего преданного евнуха Асируддина. Однако Мубарак не пришел и по ее зову. Зеб-ун-нису охватил гнев. «Как он смеет! — думала она. — Сама принцесса просит его прийти, а этот

раб не является. Что за наглость!»

Несколько дней Зеб-ун-ниса выдерживала характер. «Мне все равно», — пыталась она убедить самое себя. Она еще не знала, что и шахские дочери могут ошибаться, что аллах создал дочь шаха и дочь крестьянина по одному образу и подобию. Богатство и трон это только игра случая, во всем же остальном между ними нет никакой разницы.

Зеб-ун-нисе вовсе не было все равно. Через несколько дней она смягчилась и, отбросив в сторону гордость принцессы и влюбленной, снова позвала Мубарака. Но тот ответил: «Я очень счастлив. Кроме бога и веры, для меня нет ничего на свете дороже дочери падишаха. Но грешить я больше не стану. Я больше не войду в гарем — я привел в свой дом Дарию».

Охваченная гневом, Зеб-ун-ниса твердо решила погубить Мубарака и Дарию. Это в обычае у власть имущих.

Пребывание Нирмал в гареме оказалось на руку Зеб-ун-нисе. Мало-помалу Нирмал полюбила Аурангзебу. Но бог любви не принимал в этом участия, здесь был замешан дьявол. Всякий раз, когда у Аурангзеба был досуг и хорошее настроение, он приглашал к себе «танцовщицу из Рупнагара» и беседовал с ней. Главная цель этих бесед заключалась в том, чтобы выведать сведения о положении в государстве Радж Сингха. Но хитрец из хитрецов Аурангzeb вел разговор таким образом, что никому бы никогда и в голову не пришло, что он собирает сведения, которые пригодятся ему в войне. Однако и Нирмал не уступала ему в хитрости. Она понимала смысл всех его вопросов и, когда это было нужно, давала ему неправильные ответы.

Поэтому Аурангзеба не могли полностью удовлетворить эти беседы. Он рассуждал так: «Мевар я затоплю своими войсками, в этом я не сомневаюсь. Княжество Радж Сингха перестанет существовать. Но это не восстановит мою честь. Ничто не восстановит моей чести, если я не смогу захватить рупнагарскую принцессу. Нечего надеяться, что, захватив княжество, я захвачу ее, раджпутские женщины легко идут на костер, легко принимают яд. Прежде чем попасть мне в руки, эта чертовка покончит с собой. Но, может быть, мне удастся обмануть ее, если я смогу прибрать к рукам и подчинить своему влиянию эту женщину? Неужели я на это не способен? Я, делийский падишах, не смогу покорить какую-то служанку? Какой же я тогда падишах?»

По указанию Аурангзеба Зеб-ун-ниса осыпала Нирмал драгоценностями. Ее наряды не уступали нарядам жен падишаха. Малейшее ее желание исполнялось по первому слову. Единственное, что ей не позволялось, это покидать гарем.

Как-то раз она, смеясь, сказала Джодпури:

Клетка из золота — птица из золота,
Цепочка на ногах из золота,
Золотое зерно — золотое пшено.
Почему только кхойер⁶⁶ не из золота?

— Зачем ты принимаешь все эти подарки? — спросила Джодпури.

— Чтобы показать в Удайпуре, что я обманула самого могольского падишаха, — ответила Нирмал.

Зеб-ун-ниса была правой рукой Аурангзеба. Получив от него инструкции, она взялась за Нирмал. Отныне все дело легло на плечи принцессы — себе падишах оставил приятные разговоры. Он шутил с Нирмал, но и эти шутки были шутками падишаха — Нирмал не могла сердиться, она только платила ему той же монетой. Ее ответы были ответами женщины, хотя и не были лишены некоторой грубости, присущей жителям рупнагарских гор. Мы не можем привести пример юмора падишаха, ибо он не соответствует современным английским вкусам.

---

⁶⁶ Кхойер — сок растений, употребляемый для приготовления бетеля.

Нирмал откровенно говорила с Зеб-ун-нисой на темы, которые казались ей не опасными. Повела она ей и о том, как проходило рупнагарское сражение. Нирмал не видела первой половины боя, но знала все со слов Чанчал-кумари. Она передала Зеб-ун-нисе все, что слышала. Она рассказала о том, как Мубарак отозвал могольских воинов, признав свое поражение перед Чанчал-кумари, и выпустил из рук завоеванную победу. Рассказала о том, как ради спасения раджутов Чанчал-кумари хотела добровольно отправиться в Дели. Рассказала о том, что Чанчал-кумари собиралась выпить яд и о том, что Мубарак отказался взять ее с собой.

«Ну, Мубарак-сахеб, этим оружием я смогу отделить от плеч твою голову», — подумала Зеб-ун-ниса, выслушав этот рассказ. Выбрав удобный момент, она передала все Аурангзебу.

— Если этот раб — предатель, он сегодня же отправится в ад, — сказал Аурангзев.

Нельзя сказать, чтобы падишах не понял, в чем здесь дело. До него не раз доходили слухи о дурном поведении его дочери. Есть люди, о которых в нашей стране говорят — «Собаку убьют, но горшок не разобьют»⁶⁷. Могольские падишахи относились к людям такого рода. Узнав о дурном поведении дочери или сестры, они ничего ей не говорили, но, узнав имена их фаворитов, обычно расправлялись с ними посредством какой-нибудь уловки. Аурангзев давно уже подозревал, что Мубарак — возлюбленный Зеб-ун-нисы, но до сих пор у него не было достаточной уверенности. Теперь из слов дочери он понял, что между любовниками произошла ссора и что дочь хочет раздавить укусившего ее муравья. Аурангзев ничего не имел против этого, но считал своим долгом услышать обо всем из уст самой Нирмал. Нирмал не догадывалась, в чем дело, и рассказала все, как было.

Затем Аурангзев вызвал к себе бакши и приказал арестовать Мубарака. По приказу бакши восемь стражников арестовали Мубарака и привели его к своему начальнику. Мубарак предстал перед ним с улыбкой. Перед бакши стояли две железные клетки. В каждой клетке шипела ядовитая змея.

В наше время приговоренного к смертной казни обычно вешают, другие виды смертной казни почти не применяются. В могольской империи было немало способов лишать человека жизни. Одним отрубали головы, других сажали на кол, третьих растаптывали слонами, четвертые умирали от укуса ядовитых змей. Тех же, с кем хотели расправиться тайно, убивали с помощью яда.

Увидев клетки со змеями, Мубарак спросил бакши:

— Значит, я должен умереть?

— Приказ падишаха, — грустно ответил бакши.

— Известно ли вам, почему падишах отдал такой приказ? — спросил Мубарак.

— Нет. А вы сами ни о чем не догадываетесь?

— Отчасти, но это одно лишь предположение. Стоит ли медлить?

— Не стоит.

Мубарак сбросил обувь и просунул ногу в одну из клеток. Змея с шипением бросилась к сетке и укусила его. Лицо Мубарака исказилось от боли.

— Сахеб! — сказал он бакши. — Если кто-нибудь спросит, почему умер Мубарак, будь добр, скажи — по желанию ее высочества принцессы Зеб-ун-нисы.

— Замолчи! Замолчи! — испугался бакши. — Давай теперь другую ногу.

Приговоренного должны были укусить две змеи на тот случай, если у одной из них не окажется яда. Мубарак знал об этом правиле. Он просунул ногу во вторую клетку, и вторая кобра укусила его и влила в рану свой страшный яд.

Мубарак скорчился от боли, лицо его посинело. Упав на колени, он сложил ладони и взмолился: «Великий аллах! Смилуйся надо мной, если в своей жизни я хоть чем-нибудь заслужил твое прощение».

---

⁶⁷ Когда в доме индусов умирает живое существо, полагается выставлять перед домом разбитый горшок, чтобы все знали о том, что случилось. Смысл пословицы — не признаваться в совершенном злодеянии.

Это были последние слова доблестного могольского воина Мубарака.

Глава восьмая

Все равны

Все новости приходят в гарем, и ни одна из них не минует Зеб-ун-нисы — ведь она второе лицо после падишаха. Узнала она и о казни Мубарака. Зеб-ун-ниса надеялась, что эта весть обрадует ее, но вдруг убедилась в обратном. Едва она услышала о смерти Мубарака, как на глазах у нее показались слезы, хотя раньше никогда влага не орошала эту сухую почву. На этом дело не кончилось — слезы струей потекли по ее щекам. Рывания рвались из ее груди. Заперев двери, Зеб-ун-ниса бросилась на свое ложе из слоновой кости, украшенное драгоценными камнями, и разрыдалась.

Ну что, шахская дочь? Слезы льются неудержимым потоком, хотя лежишь ты на роскошном ложе, сверкающем драгоценностями! Если бы ты вышла из дворца и заглянула в жалкие лачуги на окраинах Дели, ты увидела бы, как веселы люди, которые ложатся спать на рваные циновки. Никто из них не рыдает так горько.

Зеб-ун-ниса понимала, что сама погубила свое счастье. Душа ее вовсе не была так холодна, как она думала: дочери падишаха тоже способны любить, знают они об этом или нет. Родившись женщиной, приходится с этим мириться.

— Почему я до сих пор не знала, что так люблю его? — спрашивала она себя. — Никто не сказал мне, что я ослеплена своим богатством и красотой, что, став рабой чувственности, я проглядела любовь. Я наказана по заслугам и недостойна жалости.

Все эти мысли одна за другой появились в ее сознании. Значит, есть, должно быть, добро и зло, и тогда то, что совершилось — большая несправедливость. «А что, если существует возмездие? — испугалась Зеб-ун-ниса. — Что, если есть кто-то, карающий за грехи? Простит ли он ее только потому, что она шахская дочь? Вряд ли». В душу Зеб-ун-нисы закрался страх.

Охваченная горем, скорбью и страхом, она отперла двери и позвала своего преданного евнуха Асируддина.

— Можно ли воскресить человека, умершего от змеиного яда? — спросила она, когда тот пришел.

— Как можно воскресить умершего? — удивился Асируддин.

— Ты никогда не слышал о подобных случаях?

— Мне говорили, что Хатем Мал занимается такими делами, но сам я не видел.

Зеб-ун-ниса судорожно вздохнула.

— Ты знаешь Хатема Мала? — спросила она.

— Знаю.

— Где он живет?

— В Дели.

— Ты знаешь, где его дом?

— Знаю.

— Можешь тотчас же отправиться к нему?

— Как вы прикажете.

— Тебе известно, что сегодня Мубарак Али, — голос Зеб-ун-нисы дрогнул, — умер от укуса змеи?

— Да.

— Знаешь, где его похоронили?

— Не видел, но знаю, на каком кладбище его должны похоронить. Могила свежая, я сумею ее разыскать.

— Я дам тебе две сотни золотых. Сто золотых ты отдашь Хатему Малу и сто возьмешь себе. Если вам удастся воскресить Мубарака, принесите его ко мне. А теперь

ступай.

Взяв монеты, евнух Асируддин удалился.

Глава девятая

Растопка. Дария

Маниклал снова пришел во дворец продавать свои товары и снова получил весть о Нирмал. Запертая на ключ каменная шкатулка возвратилась к ней, и, отперев ее, Нирмал увидела в ней почтового голубя. Нирмал спрятала голубя у себя. Как и в прошлый раз, она положила в шкатулку записку.

«Все в порядке, — писала она. — Уезжай, я уже говорила, что приеду вместе с падишахом».

Маниклал закрыл свою лавку и отправился в Удайпур. Приближался рассвет. Не желая вызывать подозрений, Маниклал выехал не через Аджмирские ворота, а с противоположной стороны. У края дороги было небольшое кладбище. Возле одной из могил стояли двое неизвестных. При виде Маниклала и его спутников они бросились бежать. Маниклал слез с лошади и подошел поближе. Рядом с раскопанной могилой лежал труп. При свете утренней зари Маниклал внимательно осмотрел его. Затем, приняв какое-то решение, он взвалил труп на свою лошадь, набросил на него покрывало, а сам зашагал рядом.

Скоро Маниклал вышел за городскую черту. Когда рассвело, он снял труп с лошади и положил его в тени среди зарослей. Затем достал из своей сумки пилюлю и приготовил раствор. Надрезав кожу мертвеца в разных местах, он стал втирать раствор в ранки. Затем он смочил этой жидкостью язык и глаза умершего. Через некоторое время Маниклал повторил эту операцию. На третий раз мертвец вздохнул, а после четвертого раза открыл глаза. К нему вернулось сознание. После пятого раза он приподнялся и заговорил.

Маниклал приказал принести молока и напоил Мубарака. Когда Мубарак маленькими глотками выпил молоко, у него прибавилось сил и ему припомнилось все, что с ним произошло.

— Кто меня спас? — спросил он Маниклала. — Вы?

— Да, — ответил Маниклал.

— Зачем вы это сделали? Я узнал вас. Я сражался с вами в рупнагарских горах. Вы разгромили мой отряд.

— Я тоже узнал вас, — ответил Маниклал. — Ведь это вы победили махарану. Что произошло с вами потом?

— Сейчас не стоит говорить об этом. Я расскажу в другой раз. Куда вы направляетесь? В Удайпур?

— Да.

— Возьмете меня с собой? В Дели вернуться я не смогу, это вы, конечно, понимаете. Ведь я был казнен.

— Я готов взять вас с собой, но вы очень слабы.

— К вечеру я наберусь сил. Сможете подождать до вечера?

— Смогу.

Маниклал дал Мубараку еще молока. В деревне он купил пони и, посадив Мубарака в седло, отправился в Удайпур.

Всю дорогу они ехали бок о бок, и Мубарак рассказал Маниклалу обо всем, что произошло у него с Зеб-ун-нисой. Маниклалу стало ясно, что Мубарак пал жертвой ее гнева.

Тем временем Асируддин вернулся во дворец и сообщил Зеб-ун-нисе, что труп воскресить не удалось. Зеб-ун-ниса прижала к глазам надушенный платок и, рухнув на каменный пол, в отчаянии стала биться о него головой, как обыкновенная деревенская

женщина.

Трудно переносить горе, которым ни с кем не можешь поделиться. Такое горе выпало на долю дочери падишаха. «Если бы я могла стать крестьянкой!» — думала она.

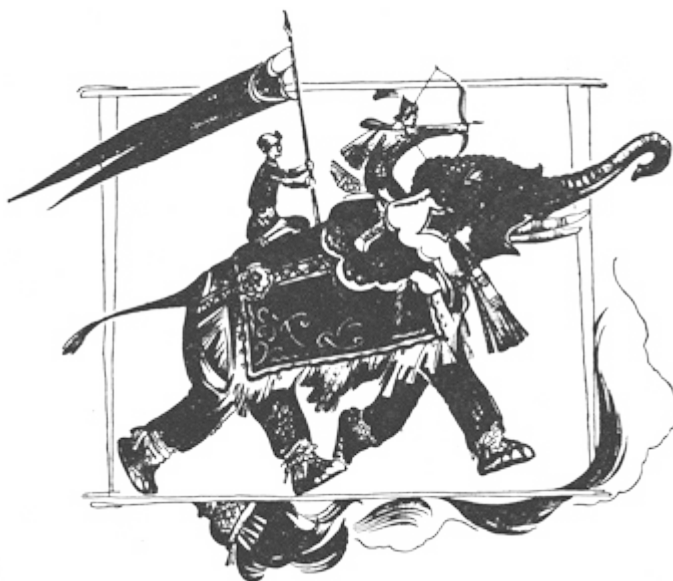
Вдруг у входа в ее покои поднялся шум. Кто-то настойчиво пытался проникнуть внутрь, несмотря на сопротивление стражи. Зеб-ун-нисе показалось, что она слышит голос Дарии. Стражница не смогла удержать Дарию. Оттолкнув ее, Дария ворвалась в комнату. В руке у нее был меч. Она замахнулась мечом на Зеб-ун-нису и вдруг, отбросив его в сторону, принялась перед ней танцевать.

— Ты плачешь! Как я рада! — закричала она и громко, расхохоталась.

Зеб-ун-ниса приказала стражнице схватить Дарию, но та не сумела ее удержать. Дария бросилась бежать. Преследуя ее по пятам, стражница ухватила ее за край одежды, но Дария выскользнула из одежды и нагая побежала дальше. Она сошла с ума, узнав о смерти Мубарака.

Часть седьмая Пожар разгорелся

Глава первая Второй Ксеркс, вторые Платеи

Поход Аурангзеба с целью уничтожить княжество Радж Сингха задержался из-за грандиозных военных приготовлений. Подобно Дурьйодхане и Юдхиштхире⁶⁸ он призвал для этой великой войны все свои войска от берегов Брахмапутры до Балха, от Кашмира до Кералы и Малабара. Громадное войско Декана, которое под непрерывными ударами Голконды, Виджайапуре и Махараштры⁶⁹ сделалось неуязвимым, как демон Вритра, под водительством старшего сына падишаха шаха Алама хлынуло на Удайпур с юга. Вторым сыном падишаха Азим-шах, бывший наместником в Бенгалии, с неисчислимыми полчищами Восточной Индии занял горные проходы Мевара. С Запада, из Мультана, подошел третий сын Аурангзеба — Акбар, со своими непобедимыми пенджабцами, афганцами и кашмирцами, и влил свою армию в бескрайнее море могольских воинов. На севере сам падишах двинулся на Мевар из Дели со своим не знающим поражений войском, чтобы стереть с лица земли всякое воспоминание об Удайпуре. Удайпур был подобен скале посреди безбрежного моря.

Но неисчислимые могольские войска могли испугать Радж Сингха не более, чем клубок змей Гаруду⁷⁰. Трудно сказать, собиралось ли в Индии такое войско после битвы при Курукшетре⁷¹. Чтобы завоевать маленький Удайпур, Аурангзеб привел в Раджпутану такую армию, которая, наверное, не понадобилась бы для завоевания Китая, Персии или России. Только раз в истории произошло нечто подобное. Когда Персия была сильным государством, персидский царь Ксеркс отправился завоевывать маленькую Грецию с многотысячной армией. Леонид в Фермопилах, Фемистокл под Саламином и Павзаний в Платеях сбили с него спесь и прогнали его — Ксеркс бежал как побитый пес. На этот раз история повторилась. Повелитель Индии, силой и славой превосходящий самого Ксеркса, привел многие тысячи воинов, чтобы завоевать маленькое княжество. Сейчас мы расскажем о том, что сделал с ним Радж Сингх.

Стратегия — это европейская наука. В азиатской стране Индии военное искусство никогда не получало особого развития. Арийские герои, подвиги которых описаны в Пуранах⁷², славились только умением стрелять из лука и владеть палицей. Потому ли, что летописцы-брахманы не понимали военного искусства, потому ли, что в древние времена оно действительно не существовало в Индии, только мы не получили никакого представления о полководческих способностях Рама-чандры или Арджуны. Мы ничего не знаем о военном искусстве Ашоки, Чандрагупты, Викрамадитьи, Шака-дитьи и Шиладитьи⁷³. Нам ничего не известно о военном искусстве и тех, кто завоевал Индию, — Махмуда Касима, Махмуда Газневи, Шахаруддина, Алауддина, Бабура, Тимура, Надир-шаха и Шер-шаха⁷⁴. Должно быть, и мусульманские летописцы были профанами в военном деле. Некоторые упоминания о полководческом искусстве начинают появляться во времена Акбара. У Акбара, Шиваджи, Ахмада Абдали, Хай-дера Али, Хари Сингха⁷⁵ и других мы уже видим зарождение военной мысли, искусства стратегии. Радж Сингх нисколько не уступал ни одному из стратегов, известных в истории Индии. Даже в Европе было немного равных ему полководцев. После голландского героя Вильгельма Молчаливого⁷⁶ никому не

---

68 Дурьйодхана — сын Дхритараштры, главы рода кауравов; Юдхиштхира — глава рода пандавов, которые враждовали с кауравами. О войне между этими родами рассказывает древнеиндийская эпическая поэма «Махабхарата».

69 Голконда, Виджайапур, Махараштра — независимые княжества, с которыми армия императора Аурангзеба вела долгую борьбу.

70 Гаруда — царь птиц, герой древнеиндийских легенд. Согласно преданию, его пищей были змеи.

71 Курукшетра — поле битвы двух враждовавших родов: пандавов и кауравов, о которых рассказывает «Махабхарата».

72 Пураны — памятники древнеиндийской литературы, относящиеся к V–VI вв.

73 Ашока, Чандрагупта а... — императоры и полководцы древней Индии.

74 Махмуд Касим, Махмуд Газнев и... — тюркские завоеватели, которые вторгались в Индию и основывали на ее территории свои империи.

75 Акбар, Шивадж и... — выдающиеся деятели индийской истории и полководцы.

76 Вильгельм Молчаливый — имеется в виду Вильгельм Оранский, вождь освободительной войны во

удавалось добиться подобного успеха такими малыми силами.

Здесь не место пускаться в рассуждения о стратегии, мы расскажем о случившемся в двух словах.

Сначала Радж Сингх сделал то, что должен был сделать всякий стратег при приближении гигантского войска Аурангзеба, разделенного на четыре части. Покинув равнинную часть княжества, он вместе с войсками поднялся в горы. Свое войско он разделил на три части. Одна часть, под командованием его старшего сына Джай Сингха, разместилась высоко в горах. Другая часть, под водительством второго сына — Бхим Сингха, расположилась на западе. С этой стороны путь был открыт. Предполагалось, что на помощь могут прийти другие раджпуты. Третья часть войск, с самим Радж Сингхом во главе, расположилась на востоке, в узком горном проходе под названием Найан.

Азим-шаху преградили дорогу неприступные горные цепи. С вершин на могольских солдат посыпались пушечные ядра и камни. Он безуспешно пытался пройти через горный проход подобно тому, как собака напрасно ломится в запертые двери кухни.

В Аджмире Аурангzeb соединился с Акбаром. Объединившись, отец и сын двинулись к трем открытым горным перевалам. Один перевал назывался Добари, второй Дайелбара, о третьем — Найане — мы уже упоминали. Когда они подошли к первому перевалу, Аурангzeb разрешил Акбару с пятьюдесятью тысячами воинов двигаться по горной дороге, а сам разбил лагерь и остановился на отдых на берегу знаменитого озера Удайсагар.

Сын падишаха Акбар шел горной дорогой по направлению к Удайпуру, не встречая ничего живого на своем пути. Он видел дворцы, сады, озера с островами, но людей нигде не было. Вокруг царило полное безмолвие. Акбар стал лагерем, решив, что жители бежали в страхе, узнав о его приближении. Солдаты занялись своими делами. Одни пировали, другие играли в карты и в кости, третьи молились. И в этот момент принц Джай Сингх набросился на Акбара, как тигр на спящего путника. Немногим удалось избежать его клыков. От пятидесяти тысяч воинов осталась жалкая горстка. Наголову разбитый Акбар бежал в Гуджерат.

Шах Алам, известный также под именем Мазум-шаха, двигался со своими войсками из Декана. Он обогнул Ахмедабад и подошел к западным отрогам гор. Горный перевал, находившийся в этом месте, назывался Ганрао. Преодолев этот перевал, Шах Алам подошел к озеру и дворцам возле Канкарли и увидел, что дальше дороги нет. Если он двинется вперед, раджпуты отрежут ему дорогу назад — войска потеряют источник снабжения и погибнут от голода. Истинные полководцы знают — на войне желудок солдата имеет не меньшее значение, чем его руки. Они понимают, что, для того, чтобы руки хорошо работали, нужно как следует набить желудок. Сикхи до сих пор с горечью говорят, что они потерпели поражение в войне с англичанами из-за своих полководцев, которые не сумели наладить снабжение армии. Сэр Бартел Фрер⁷⁷ как-то заявил: «Бенгальцы не умеют воевать. Но не презирайте их, зато они в течение всего лишь одного дня могут припрятать все продовольствие». Шах Алам хорошо понимал, что такое война, и не стал продвигаться вперед.

Благодаря расположению войск Радж Сингха (а умение распределять свои силы является важнейшим достоинством полководца) армии, двигавшиеся из Бенгалии и Декана, сжались и съежились, как обезьяны под дождем. Мультанское войско разлетелось, как пыль в порыве бури. Остался один падишах — гроза вселенной — падишах Аламгир.

Глава вторая

Огонь разгорается и в сердце

Фландрии XVI в.

⁷⁷ Бартел Фрер — современник Бонкимчондро, крупный английский колониальный чиновник, часто выступавший в прессе.

Как мы уже говорили, послав впереди себя шаха Акбара, падишах разбил лагерь на берегу озера Удайсагар. Европейские путешественники, побывавшие в Дели во времена Великих Моголов, говорили, что весь Дели это всего только огромный лагерь. Иначе говоря, — Дели был одним из лагерей могольских падишахов. Большими кварталами, как дома в городе, расставлялись палатки. Вокруг бесчисленных площадей возникал огромный полотняный город. В центре его находились шатры падишаха. Здесь падишах обитал в таких же великолепных покоях, что и в Дели. Здесь был и дарбар, и ам-хас и госал-кхана⁷⁸ и рангмахал. Шатры падишаха строились не только из полотна — у них были железные или медные каркасы. Шатры были в два или в три этажа. Перед шатрами падишаха воздвигались ворота, подобные воротам делийской крепости. Полотняная стена шатров простиралась на полмили, вся ткань была покрыта художественной вышивкой. Стена была украшена башенками и куполами, как в крепости. Стену поддерживали медные колонны. С внешней стороны шатры падишаха были обтянуты алым шелком, внутри стены были увешаны картинами. Картины были в рамах и под стеклом. В шатре, где помещался дарбар, возвышался парчовый балдахин, под ним лежали всевозможные ковры. На коврах стоял трон. Шатры падишаха охраняли вооруженные красавицы татарки.

За шатрами падишаха рядами шли великолепные шатры эмиров. Это великолепие простиралось на многие мили. Одни шатры были красного цвета, другие — желтого, белого, зелено-коричневого, синего цвета. Купола их ярко сверкали при лунном и солнечном свете. Вокруг шатров и палаток, на берегу озера, раскинулся торговый квартал, как в Дели, базар тянулся за базаром. Благодаря прибытию падишаха здесь, на берегу Удайсагара, вырос великолепный город, вызывавший всеобщее изумление.

Когда падишах отправлялся в поход со своей армией, его сопровождали все обитательницы гарема, в том числе и его жены. Так было и на этот раз. Джодпури, Удипури, Зеб-ун-ниса и все остальные сопровождали Аурангзеба. Вместе с Джодпури находилась и Нирмал. В лагере у каждой принцессы были свои отдельные покои, как и в делийском дворце.

Однажды вечером Аурангзев явился в покои Джодпури и завел с ней непринужденный разговор. При этом присутствовала и Нирмал.

— Имли-бегум! — обратился к ней падишах. Раньше он называл ее Нимли-бегум, а потом стал звать просто Имли-бегум.

— Имли-бегум! — сказал ей падишах. — Ответь, кому принадлежит твое сердце — мне или раджпутам?

— Падишах решает судьбы мира, пусть он решит и этот вопрос, — сложив ладони, ответила Нирмал.

— По моему суждению, оно принадлежит раджпутам. Ты — дочь раджпуты, твой муж — раджпут, кроме того, ты подруга жены раджпутского князя.

— Ваше величество! — воскликнула Нирмал. — Правильно ли вы рассудили? Я действительно дочь раджпуты, но ведь и ее величество Джодпури тоже. Ваша бабушка и прабабушка тоже были раджпутки, но разве они не желали добра могольскому падишаху?

— Они были могольскими женами, а ты жена раджпуты.

— Я — Имли-бегум шахиншаха Аламгира, — улыбнулась Нирмал.

— Ты — подруга рупнагарской принцессы.

— И принцессы Джодпура.

— Значит, твое сердце принадлежит мне?

— А это как вам угодно будет решить.

— Я хочу дать тебе одно поручение. Оно принесет мне пользу и будет во вред Радж Сингху. Возьмешься ли ты за такое поручение?

— Я не могу ответить, не зная, что это за поручение. Я не могу причинить зло

---

⁷⁸ Дарбар — двор, ам-хас — залы для аудиенций и приема; госал-кхана — помещение для купания, где падишах принимал своих ближайших советников

раджпутскому роду.

— Этого я от тебя и не требую. Я не сомневаюсь, что захвачу Удайпур. Но удастся ли мне захватить рупнагарскую принцессу, — вот в чем вопрос. Ты должна помочь мне в этом деле.

— Клянусь Гангой и Джамуной, что, если вы захватите столицу Удайпура, я приведу и отдам в ваши руки Чанчал-кумари.

— Я верю тебе. Ведь ты хорошо знаешь, что того, кто меня обманывает, режут на куски и бросают на съедение собакам.

— Об этом у нас уже был разговор. Клянусь, что не обману вас. Но я сомневаюсь, застану ли я ее в живых, если вы захватите дворец. В обычае раджпутских женщин сжигать себя на костре при приближении врага. Я соглашаюсь потому, что не застану ее живой. А иначе я не стала бы причинять ей зла.

— Какое же зло? — воскликнул Аурангзеб. — Она станет женой падишаха.

Нирмал собиралась ответить, но в этот момент вошел евнух и обратился к падишаху:

— В дарбар явился гонец со срочным донесением. Пришли вести от его высочества шаха Акбара.

Озабоченный Аурангзеб отправился в дарбар. От гонца он узнал, что пятьдесят тысяч воинов Акбара рассеяны и уничтожены. Немногие уцелевшие бежали в неизвестном направлении.

Аурангзеб тотчас же отдал приказ о выступлении.

Весть о поражении Акбара достигла гарема. Нирмал натянула юбку, заперла двери и исполнила перед Джодпури рупнагарский танец.

Едва успела она сбросить танцевальный костюм и принять позу благонравной женщины, как ее вызвал к себе падишах.

— Мы снимаемся с лагеря, — сообщил он ей, когда она вошла. — Идем в наступление. Хочешь сейчас отправиться в Удайпур?

— Нет, — ответила Нирмал. — Пока я останусь вместе с армией. Я уеду, если по пути представится удобный случай.

— Но к чему тебе уезжать? — Аурангзеб был слегка огорчен.

— Как будет угодно шахиншаху.

— Значит, ты согласишься навсегда остаться в моем гареме, если я тебя не отпущу? — спросил просиявший падишах.

— У меня есть муж, — сложив ладони, отвечала Нирмал.

После некоторого колебания Аурангзеб сказал:

— Если бы ты приняла ислам и покинула мужа, я окружил бы тебя большими почестями, чем Удипури.

Улыбнувшись, Нирмал с достоинством ответила:

— Нет, этого не будет, ваше величество!

— Но почему? Сколько раджпутских девушек стало женами моголов?

— Ни одна из них не покидала своего мужа.

— Значит, ты согласилась бы, если бы у тебя не было мужа?

— Зачем вы спрашиваете меня?

— Мне стыдно в этом признаваться, я никогда никому не говорил такого. Я уже не молод, но никого еще не любил. Я полюбил тебя, первый раз в жизни. Мое сердце, не знавшее нежности, твердое, как выжженная зноем скала, смягчится, если ты скажешь, что согласилась бы стать моей женой, будь ты незамужней.

Нирмал поверила признанию Аурангзеба. Тон его голоса казался ей искренним.

— Ваше величество, — проговорила она, чувствуя сострадание к нему, — чем ваша раба заслужила подобную любовь?

— Этого я не могу объяснить. Ты прекрасна, но я уже вышел из того возраста, когда пленяются красотой. Хотя ты красива, но не красивее Удипури. Должно быть, я люблю тебя

потому, что я ни от кого, кроме тебя, никогда не слышал правды. Может быть, твой ум, твоя находчивость и смелость внушили мне мысль, что ты могла бы стать мне достойной женой. Как бы то ни было, падишах Аламгир ни перед кем не склонялся, кроме тебя одной. Ничей взгляд не покорял его так, как твой.

— Шахиншах! Однажды принцесса Рупнагара спросила меня: «За кого ты хотела бы выйти замуж?» Я ответила: «За падишаха Аламгира». — «Почему?» — спросила она меня. Я объяснила ей, что в детстве приручала тигров и что мне по душе это занятие. Я испытала бы подобную же радость, если бы мне удалось покорить падишаха. Но мне не суждено было встретить вас раньше, когда я была незамужем. Я счастлива, что мне достался в мужья бедняк! А теперь — отпустите меня.

— Счастье недоступно даже повелителю мира, — сказал огорченный Аурангзеб. — Его желания остаются неисполненными. Я полюбил одну тебя во всем мире, и ты не досталась мне. Я полюбил тебя, поэтому не стану тебя задерживать. Желаю тебе счастья. Я не хочу огорчать тебя. Уезжай. Помни обо мне. Дай мне знать, если когда-нибудь я смогу оказаться тебе полезным. Я исполню твою просьбу.

Нирмал поклонилась.

— У меня осталась одна просьба, — сказала она. — Прислушаетесь ли вы к моим словам, если я попрошу вас заключить мир на благо обеих сторон?

— Я отвечу на этот вопрос, но не сейчас. Тогда Нирмал показала ему своего голубя.

— Возьмите его себе. Выпустите его на волю, когда вспомните о своей рабе. Пока я остаюсь с войсками. А вы дайте разрешение старшей принцессе отпустить меня, когда наступит время.

Аурангзеб занялся подготовкой к наступлению, но сердце его было полно грусти. Могольскому падишаху никогда не приходилось встречать никого, кто был бы так смел, хитроумен и откровенен в разговоре, как Нирмал. Аурангзеб не потерпел бы подобной смелости и откровенности от какого-нибудь раджи — Шиваджи или Радж Сингха, от какого-нибудь полководца — Дилира или Тайбара или от собственных сыновей — Азима и Акбара. Но смелые слова в устах прекрасной и слабой женщины пленили его. С ним, должно быть, произошло то, что нередко бывает со стариками, когда бог любви испытывает на них свою власть. Конечно, Аурангзеб не впал в отчаяние, как влюбленный безумец, он только загрустил. Он не был Марком Антонием или Агниварной⁷⁹, но человек всегда остается человеком.

Глава третья

Падишах в огненном кольце

На рассвете падишах выступил в поход. Впереди двигалась команда, расчищавшая путь, вооруженная лопатами, топорами и ножами. Воины рубили и оттаскивали в сторону деревья, засыпали ямы, разравнивали землю и прокладывали широкую дорогу для падишахского войска. По этой широкой дороге с лязгом и грохотом двигались пушки, установленные на повозках, и артиллеристы. Грохот бесчисленных повозок был оглушителен, пыль, которую поднимали тысячи колес, застилала глаза. Сердце замирало от страха при виде этих орудий смерти. За артиллерией следовала императорская сокровищница. Падишах никогда не расставался со своей казной. У Аурангзеба не было человека, которому он мог бы доверить свои сокровища. Первой его заповедью было: «Никому не доверяй». Следует напомнить читателю, что, отправившись в этот поход, Аурангзеб так и не вернулся в Дели. Проскитавшись четверть столетия из одного военного

---

⁷⁹ Марк Антоний — римский полководец и политический деятель (183–133 гг. до н. э.), покончивший с собой из-за любви к египетской царице Клеопатре. Агниварна — последний правитель из рода Рагху в древней Айодхье. Предание рассказывает, что Агниварна забросил государственные дела и все время проводил в гареме.

лагеря в другой, он в конце концов скончался в Декане.

После неисчислимых соковищ, которыми были нагружены слоны, двигалась падишахская канцелярия. Нескончаемыми рядами шагали слоны и верблюды, навьюченные горами книг и бумаг. Затем на верблюдах везли воду Ганги. Нет воды вкуснее гангской, поэтому вслед за падишахом возили чуть ли не половину Ганги. За водой везли продовольствие — муку, масло, рис, пряности, сахар, всевозможных птиц и животных, одним словом, всякую еду в сыром и приготовленном виде. Вместе со съестными припасами ехали тысячи поваров. Затем следовал гардероб — великолепные одежды, драгоценности и, наконец, несметное могольское войско.

Это шел авангард падишахской армии. Сам падишах находился в середине колонны. Впереди верблюды везли большие курильницы, в которых курился сандал, мускус и другие ароматические вещества, распространяя благоухание на две мили вокруг. Затем на великолепных конях, выстроившись в две шеренги, двигалась падишахская конница. Падишах восседал на коне, сверкавшем драгоценными камнями и золотом, подобном коню самого Индры. Над головой падишаха возвышался знаменитый белый балдахин. Затем снова рядами шли войска — «Делийский полк», — собственный полк падишаха, а за ним ехали прекрасные обитательницы падишахского гарема. Одни восседали на слонах, подобных Айравате⁸⁰, в золотых башенках, затянутых бархатом, украшенных инкрустацией и жемчужным балдахином. Лица они закрывали тонкой, как паутина, шелковой тканью, сквозь которую их красота сияла, как полная луна из-за прозрачных облаков. У каждой красавицы за спиной извивалась, как черная кобра, коса, усыпанная драгоценностями. В черных глазах под тонкими дугами бровей играло пламя, глаза подведены сурьмой. Все войско приходило в расстройство, когда в этих глазах вспыхивали молнии. На нежных устах, алых от бетеля, играла легкая улыбка. Слонов было множество, они шагали длинной вереницей, один за другим. И на каждом из них такая же башенка, в каждой башенке красавица с черной косой, глаза которой мечут молнии, озаряющие темную землю. Некоторые красавицы ехали в паланкинах, обтянутых снаружи парчой, а внутри расшитым бархатом. Сверху свисала жемчужная бахрома. Столбики паланкина были из серебра, а передняя часть, по форме напоминавшая пасть хищной рыбы, — из золота. Внутри сидела усыпанная драгоценностями красавица. Джодпури и Нирмал, Удипури и Зеб-ун-ниса ехали на слонах. Удипури улыбалась. Джодпури была в дурном настроении. Лицо Нирмал было непроницаемо. Зеб-ун-ниса напоминала вырванную с корнем лиану, высохшую под нестерпимым солнцем лета, поникшую и мертвую. «Неужели среди этих бесчисленных мечей и копий не найдется ни одного, которое могло бы пронзить мое сердце?» — думала она.

Вслед за армией красавиц верхом на лошадях ехали родственницы и служанки. У них тоже были косы и алые, как кровь, губы, глаза их сверкали. Кони их пританцовывали под звон украшений. От этого «войска» тоже нелегко было отвести взор. За ними снова двигалась артиллерия, но здесь пушки были сравнительно небольшого калибра. Должно быть, падишах решил, что после пронзающих сердце взглядов девушек в больших пушках больше нет необходимости.

Третью часть войска составляла пехота, за которой следовали слуги и служанки, носильщики, танцовщицы и прочий простой люд, свободные от поклажи лошади, подводы, которые везли груды палаток и узлов.

Это бесчисленное, бесконечное, невообразимое могольское войско с грохотом и шумом стремительно бросилось на княжество Радж Сингха, подобно тому как бурный поток, разлившийся после сезона дождей, словно морское чудовище, бросается на низкие берега, оглашая окрестность грозным ревом.

Но внезапно могольская армия встретила препятствие на своем пути. Аурангзеб повел войска тем же путем, что и Акбар, стремясь объединиться с войсками сына. Если сын Радж

---

⁸⁰ Айравата — слон, на котором, по преданию, ездил бог Индра.

Сингха Джай Сингх окажется между ними, они замкнут его в кольцо и уничтожат, а затем объединенными силами вторгнутся в Удайпур и сметут его с лица земли. Но еще не поднявшись на перевал, он с удивлением обнаружил, что на фланге, в горном ущелье, — засел Радж Сингх со своими войсками. Радж Сингх занимал горный проход Найан, но, узнав от быстрого гонца о поражении Акбара, он, проявив небывалый стратегический гений, словно ястреб, погнавшийся за своей жертвой, перелетел с войсками через перевал и появился на фланге Аурангзеба.

Моголы поняли, что с таким полководцем, как Радж Сингх, шутки плохи. Если бы они продолжали двигаться в избранном направлении, Радж Сингх остался бы у них на фланге. Вряд ли есть большая опасность, чем иметь противника на фланге. Нападение с фланга отразить невозможно — нападающий разрывает войска противника в клочья и неизбежно побеждает. Так было в боях при Саламанке и под Аустерлицем. Аурангзебу была известна эта аксиома стратегии. Знал он и то, что для ведения боя с противником, нападающим с фланга, необходимо развернуть свои войска к нему лицом. На горной дороге такому громадному войску развернуться будет негде, да и некогда. Пока войска будут разворачиваться, Радж Сингх спустится с гор, и, расколов армию пополам, сможет уничтожить ее по частям. Было бы безумием решаться на такой бой. Может случиться и так, что Радж Сингх не примет боя и беспрепятственно пропустит Аурангзеба по горной дороге. Это еще страшнее, потому что тогда Радж Сингх окажется у него в тылу. Он будет грабить обозы и уничтожать воинов арьергарда, но это еще не главная беда. Самое страшное то, что он перережет пути снабжения. Впереди войска принца Джай Сингха. Если падишах окажется между войсками Джай Сингха и Радж Сингха, как мышь, попавшая в мышеловку, то ему и его армии будет конец.

В результате повелитель Дели очутился в положении рыбы, запутавшейся в сетях, — выхода не было никакого. Он может повернуть назад, но тогда Радж Сингх окажется у него в тылу. Он пришел, чтобы затопить княжество Удайпур своими войсками, но теперь об этом нечего было и думать. Теперь весь мир будет смеяться, видя, как Радж Сингх с улюлюканьем гонит его прочь. Может ли быть большее унижение для безграничной гордости могольского падишаха? «Неужели лев бросится бежать в страхе перед мышью?» — подумал Аурангzeb и отбросил всякую мысль об отступлении.

Что же еще можно было сделать? Единственная надежда — отыскать какой-нибудь другой путь, ведущий в Удайпур. По приказу Аурангзеба всадники и пехотинцы бросились во все стороны искать другого пути. Аурангzeb расспрашивал об этом и Нирмал.

— Я — женщина и всю свою жизнь сидела в четырех стенах. Что я знаю о дорогах? — ответила она.

Однако вскоре пришла весть о том, что другой путь в Удайпур существует. Нашли могольского торговца, который может показать дорогу. Один мансабдар видел ее сам. Это узкое горное ущелье, но дорога по нему прямая и быстро выводит к цели. Раджпуты в тех местах не появлялись.

— Но они могут скрываться, — подумав, заметил Аурангzeb.

Бакт-хан, так звали мансабдара, который своими глазами видел ущелье, сказал:

— Я послал в горы могола, который указал мне путь. Он даст мне знать, если повстречает раджпутов

— Он один из наших воинов? — спросил Аурангzeb.

— Нет, — ответил Бакт-хан. — Он — купец. Он вез в Удайпур шали на продажу и случайно набрел на наш лагерь.

— Хорошо, — согласился Аурангzeb, — веди войска по ущелью.

По приказу падишаха армия сделала поворот, потому что вход в ущелье находился немного позади. Это уже было плохо, но что делать запутавшейся в сети рыбе? Порядок, в котором двигалась могольская армия, был нарушен. Авангард стал арьергардом, а замыкающая колонна оказалась впереди. Падишах приказал, чтобы обозы и весь мелкий

люди оставались на берегу Удайсагара и позднее заняли свое место в тылу проходящих войск. Так и было сделано. Сам Аурангзеб вместе с пехотой и легкой артиллерией вошел в ущелье. Впереди шел Бакт-хан.

Тогда Радж Сингх как лев прыгнул с гор на моголов и рассек могольскую армию пополам, как нож рассекает гирлянду цветов. Одна часть вместе с Аурангзобом очутилась в ущелье, а другая в долине, лицом к лицу с Радж Сингхом.

Хуже всего было то, что Радж Сингх нанес свой удар там, где находились обительницы падишахского гарема со своими слонами, лошадьми и паланкинами. При виде Гаруды, спускающегося с гор, обительницы императорского гарема засуетились как воробьи, на которых напал коршун. Ни о каком сражении не могло быть и речи. Никто из евнухов, охранявших гарем падишаха, не решился взяться за оружие, опасаясь, что могут пострадать женщины. Раджпуты без боя взяли стражу в плен. Все жены падишаха и их бесчисленные служанки достались Радж Сингху.

Маниклал находился при Радж Сингхе — он пользовался его неизменным расположением.

— Махараджадхирадж! — сказал он, подходя к нему. — Что нам теперь делать с этими кошками? Если вы прикажете, я отошлю их в Удайпур, чтобы их досыта напоили молоком и простоквашей.

— В Удайпуре не найдется столько простокваши и молока, — засмеялся Радж Сингх. — Я слышал, что делийские кошки прожорливы. Отошли к Чанчал-кумари только Удипури. Она меня особенно об этом просила. А остальные сокровища Аурангзеба верни ему обратно.

— Воинам полагается часть добычи, — взмолился Маниклал.

— Пусть каждый возьмет, что ему необходимо. Но индусы не должны прикасаться к мусульманкам.

— Но мусульманки умеют петь и танцевать, — возразил Маниклал.

— Разве раджпуты могли бы так храбро сражаться, если бы они увлекались пением и танцами? — возразил Радж Сингх. — Отпустите всех пленниц. А в Удайпур отправьте только Удипури.

Легко ли разыскать жемчужину в море? Я ведь не знаю Удипури в лицо. Если разрешите, я, как Хануман, доставлю принцессе целый Гандхамадан⁸¹. Она выберет, кого ей нужно. А тех, кто ей не нужен, отпустит на свободу. Они заработают себе на пропитание, продавая сурьму и нард⁸² на удайпурском базаре.

В это время Нирмал, которая сидела на спине громадного слона, заметила Радж Сингха и Маниклала. Подняв ко лбу ладони, она сделала пронам.

— Кто эта жена падишаха? — спросил Маниклала Радж Сингх. — Судя по ее приветствию, она должна быть индуской.

Узнав Нирмал, Маниклал громко рассмеялся.

— Махарадж, — сказал он. — Это служанка. Как могла она стать женой падишаха? Надо привести ее сюда.

С этими словами Маниклал приказал, чтобы Нирмал сняли со слона и привели к нему. Подойдя к нему, Нирмал принялась смеяться.

— Что произошло с тобой? — спросил ее Маниклал. — Когда ты успела стать женой падишаха?

— Я ее величество Имли-бегум, — кокетливо поведя глазами, ответила Нирмал. — Поклонись.

— Ну что ж, и поклонюсь, — сказал Маниклал. — Я-то ведь знаю, что ты не бегум.

---

⁸¹ Гандхамада — древнеиндийский эпос «Рамаяна» рассказывает, что на горе Гандхамадан росло некое целебное растение, которое понадобилось, когда демон Равана ранил брата Рамы — Лакшмана. Друг Рамы, царь обезьян Хануман, отправился по совету лекаря на гору Гандхамадан за лекарством, но, не найдя его, снял вершину горы и принес ее в Айодхью.

⁸² Нард — ароматическое вещество.

Никто из твоей родни не был княжеского рода. Но почему на тебе этот наряд?

— Сначала исполни мой приказ: прекрати пустую болтовню.

— Ситарам!⁸³ — воскликнул Маниклал. — Вы только поглядите, сколько у нее спеси!

— Почему Удипури-бегум без моего разрешения сидит на слоне в башенке с пятью минаретами? — воскликнула Нирмал. — Пусть она предстанет предо мной.

Не успела она договорить, как Маниклал приказал снять со слона Удипури. Прячась под покрывалом, Удипури с плачем сошла на землю. Маниклал освободил одни носилки и послал их к слону, на котором ехала Удипури. Затем он сказал на ухо Нирмал:

— Госпожа Хамли-бегум! Еще одно...

— Замолчи, невежа! Ко мне следует обращаться «ваше величество Имли-бегум».

— Хорошо, будь бегум, если хочешь. Ты знаешь Зеб-ун-нису?

— Как не знать. А ты ее не знаешь? Она для меня как родная. Взгляни на слона, на спине которого сверкают три золотых кувшина. На нем и сидит Зеб-ун-ниса.

Маниклал приказал снять со слона и посадить в носилки и Зеб-ун-нису.

В это время одна из жен падишаха отвела рукой занавеску из золотых нитей и, выглянув из башенки, окликнула Нирмал.

— Тебя кто-то зовет? — сказал Маниклал.

— Да, — ответила Нирмал. — Это джодпурская принцесса. Но ее вы не должны увозить. Пусть меня отнесут к ее слону. Я узнаю, чего она хочет, и вернусь.

Маниклал исполнил ее просьбу. Поднявшись на слона, на котором сидела Джодпури, Нирмал забралась к ней в башенку, подобную трону Индры.

— Возьмите меня с собой, — взмолилась Джодпури.

— Зачем? — спросила Нирмал.

— Я не раз объясняла тебе, зачем. Я больше не могу оставаться среди погрязших в грехах иноверцев.

— Это невозможно, ты не можешь уехать. Если на этот раз могольская империя не рухнет, твой сын станет делийским падишахом. Мы попытаемся это сделать. В его царствование мы будем благоденствовать.

— Не произноси этого вслух, мое дитя! Если падишаху станут известны твои слова, мой сын не проживет и дня. Его отравят.

— Я имела в виду будущее. В свое время сын падишаха обретет свои законные права. Если вы отправитесь с нами, ваш сын может от этого пострадать.

— Ты права, — после некоторого раздумья согласилась Джодпури. — Я последую твоему совету и останусь здесь. Поезжай одна.

Нирмал совершила пронам и удалилась.

Удипури и Зеб-ун-нису под конвоем отправили в Удайпур, к Чанчал-кумари. Вместе с ними поехала и Нирмал.

Глава четвертая

Огненное кольцо сжимается

Остальных обитательниц падишахского гарема вместе со всеми слонами, паланкинами и лошадьми, на которых те восседали, Радж Сингх беспрепятственно пропустил в ущелье, куда он заманил Аурангзеба. После того, как они вошли в ущелье, оба войска застыли на месте. Часть армии Аурангзеба, находившаяся позади, не могла двигаться вперед, потому что Радж Сингх преградил дорогу. Неисчислимые конные полчища моголов стали готовиться к бою. Воины повернули коней навстречу раджпутам. Немного отступив, Радж Сингх освободил им путь, не приняв боя. С возгласами «Дин! Дин!» они, следуя приказу падишаха, ворвались в узкое ущелье. Радж Сингх тотчас же снова продвинулся вперед.

---

⁸³ Ситарам — Сита и Рам, герои древнеиндийского эпоса «Рамаяны». Здесь — восклицание.

Затем к ущелью приблизилась та часть колонны которая везла гардероб падишаха. Его почти некому было защищать, и он достался раджпутам. Следом за гардеробом ехали обозы с продовольствием. То, что годилось в пищу для индусов, пополнило запасы Радж Сингха, а остальное раздали неприкасаемым и разбросали по горам на съедение шакалам, собакам и прочим зверям. Раджпуты сбросили со слонов канцелярию падишаха, часть бумаг сожгли, а остальное пустили по ветру. Сокровищница падишаха таила богатства, равных которым не было в мире. Раджпутские военачальники знали об этом, и их обуяла жадность. Но за казной падишаха двигалась тяжелая артиллерия. Поэтому Радж Сингх остановил их.

— Успокойтесь, — сказал он. — Это все ваше. Но пока не трогайте их. Еще не время вступать в сражение.

Радж Сингх продолжал бездействовать, и тяжелая артиллерия вместе со всеми остальными войсками вошла в ущелье.

— Я очень доволен твоим моголом, — сказал Радж Сингх Маниклалу, когда они беседовали с глазу на глаз. — Я не ожидал, что у нас все так хорошо получится. Я рассчитывал разгромить моголов в бою, а теперь смогу уничтожить их без кровопролития. Пришли ко мне Мубарака. Я хочу его отблагодарить.

Читатели, возможно, не забыли, что воскрешенный Маниклалом Мубарак вместе с ним отправился в Удайпур. Радж Сингх был наслышан о его храбрости и назначил его на достойную должность в своих войсках, но, конечно, не мог ему всецело доверять из-за того, что он был могол. Мубарака это очень огорчало, и он решил завоевать доверие, исполнив какое-какое-нибудь важное поручение Радж Сингха. Читатели знают, насколько хорошо это ему удалось. Они, должно быть, уже догадались, что роль могольского купца сыграл переодетый Мубарак.

По приказу Радж Сингха Маниклал привел Мубарака. Радж Сингх осыпал его похвалами.

— Если бы не твоя смелость и храбрость, нам не удалось бы заманить в ущелье могольское войско, и пришлось бы пролить немало крови. Но если бы тебя узнали, тебе бы несдобровать.

— Махарадж! — ответил ему Мубарак. — Никто не узнал бы человека, который для всех умер, которого закопали у всех на глазах. Да если кто и узнал бы, то решил, что ему померещилось. Вот почему я без страха отправился туда.

— Если теперь я не добьюсь победы, это будет уже только моя вина, — сказал Радж Сингх. — Я дам тебе любую награду, которой ты пожелаешь.

— Махарадж! — воскликнул Мубарак. — Простите мне мою дерзость. Я, могол, нашел средство уничтожить могольскую империю. Я, мусульманин, помог усилению индусского княжества. Я, правдивый человек, пошел на ложь и обман. Я нарушил присягу, которую дал падишаху, и совершил измену. Я испытываю муки, которые страшнее мук смерти. Мне не нужно никаких наград. Молю вас только об одной милости. Прикажите привязать меня перед жерлом пушки и расстрелять. Мне больше не хочется жить.

— Если тебя так мучает твой поступок, зачем ты его совершил? — спросил удивленный Радж Сингх. — Почему ты не сказал мне об этом? Я мог бы послать другого человека. Я не хотел никого тиранить.

Кивнув в сторону Маниклала, Мубарак сказал:

— Этот благородный человек подарил мне жизнь. Он очень просил меня это сделать. Кроме меня, это никому бы не удалось, потому что моголы могли поверить только моголу, а не индусу. Если бы я отказался, то совершил бы тяжкий грех неблагодарности. Поэтому я и исполнил ваше поручение. А теперь я решил покончить счеты с жизнью. Прикажите расстрелять меня из пушки. Или же свяжите меня и отошлите к падишаху, или разрешите мне попытаться пробраться к могольским войскам и встретить смерть, сражаясь против вас.

Радж Сингх с радостью согласился.

— Завтра я разрешу тебе пробраться к моголам, — сказал он. — Подожди только день.

А за что тебя казнил Аурангзеб?

— Об этом не следует говорить махараджу, — ответил Мубарак.

— А Маниклалу?

— Маниклалу я рассказал.

— Ну хорошо, подожди еще один день.

С этими словами Радж Сингх отпустил Мубарака.

— Если вам так хочется умереть, зачем вы просили меня задержать дочь падишаха? — спросил Мубарака Маниклал, когда они остались одни.

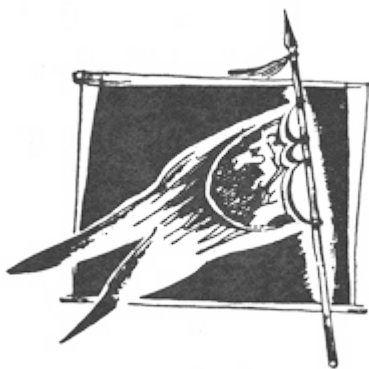
— Это была ошибка! — ответил Мубарак. — Увы, это была ошибка. Я, правда, думал, что отомщу дьяволице, которая в ответ на мою любовь бросила меня к черным кобрам. Но нередко человек становится равнодушным к тому, чего он желал только вчера. Я решил умереть. Не все ли мне равно теперь, отомщу я дочери падишаха или нет. Мне теперь все безразлично перед лицом смерти.

— Если вы не хотите, — сказал Маниклал, — я могу вернуть ее падишаху за хороший выкуп.

— Мне хочется еще раз взглянуть на нее. Мне хочется спросить ее, верит ли она в то, что на земле существует справедливость! Мне хочется услышать, что она скажет, когда меня увидит. Мне хочется узнать», что она сделает.

— Значит, вы все еще к ней неравнодушны?

— Нисколько. Я только взгляну на нее. Это моя единственная просьба.

Часть восьмая

Кто сгорел в огне

Глава первая

Пламя начинает жечь падишаха

Итак, падишах попал в весьма затруднительное положение. Вскоре после того как все его войска вошли в ущелье, наступил вечер. Авангард еще не дошел до другого конца ущелья. Никому не было известно, где оно кончается.

Вечером узкое ущелье окутала густая тьма. У моголов не было с собой достаточно факелов, чтобы осветить путь для всего войска. Свет был только у падишаха и его жен, все остальное было погружено во мрак. Неровная горная тропа была усеяна грудами камней. Лошади спотыкались. Кони падали на землю вместе с всадниками. Несколько воинов было задавлено насмерть, другие получили увечья. Крупные осколки камней впивались в ноги слонам, слоны вышли из повиновения и стали метаться по ущелью. Свалившиеся с коней всадники, очутившись под ногами лошадей и слонов, подняли отчаянный крик. Израненные ноги носильщиков паланкинов кровоточили. Пехота была не в силах двигаться вперед, солдаты изнемогали от ходьбы по скользким скалам и грудам камней. Наконец Аурангзеб разрешил войскам остановиться и разбить лагерь.

Однако в ущелье не было достаточно места для лагеря. С большим трудом удалось найти площадку для шатров падишаха и его жен. Остальные остались на ночлег там, где стояли. Всадники — в седлах, ехавшие на слонах — в башенках, пехотинцам пришлось провести ночь стоя. Лишь некоторые с трудом пристроились сидеть у подножья скал. Склоны ущелья были неприступны. Большинство солдат не смогло даже присесть.

Но самым большим несчастьем была нехватка продовольствия. Все съестные припасы достались раджпутам. В ущелье не было травы для коней, не говоря уже о пище для людей. После дневных трудов никто ничего не ел, в том числе сам падишах и его жены. Положение могольских войск было тяжелым.

Тем временем падишаху сообщили о похищении Удипури и Зеб-ун-нисы. Он вспыхнул от гнева. Он перебил бы всех своих воинов, если бы это было в его силах. Аурангзеб зарычал, как рычит лев, который видит, что его львицу посадили в клетку.

Глубокой ночью шум лагеря несколько утих, и часовые слышали, что где-то далеко в горах с грохотом рушатся деревья. Не поняв истинной причины этого шума, они решили, что это забавляются злые духи, и никому об этом не сказали.

Глава вторая

Пламя жжет падишаха все мучительней

Наутро Аурангзеб приказал войскам выступать. Громадное войско — чатурангини⁸⁴ с артиллерией в придачу — быстро двинулось к выходу из ущелья. Всех томили голод и жажда — в надежде найти при выходе из ущелья еду и воду воины поломали ряды и бросились вперед. Аурангзеб подогревал себя огнем собственного гнева, мечтая, как он освободит Удипури и Зеб-ун-нису и обратит Удайпур в пепел. Он потерял самообладание. Могольские воины добежали до выхода из ущелья и увидели, что их ожидает гибель. Выход был заперт. Ночью раджпуты срубили вековые деревья по склонам гор и свалили их в ущелье. Образовавшийся лесной завал наглухо закрыл выход. Здесь не смог бы пролезть и шакал, не говоря уже о слонах, конях или пехоте.

По могольской армии пронесся стон — даже каменное сердце Аурангзеба дрогнуло, когда он услышал плач женщин.

Команда по расчистке пути обычно находилась впереди, но поскольку армии пришлось войти в ущелье в обратном порядке, она оказалась позади. Прежде всего Аурангзеб приказал вывести команду вперед. Но на это требовалось время. Если ждать прихода саперов, возможно, придется попоститься еще один день. Аурангзеб приказал, чтобы пехотинцы и все, кто может, взобрались на завал и принялись растаскивать деревья. В помощь им он выделил слонов. К завалу были посланы тысячи солдат и сотни слонов.

Но стоило им собраться у подножья завала, как с горных вершин на них посыпались крупные камни подобно граду, который бывает во время бури в месяце фальгун⁸⁵. Камни дробили пехотинцам руки, ноги, головы, бока, грудь; некоторые были раздавлены в лепешку. Камни пробивали слонам головы, ломали им бивни, перебивали хребты, ребра. Слоны с громким ревом бросились в бегство, топча солдат, напугав и расстроив всю армию Аурангзеба. Подняв глаза, все в страхе увидели, что в горах рядами, как муравьи, выстроились тысячи раджпутских воинов. Уцелевшие от каменного града погибли от раджпутских пуль. Воины Аурангзеба не смогли продержаться перед завалом и минуты.

Узнав о неудаче, Аурангзеб гневно набросился на своих военачальников и снова приказал расчистить завал. С криками «Дин! Дин!» моголы снова побежали к завалу, и снова град пуль и камней поверг их на землю, как ураганный ветер сгибает сахарный тростник. Моголы много раз шли на штурм, но им так и не удалось разобрать завал.

Тогда отчаявшийся Аурангзеб приказал войскам повернуть назад. Солдаты были измучены голодом и жаждой, сам Аурангзеб и его жены впервые в жизни испытывали подобные муки. Но другого выхода не было — на отвесные скалы не взберешься. Ничего не поделаешь — приходилось возвращаться.

После полудня Аурангзеб со своими войсками приблизился к тому месту, где они вошли в ущелье, и увидел, что сама смерть ждет его прихода. Вход в ущелье тоже был завален непреодолимой горой вековых деревьев. А в горах по-прежнему в стройном порядке стояли раджпутские войска.

Необходимо было найти какой-нибудь выход, иначе войска ожидала неизбежная гибель. Призвав к себе всех своих военачальников, Аурангзеб лестью, просьбами, словами ободрения и угрозами уговорил их пойти на все для того, чтобы расчистить путь. Военачальники со своими солдатами бросились на штурм завала. На этот раз им было легче, потому что теперь саперная команда находилась впереди. Презируя смерть, моголы принялись рубить и растаскивать деревья. Но это продолжалось недолго. Их затопил железный и каменный дождь, подобно тому как ливень в месяце бхадра⁸⁶ заливает рисовые поля.

Но несчастья на этом не кончились, по другую сторону завала, у подножия горы стоял лагерь Радж Сингха. Предусмотрев возвращение моголов, он поставил пушки перед

---

84 Чатурангини — войско пандавов, о котором рассказывается в «Махабхарате» и которое состояло из четырех частей, — слонов, колесниц, конницы и пехоты.

85 Фальгун — месяц бенгальского календаря, соответствует февралю — марту.

86 Бхадра — месяц бенгальского календаря, соответствует августу — сентябрю, приходится на сезон дождей.

выходом из ущелья.

Грянул залп. Пробив сваленные деревья, ядра Радж Сингха понеслись на моголов, повергая на землю слонов, коней, воинов, военачальников. Могольское войско бросилось назад, в ущелье, притаилось там, как змея, которая, в страхе перед огнем, сворачивается кольцом и прячется среди камней. Падишах снял с головы усыпанный алмазами белый тюрбан и, отбросив его в сторону, склонил колени и посыпал волосы пеплом. Делийский падишах вместе со своими войсками попался в ловушку раджпутов. Жизнь его была бы на некоторое время спасена, если бы у него был хотя бы мышинный запас продовольствия.

И тогда, вспомнив о спасительнице — маленькой раджпутской женщине, повелитель Индии выпустил на волю ее голубя.

Глава третья

Огонь начинает припекать Удипури

Доставив куда следовало Удипури и Зеб-ун-нису, Нирмал пришла к махарани Чанчал-кумари и совершила пронам. Выслушав ее подробный рассказ, Чанчал-кумари послала за Удипури. Когда та явилась, Чанчал-кумари усадила ее, а сама встала в знак почтения. Удипури вошла к ней с видом печальным и смиренным, но, увидев, что Чанчал-кумари к ней почтительна, решила, что жалкая индусская девчонка заискивает перед ней.

— Вы ищете смерти от рук моголов? — спросила она.

— Мы не ищем смерти от их рук, — усмехнулась Чанчал-кумари. — Падишах пришел сюда в надежде подарить нам смерть. Он забыл, что мы, индусы, не принимаем даров от иноверцев.

— Феодалы Удайпура из поколения в поколение принимали дар смерти от мусульман, — презрительно заметила Удипури. — Не только от султана Алауддина, предки Радж Сингха принимали этот дар от могольского падишаха Акбара и от его внука.

— Госпожа, — воскликнула Чанчал-кумари. — Вы забываете, что мы принимали смерть не как дар, а в долг. Этот долг Акбару заплатил Пратап Сингх. А мы собираемся расплатиться с вашим мужем. Я позвала вас, чтобы уплатить первую долю. Мой кальян погас. Будьте добры, набейте мне трубку.

— Если бы жена падишаха по достоинству оценила ту любезность, которую проявила по отношению к ней Чанчал-кумари, то ей, возможно, не пришлось бы испытать подобное унижение. Но своими дерзкими словами она уязвила гордость вспыльчивой Чанчал-кумари, и ей пришлось пожинать плоды собственного поведения. Когда она услышала приказание набить трубку, ей вспомнилось письмо Чанчал-кумари, она похолодела, но ответила с привычным высокомерием:

— Жены падишаха не набивают трубок!

— Ты не набивала трубок, когда была женой падишаха, — возразила Чанчал-кумари, — но теперь ты моя служанка, и ты набьешь мне трубку. Это мой приказ.

Удипури разрыдалась — не от горя, а от злости.

— Ты настолько дерзка, что смеешь приказывать жене падишаха Аламгира набивать трубку?! — воскликнула она.

— Я надеюсь, что завтра самому падишаху Аламгиру придется набивать трубку для махараны, — отвечала Чанчал-кумари. — Ты научишь его, если он не знает, как это делается. Поэтому овладей сначала сама этим искусством.

— Заставьте ее набить трубку, — приказала служанке Чанчал-кумари.

Удипури не двинулась с места.

— Подними трубку, — сказала ей служанка. Удипури продолжала сидеть. Служанка взяла ее за руку, чтобы заставить ее подняться. Дрожа от страха и досады, любимая жена шахиншаха поднялась, чтобы взять кальян. Но она не успела сделать и одного шага, как по всему ее телу пробежала дрожь, и она без чувств опустилась на каменный пол. Служанка

еле успела ее поддержать.

По приказу Чанчал-кумари служанки отнесли Удипури в роскошный паланкин, в котором для нее было приготовлено великолепное ложе. Они стали хлопотать над ней. Вскоре к Удипури вернулось сознание. Чанчал-кумари приказала всем относиться к ней с должным почтением. Нирмал должна была позаботиться о том, чтобы за ней ухаживали не хуже, чем за самой Чанчал-кумари.

— Все будет исполнено, — сказала Нирмал. — Но этого ей будет недостаточно.

— Что же ей еще нужно?

— То, чего в столице не достанешь.

— Ах, вино? Если она попросит, дайте ей.

Удипури осталась довольна уходом. Но когда наступил определенный час, Удипури позвала Нирмал и взмолилась:

— Имли-бегум, прикажи принести вина.

— Сейчас, — сказала Нирмал и тайно сообщила о ее просьбе придворному медику. Тот послал лекарство, посоветовав влить его в шербет и дать под видом вина. Нирмал так и велела сделать. Удипури выпила этот напиток, и он ей очень понравился.

— Какое чудесное вино, — сказала она.

Вскоре Удипури опьянела и погрузилась в глубокий сон.

Глава четвертая

Пламя начинает жечь Зеб-ун-нису

Зеб-ун-ниса пребывала в одиночестве. Ей прислуживали несколько служанок. Нирмал не раз приходила узнать, как она себя чувствует. Весть о несчастье, постигшем Удипури, дошла до Зеб-ун-нисы, и она задумалась о собственной судьбе.

Когда по зову Чанчал-кумари она появилась перед ней, ее лицо не выражало ни смирения, ни гордости. Но в душе она твердо решила, что ничем не унижит своего имени дочери падишаха Аламгира.

Чанчал-кумари встретила ее очень приветливо и, усадив на почетное место, завязала с ней непринужденную беседу. Зеб-ун-ниса так же вежливо ей отвечала. Никто из них ничем не проявил ненависти, которая их разделяла. После беседы Чанчал-кумари приказала окружить Зеб-ун-нису вниманием, соответствующим ее сану, и дала ей благовония и бетель.

— Махарани! — обратилась Зеб-ун-ниса, не подымаясь со своего места. — Могу ли я узнать, с какой Целью меня сюда привезли?

— Вам не говорили об этом? Вас привезли сюда по совету одного звездочета. Сегодня вы будете спать одна. Никто не причинит вам вреда — стражницы будут охранять вас. Звездочет предсказал, что сегодня ночью вам приснится необычайный сон. Прошу вас расскажите мне о нем, если предсказание сбудется.

Зеб-ун-ниса удалилась в глубоком раздумье. Благодаря заботам Нирмал пища, которую она вкушала, и ложе, на котором она почивала, были ничуть не хуже, чем в делийском гареме. Зеб-ун-ниса легла спать, но не могла заснуть. Исполняя приказание Чанчал-кумари, она осталась одна в своей спальне и не стала запирать двери. Зеб-ун-ниса боялась, что если она ослушается, Чанчал-кумари поступит с ней так же, как с Удипури. Но мысль, что ей придется в полном одиночестве провести всю ночь в незапертой спальне, тревожила ее. «Может быть, все это подстроено для того, чтобы тайно причинить мне какой-нибудь вред», — подумала она и решила, что будет бодрствовать всю ночь.

Однако она так измучилась за день, что, несмотря на это решение, сон мало-помалу стал одолевать ее. Человек, решивший не смыкать глаз, время от времени просыпается даже среди глубокого сна. Даже во власти сна он не забывает, что ему не следовало засыпать. Зеб-ун-ниса временами забывалась сном, но тут же вздрагивала и просыпалась.

Просыпаясь, она вспоминала о своем положении. Дочь делийского падишаха — удайпурская пленница! Главная героиня на сцене могольской империи, полная луна на небе падишахской власти, самое прекрасное украшение Павлиньего трона, правая рука того, кто властвует повсюду от Кабула до Виджайпура и Голконды, сегодня в плену у дочери мелкого феодала; она попалась как мышь в мышеловку в горных ущельях Удайпура. Теперь она — грязная свинья в доме индусов, червь, оскверняющий своим прикосновением ноги индусских служанок! Не лучше ли смерть, чем такое положение? Конечно, лучше! Смерть, которой она наградила Мубарака, любимого, того, кто был для нее дороже жизни. То, что она дала Мубараку, — бесценно, достойна ли она такой смерти? Бедный Мубарак! Неужели его несравненная доблесть не устояла перед обыкновенным змеиным ядом? Неужели его прекрасное лицо посинело от укуса змеи? Неужели в Удайпуре нельзя отыскать змеи, которая покончила бы и с ней? Неужели женщина-змея не умрет от укуса настоящей змеи? Бедный Мубарак. О, если бы он появился сейчас перед ней со змеей, пусть бы ее ужалила эта змея!

С этими мыслями Зеб-ун-ниса открыла глаза, надеясь увидеть образ любимого. Перед ней стоял Мубарак во плоти и крови! Зеб-ун-ниса вскрикнула, снова закрыла глаза и потеряла сознание.

Глава пятая

Масло в огонь. Пламя разгорелось.

На следующий день, когда Зеб-ун-ниса встала с постели, ее нельзя было узнать. Она и так была худой и бледной, прозрачной, как облако; с первого взгляда можно было понять, что с ней что-то произошло.

Зеб-ун-ниса выглядела как женщина, поднявшаяся на погребальный костер, не сгоревшая, но опаленная его жаром. Она таяла на глазах.

С большой неохотой одевшись, она немного поела, только из чувства приличия, и отправилась к Удипури. Та сидела одна, перед ней стоял образ святой Марии и распятие. Удипури давно не вспоминала о Христе и богородице. Она постоянно носила с собой эти символы христианства, но вспомнила о них только теперь, в дни несчастья. Эти символы появились, как появляется старый зонтик бедняка в дождливые дни. Из глаз Удипури непрерывным потоком струились слезы. Капля за каплей омывали ее щеки, которые были белее, чем молоко. Зеб-ун-ниса никогда еще не видела Удипури такой красивой. Обычно ее несравненную красоту искажало выражение гордости, чувственности, ревности. Сейчас слезы смыли с ее лица все, что его портило, и ее красота раскрылась во всей полноте.

Удипури рассказала Зеб-ун-нисе о своих злоключениях.

— Я была рабыней, — воскликнула она, — меня продали как рабыню! Почему я не осталась ею! Зачем мне на долю выпало богатство!..

Взглянув на Зеб-ун-нису, она спросила:

— Что с тобой? Что-нибудь случилось? Над тобой надругался неверный?

Зеб-ун-ниса испустила тяжелый вздох:

— Что может сделать неверный? То, что со мной случилось, совершил аллах.

— Все, что происходит, — сказала Удипури, — совершается по его воле. Но скажи мне все-таки, что с тобой?

— Сейчас я не могу говорить об этом. Скажу только на смертном ложе.

— О, пусть бог покарает раджпатов за их злодеяния!

— Раджпуты здесь ни при чем.

После этих слов Зеб-ун-ниса умолкла. Удипури тоже больше ничего не сказала. Наконец Зеб-ун-ниса поднялась, собираясь идти к Чанчал-кумари.

— Зачем ты идешь? Она звала тебя? — спросила Удипури.

— Нет.

— Тогда не ходи к ней, как просительница. Ты ведь дочь падишаха.

— Мне самой очень нужно с ней повидаться.

— Если увидишь ее, спроси, за сколько золотых эти разбойники согласятся отпустить нас на свободу?

— Спрошу.

Зеб-ун-ниса вышла. Она попросила у Чанчал-кумари разрешения повидаться с ней. Чанчал-кумари приняла ее так же, как и накануне, справилась о ее здоровье.

— Ну, как, — спросила она под конец, — вам хорошо спалось?

— Нет, — ответила Зеб-ун-ниса. — Я исполнила ваш приказ, но не смогла заснуть от страха.

— И вы ничего не видели во сне?

— Во сне ничего не видела. Но видела нечто наяву.

— Плохое или хорошее?

— Трудно сказать. Во всяком случае, не хорошее. Но в связи с этим у меня есть к вам просьба.

— Говорите.

— Могу ли я снова увидеть то, что я видела.

— Я смогу ответить на этот вопрос, только поговорив с астрологом. Дней через пять-шесть я пошлю к нему человека.

— А сегодня к нему нельзя послать?

— К чему такая поспешность, дочь падишаха?

— Я согласна стать вашей рабыней, если вы сейчас сможете показать мне то, что я так стремлюсь увидеть.

— Странно. Что же это такое было? Зеб-ун-ниса не ответила. В глазах ее блеснули слезы. Но слезы не тронули Чанчал-кумари.

— Подождите несколько дней, — сказала она. — Я подумаю.

Тогда Зеб-ун-ниса забыла о пропасти, разделяющей индусов и мусульман. Нарушив запрет, она коснулась ложа, на котором сидела Чанчал-кумари, и, рухнув к ее ногам, как сорванная лиана, прижалась к ним лицом и оросила своими слезами, как роса лепестки лотоса.

— Спасите меня! — взмолилась она. — Я погибаю.

Чанчал-кумари приподняла ее с пола и усадила рядом с собой. Она тоже забыла о том, что они принадлежат к разной вере.

— О дочь падишаха! — сказала она. — Ложитесь спать так же, как и вчера с открытой дверью. Ваше страстное желание непременно исполнится.

Удипури с нетерпением ожидала возвращения Зеб-ун-нисы. Однако Зеб-ун-ниса так и не зашла к ней. Отчаявшись, Удипури сама отправилась к Чанчал-кумари.

Когда они встретились, она спросила Чанчал-кумари, за сколько золотых та согласится их отпустить.

— Если падишах разрушит в Индии все мечети, — отвечала Чанчал-кумари, — в том числе и Джумма Масджид в Дели, привезет сюда Павлиний трон и согласится выплачивать нам ежегодную дань, то тогда я смогу вас отпустить.

Удипури вспыхнула от гнева.

— Удивительная дерзость у невежественной девчонки, — сказала она.

С этими словами Удипури встала и хотела выйти.

— Куда ты уходишь без разрешения? — усмехнувшись, остановила ее Чанчал-кумари. — Ты забыла, что ты служанка невежественной девчонки.

Затем она приказала одной из своих служанок представить Удипури женам махараны как новую служанку, которая была куплена у работоторговца братом Аурангзеба Дарой.

Обливаясь слезами, Удипури вышла вместе со служанкой, которая повела показать женам Радж Сингха любимую жену Аурангзеба.

— Махарани! — сказала Нирмал Чанчал-кумари. — Ты забыла про самое главное? Для чего ты привезла сюда Удипури? Ты помнишь предсказание звездочета?

— Я не забыла, — улыбнулась Чанчал-кумари. — Просто в тот день мне не хотелось мучить бегум — она была такой жалкой. Но Удипури сама делает все для того, чтобы заставить меня забыть про жалость.

Глава шестая

Дочь падишаха обратилась в пепел

Полночь, безмолвие, все погружено в сон. Дочь падишаха то лежала неподвижно, обливаясь слезами, то гневно металась, как тигрица, окруженная кольцом огня, то испуганно вздрагивала, как лань, пронзенная стрелой. Ночь была ненастная, то и дело налетали порывы сильного ветра, небо было затянуто тучами, горные вершины, видневшиеся через окно, окутаны тьмой. Только там, где находился лагерь раджпутов, сверкали многочисленные огоньки, напоминая то гроздь цветов в весенней роще, то брызги морской пены, то драгоценности на груди красавицы. Все остальное было погружено в глубокий мрак. Среди безмолвия, нарушаемого лишь свистом ветра, изредка раздавался зловеющий стук, когда ружье падало из рук у задремавшего часового. Иногда гремел гром или стреляла пушка, и гулкое эхо катилось от вершины к вершине. В конюшнях дворца начинали тревожно ржать кони, в садах жалобно кричали испуганные олени.

«Это пушечный выстрел, — думала Зеб-ун-ниса, печально прислушиваясь к звукам ужасной ночи, — должно быть, это пушка моголов, другие пушки так не звучат. Наверно, выстрелила пушка моего отца — у него сотни таких пушек, — неужели среди них не найдется одной для моего сердца? Если бы я могла выжечь все горести огнем пушки, приложив грудь к ее жерлу! Вчера, восседая на слоне, я видела сотни тысяч воинов, слышала лязг бесчисленного оружия — почему я не попыталась с его помощью избавиться от своих мук? Я могла бы броситься слону под ноги, чтобы он раздавил меня. Почему я этого не сделала? Я так хочу умереть, почему я не могу решиться? И сейчас еще мое тело украшают многочисленные алмазы. Почему я не могу истолочь их в порошок и проглотить его, чтобы умереть? У меня в душе нет силы расстаться с жизнью.

В это время в открытую дверь ворвался сильный порыв ветра и задул все светильники. В наступившей темноте душу Зеб-ун-нисы охватил страх. «Почему я испугалась? — подумала она тут же. — Ведь я только что желала смерти! Чего бояться тому, кто мечтает умереть? Вчера я видела мертвеца и все же осталась в живых. Я знаю, что обязательно попаду в загробный мир. Но рая мне не видать. Я понимаю, что мне суждено попасть в ад, поэтому я так боюсь! До сих пор я ни во что не верила, не признавала ни ада, ни рая, не знала ни бога, ни веры. Знала одно только наслаждение. Аллах милосердный! Зачем ты наделил меня богатством? Оно отравило ядом мою жизнь. Поэтому я не признавала тебя. Я не знала, что в богатстве нет счастья, но ведь тебе-то это было известно! Зачем ты, зная все это, уготовил мне такое горе? Кому еще на долю выпало такое богатство, как мне? И кто так несчастен, как я?»

По ложу ползали муравьи или какие-то другие насекомые — ведь насекомым путь не заказан и на ложе, украшенное драгоценными камнями. Одно из них укусило Зеб-ун-нису. До сих пор даже бог любви мягко спускал тетиву, пронзая своими стрелами это нежное тело. От легкого укуса насекомого сразу выступила кровь. Зеб-ун-ниса застонала от боли. «Я плачу от укуса муравья, — мысленно усмехнувшись, подумала она. — Даже в минуту бескрайнего горя! Сама не могу вынести укуса муравья, а своего возлюбленного без колебания послала на мучительную смерть от укуса змеи! Мне нужен Мубарак или смерть от змеиного яда!»

Когда сердце человека сжимает отчаяние, когда человек долго сидит в одиночестве,

погруженный в свои мучительные мысли, он часто, сам того не замечая, начинает говорить вслух. Так было и с Зеб-ун-нисой. Она словно закричала кому-то в эту ночь из окутанной мраком комнаты, заглушая своим голосом вой ветра:

— Мубарак или смерть от змеиного яда! Кто-то отозвался из тьмы:

— Так ты не умрешь, если обретишь Мубарака?

— Что это?! — Зеб-ун-ниса вскочила с постели как испуганная лань. — Что это? — воскликнула она. — Мне это не послышалось? Чей это голос?

— Чей? — отозвался голос;

— Разве есть голос у того, кто отправился в загробный мир? — воскликнула Зеб-ун-ниса. — Разве он не одна только тень? Как ты можешь приходить из рая и уходить обратно, Мубарак? Вчера ты показался мне, сегодня я услышала твой голос. Ты умер или жив? Может быть, Асируддин мне солгал? Но жив ты или мертв, не можешь ли ты на мгновение присесть на мое ложе? Если ты только призрак, я тебя не боюсь. Присядь.

— Зачем? — спросил голос.

— Я тебе скажу что-то, — грустно ответила Зеб-ун-ниса. — Скажу то, чего никогда не говорила.

Читателю можно-не объяснять, что это был Мубарак во плоти и крови. Он присел на ложе возле Зеб-ун-нисы. Рука его прикоснулась к руке Зеб-ун-нисы. Все тело ее охватило блаженство и восторг, по щекам ее заструились слезы, подобные жемчужинам. Зеб-ун-ниса нежно сжала руку Мубарака.

— Ты не призрак, ты мой любимый. Что бы ты мне ни говорил, твои слова меня не обманут. Я твоя, и я не упущу тебя снова.

Внезапно Зеб-ун-ниса поднялась с ложа и упала к ногам Мубарака.

— Прости меня! — воскликнула она. — Гордость богатством свела меня с ума. Сегодня я поклялась с ним расстаться. Если ты простишь меня, я больше не вернусь в Дели. Скажи — ты жив?

— Я жив, — сказал Мубарак с тяжелым вздохом. — Один раджпут вытащил меня из могилы и вернул к жизни. Вместе с ним я приехал сюда.

Зеб-ун-ниса все еще обнимала его ноги, орошая их слезами. Мубарак взял ее за руки, чтобы поднять с пола, но Зеб-ун-ниса не поднялась.

— Пожалей меня, прости меня, — молила она.

— Я простил тебя, — сказал Мубарак. — Я не пришел бы к тебе, если бы не простил.

— Если ты пришел, если ты простил, тогда не отвергай меня. Если хочешь, брось меня к змеям, а не хочешь, я сделаю все, что ты скажешь. Не покидай меня. Клянусь тебе, что больше не вернусь в Дели и не пойду в гарем падишаха Аламгира. Я не хочу выйти замуж за шахского сына. Я пойду за тобой.

Мубарак обо всем забыл, забыл жгучую боль змеиного укуса, забыл о своем желании умереть, забыл Да-Дарию. Забыл лишённые даже тени искреннего чувства невыносимые речи прежней Зеб-ун-нисы. В глазах его осталась только ее неповторимая красота, в ушах его звучал ее жалобный голос, полный любви. Сердце его растаяло, когда он увидел, что высокомерие Зеб-ун-нисы обратилось в прах.

— Так ты согласна стать женой бедняка? — спросил он.

— Неужели меня ждет такое счастье? — со слезами на глазах воскликнула Зеб-ун-ниса.

Дочь падишаха больше не была принцессой, осталась только женщина.

— Тогда без страха и сомнения ступай со мной, — ответил Мубарак.

При нем было огниво и кремень. Мубарак высек огонь, зажег фонарь и вышел наружу. Зеб-ун-ниса послушно оделась. Когда она была готова, Мубарак взял ее за руку и повел за собой. Снаружи его ожидали стражники. По знаку Мубарака они последовали за ними. По пути Мубарак объяснил Зеб-ун-нисе, что мужчине, тем более мусульманину, путь на женскую половину княжеского дворца закрыт, поэтому ему пришлось проникнуть к ней

под покровом ночи. Это удалось ему только благодаря милости махарани, она послала ему в помощь своих стражниц. Им придется пройти пешком до ворот. Там их ожидает конь для Мубарак и паланкин для Зеб-ун-нисы.

В сопровождении стражниц они вышли за ворота. Мубарак сел на коня, а Зеб-ун-ниса заняла свое место в паланкине. В те времена в Удайпуре была небольшая колония мусульман, занимавшихся торговлей и ремеслами. С разрешения махараны они построили на окраине города маленькую мечеть. Мулла оказался в мечети, нашлись и свидетели. С их помощью Мубарак и Зеб-ун-ниса стали мужем и женой.

После обряда Мубарак сказал:

— Теперь я должен вернуть тебя туда, откуда взял, потому что ты все еще пленница махараны. Но я надеюсь, что скоро ты получишь свободу.

И Мубарак снова отвез Зеб-ун-нису в ее спальню.

Глава седьмая

Измученный жаждой падишах молит о воде

На следующее утро сияющая Зеб-ун-ниса сидела у Чанчал-кумари, готовая начать с ней беседу. Она была еще бледна от двух бессонных ночей — мучительные мысли иссушили ее тело. Это была уже не та Зеб-ун-ниса, которая с улыбкой любовалась в зеркале отражением своего лица, украшенного драгоценностями и цветами. Это была уже не дочь падишаха, которая считала, что она рождена только для наслаждения. Зеб-ун-ниса поняла, что дочь падишаха тоже женщина, что ее сердце — это сердце женщины. Женское сердце без любви, все равно что река без воды, все равно что высохший грязный пруд.

Зеб-ун-ниса рассталась со своим высокомерием и смиренно поведала Чанчал-кумари о всех происшествиях прошлой ночи. Чанчал-кумари обо всем было уже известно.

— Махарани! — взмолилась Зеб-ун-ниса, кончив свой рассказ. — Какая вам выгода держать меня пленницей? Я забыла, что я дочь падишаха Аламгира. Я не вернусь к нему, даже если вы сами меня отошлете. А если вернусь, то меня, должно быть, ожидает смерть. Отпустите меня, я поеду с мужем к нему на родину, в Туркестан.

— Я не могу исполнить вашу просьбу, — отвечала Чанчал-кумари. — Это сделает сам махарана. Он прислал вас ко мне, и я держу вас здесь по его приказу. Все, что с вами произошло, было сделано по просьбе Маниклала, полководца махараны. Я ему многим обязана и устроила все, как он просил. Но приказа отпустить вас я не получала и ничего обещать не могу.

— Но не можете ли вы сообщить махаране о моей просьбе? — грустно спросила Зеб-ун-ниса. — Ведь его лагерь находится не так далеко. Вчера ночью я видела в горах его огни.;

— В горах все кажется ближе, чем на самом деле, — ответила Чанчал-кумари. — Мы это знаем, потому что живем в горной стране. Вы бывали в Кашмире, и эта особенность горных мест, наверное, сохранилась у вас в памяти. Но можно будет послать гонца к махаране, хотя я и не надеюсь получить его согласие. Если бы маленькое войско Удайпура было в состоянии в открытом бою разгромить армию могольской империи, или если бы перемирие с падишахом сделалось совершенно невозможным, то он, конечно, мог бы разрешить вам уехать с мужем. Но поскольку со дня на день придется заключить мир, он должен будет отослать вас к падишаху.

— Это будет означать, что вы пошлете меня на верную смерть. Если падишах узнает о моем замужестве, он прикажет меня отравить. О моем муже нечего и говорить. Он никогда уже не сможет вернуться в Дели. Там его ждет неминуемая смерть.

— Возможно, что-нибудь удастся сделать, чтобы избежать несчастья, — сказала Чанчал-кумари.

Их беседа была прервана появлением Нирмал, которая была чем-то озабочена. Она

поклонилась Чанчал-кумари и обменялась приветствием с Зеб-ун-нисой.

— Что случилось, Нирмал? — спросила Чанчал-кумари.

— Есть важные новости.

Зеб-ун-ниса поднялась.

— Должно быть, вести с войны? — спросила Чанчал-кумари.

— Вы угадали, — ответила Нирмал.

— Я уже слышала, что крыса вошла в крысоловку, — сказала Чанчал-кумари. — Махарана запер выход. Теперь крысе остается только подохнуть.

— Есть еще одна новость. Крысу мучит голод. Сегодня вернулся мой голубь. Его выпустил падишах — к лапке голубя привязана записка.

— Ты прочитала ее?

— Прочитала.

— Кому она адресована?

— Имли-бегум.

— Что он пишет?

Достав записку, Нирмал прочитала из нее несколько строк: «Ни к одному человеку я не относился с такой нежностью, как к тебе. Ты тоже ко мне привязалась. Сейчас повелитель мира попал в беду — ты, возможно, уже слышала об этом. Я умираю с голода. Делийский падишах молит о куске хлеба. Можешь ли ты мне помочь? Если можешь, помоги. Я никогда этого не забуду».

— Как же ты поможешь ему? — спросила Чанчал-кумари.

— Этого я еще не знаю. Если мне ничего не удастся сделать, пошлю еды для него и Джодпури.

— Каким образом? Туда не пробраться человеку.

— Этого я пока тоже не знаю. Разреши мне отправиться в лагерь. Там я посмотрю, нельзя ли что-нибудь сделать.

Чанчал-кумари согласилась. Возбравшись на слона, Нирмал в сопровождении своих телохранителей отправилась на свидание с мужем. Сразу же по приезде она встретилась с Маникклом.

— Ты приехала воевать? — спросил ее муж.

— С кем воевать? Разве ты достойный меня противник?

— Куда мне, — усмехнулся Маникклал. — А падишах Аламгир?

— Я его Имли-бегум. Как я могу с ним воевать? Я приехала, чтобы спасти его. Слушай внимательно, что я тебе прикажу.

Мы не знаем, о чем говорили Нирмал и Маникклал. Знаем только, что разговор у них был долгий.

Маникклал отправил Нирмал обратно в Удайпур, а сам пошел в палатку махараны.

Глава восьмая

Совет погасить пожар

Получив аудиенцию у Радж Сингха, Маникклал совершил пронам и обратился к своему повелителю:

— Я был бы очень благодарен, если бы махарадж отправил своего слугу в какое-нибудь другое место.

— Отчего? Что случилось? — спросил Радж Сингх.

— Здесь нечего делать, — отвечал Маникклал. — Единственно, что нам остается, это глядеть на иссохшие лица голодных моголов и слушать их стоны. Время от времени я забираюсь на дерево и смотрю на них. Но это дело, на которое способен всякий. Я думаю, что если в этом ущелье погибнет столько людей, слонов, лошадей и верблюдов, то жизнь в Удайпуре станет невыносимой от смрада разлагающихся трупов и начнется страшный мор.

— Значит, по-твоему, — сказал махарана, — не следует морить голодом могольское войско?

— Мне кажется, не следует. На поле боя смерть сотен тысяч воинов не вызывает жалости. Но от голодной смерти даже одного человека становится как-то не по себе.

— Что же мы с ними будем делать?

Махарадж! Я не настолько умен, чтобы давать советы в таком вопросе. По моему скромному разумению, сейчас самое подходящее время для перемирия. Сытые моголы никогда не будут такими покладистыми, как сейчас, когда у них пустые желудки. Мне думается, было бы хорошо созвать советников и военачальников, чтобы решить этот вопрос.

Радж Сингх согласился с предложением Маниклала. Ему тоже не хотелось голодной смерти многих тысяч людей. Индусы считают высшей добродетелью раздавать пищу голодным. Поэтому они и врагу не желают голодной смерти.

Вечером в лагере состоялся совет, на котором присутствовали главные военачальники и советники. Главный министр Дайал Саха тоже принял в нем участие. Не обошлось и без Маниклала.

Изложив положение дел, Радж Сингх стал спрашивать, что думают об этом присутствующие.

— Пусть моголы умрут от голода и жажды и сгниют в ущелье, — предложили некоторые. — Если уж Аурангзеб попался, пусть он найдет здесь себе могилу.

— Мы позовем метельщиков⁸⁷ и закопаем моголов в землю. Они причинили раджпутам столько зла, что вряд ли кто-нибудь захочет выпустить их, когда они у нас в руках.

— Предположим, что мы уморили моголов голодом и засыпали их трупы землей, — возразил махарана. — Но, уничтожив Аурангзеба и его армию, мы не уничтожим могольскую империю. Если умрет Аурангзеб, его место займет шах Алам. Вместе с шахом Аламом по ту сторону гор стоит громадное, хорошо вооруженное войско, покорившее весь Декан. Кроме того, на флангах находятся еще две могольские армии. Сможем ли мы их всех уничтожить? Если нет, то нам все равно когда-нибудь придется заключить мир. Будет ли у нас для этого более благоприятный момент, чем теперешний? Сейчас Аурангзеб находится при последнем издыхании, и мы добьемся от него всего, чего захотим. Удастся ли нам это в другой раз?

— Конечно нет, — сказал Дайал Саха. — Однако земля вздохнет с облегчением, если мы вырвем из ее тела этот ядовитый шип, уничтожив великого грешника Аурангзеба. Махарадж не станет отрицать, что нет более благого дела.

— Нам известно, что все могольские падишахи — бедствие для мира. Разве Аурангзеб хуже Шах-Джахана? Разве он принес нам столько несчастий, сколько мы испытали от Хусру⁸⁸? Можно ли надеяться, что Шах Алам не будет хуже своего деда? А если вы думаете (впрочем, и я хочу разделять эту надежду), что мы можем разгромить четыре армии моголов, то подумайте, сколько человеческих жизней придется принести в жертву, прежде чем мы добьемся своей цели! Сколько раджпутов погибнет. Много ли их останется в живых? Мы немногочисленны, а мусульманам — нет числа. Если нас станет меньше, кто отразит следующее нападение моголов?

— Махарадж! — сказал Дайал Саха. — Если объединится вся Раджпутана, много ли времени нам понадобится для того, чтобы оттеснить моголов за Инд?

— Это верно, — ответил Радж Сингх. — Но до сих пор этого не удалось сделать. Я по сей день не прекращаю усилий, но чего я добился? Как я могу надеяться на объединение

---

⁸⁷ Согласно системе каст, существовавшей в Индии, самая черная работа, такая, как уборка улиц, закапывание трупов, возлагалась на представителей низших каст. Одной из таких каст были метельщики.

⁸⁸ Хуеру — внук могольского императора Акбара. После смерти Акбара он поднял восстание против своего отца, претендуя на престол. Раджпутский раджа Ман Сингх поддержал это выступление, но оно было подавлено.

Раджпутаны?

— Я не верю, что Аурангзеб выполнит условие перемирия, если мы его заключим, — сказал Дайал Саха. — Свет не видывал подобного лжеца и обманщика. Получив свободу, он разорвет договор на куски и будет продолжать то, что делал раньше.

— Если исходить из такого предположения, — возразил ему Радж Сингх, — то заключение договоров вообще не имеет смысла. Вы это имеете в виду?

— Было высказано немало различных мнений. В конце концов все признали справедливость доводов своего махараны, и было решено заключить договор о перемирии.

Кое-кто пытался возражать.

— Почему же сам Аурангзеб не прислал парламентаря? Кому больше нужно перемирие, ему или нам?

— Как сюда доберется парламентарь? — ответил на это Радж Сингх. — Даже муравью не выбраться из этого ущелья.

— Как же тогда туда доберется наш парламентарь? — спросил Дайал Саха. — В прошлый раз Аурангзеб приказал казнить нашего посла. Кто может поручиться, что он не сделает того же теперь?

— Я уверен, что на этот раз он не убьет посла, потому что он заинтересован в договоре, даже если не собирается соблюдать его. Но послать туда нашего парламентаря действительно нелегкая задача.

— Поручите это мне, — попросил Маниклал. — Я доставлю Аурангзебу письмо махараны и привезу ответ.

Никто не усомнился в его словах, потому что все знали, что в хитрости и храбрости Маниклал не имеет равных. Махарана приказал составить послание к Аурангзебу. Дайал Саха подготовил письмо. Смысл его заключался в следующем — падишах выведет все войска из Мевара, запретит убивать коров в Меваре и разрушать храмы, и не будет требовать уплаты джизии. В этом случае Радж Сингх откроет ему путь и беспрепятственно даст уйти.

Послание было зачитано всем собравшимся. Выслушав его, Маниклал сказал:

— У нас в плену жена и дочь падишаха. Мы оставим их в себя?

Его слова вызвали взрыв смеха. Все в один голос заявили, что возвращать их падишаху не следует.

— Пусть остаются, — заметил кто-то. — Будут подметать двор махараны.

— Отправим их в Дакку, — предложил другой. — Там они перейдут в индускую веру и будут славить Вишну.

Третий сказал, что за каждую из них падишах даст выкуп в один крор⁸⁹ рупий. Были и другие предложения.

— Мы не откажемся от перемирия из-за каких-то двух мусульманок, — заявил махарана. — Напишите, что мы возвратим пленниц.

К письму была сделана приписка, его вручили Маниклалу, и на этом заседание совета закончилось.

Глава девятая

Струя воды в огонь

Заседание закончилось, но Маниклал не уходил. Когда все разошлись, он сказал махаране:

— Я должен напомнить вам о награде для Мубарака.

— А что ему нужно? — спросил Радж Сингх.

— Ему нужна дочь падишаха, которая находится у нас в плену.

— Я думаю, что падишах не откажется заключить перемирие, если мы не вернем ему

---

⁸⁹ Крор — десять миллионов.

дочь. Кроме того, могу ли я совершать насилие.

— Насилия совершать не придется. Дочь шаха и Мубарак поженились прошлой ночью.

— Мне кажется, если она сообщит об этом падишаху, все препятствия исчезнут.

— В какой-то степени да, потому что обоим снесут голову с плеч.

— Почему?

— Дочерей падишаха выдают только за шахских сыновей. Дочь Аурангзеба опозорила род делийского падишаха, выйдя замуж за простого солдата. Тем более что она сделала это, не уведомив отца. За это по законам делийского Рангмахала ей придется выпить яд. А Мубарак, поскольку он не умер от змеиного яда, будет посажен на кол или растоптан слонами. Если даже ему простят и это преступление, падишах посадит его на кол, узнав о той услуге, которую он оказал махарадже. Кроме того, он без разрешения женился на дочери падишаха. За это его непременно посадят на кол.

— Могу ли я как-нибудь предотвратить это несчастье? — спросил Радж Сингх.

— Вы можете поставить условием, что не заключите перемирие, если Аурангзеб откажется простить дочь и зятя.

— Согласен, — сказал Радж Сингх. — Ради них я напишу падишаху отдельное письмо. Аурангзеб может простить дочь, но вряд ли он действительно простит Мубарака. Но во всяком случае, я готов поставить такое условие, если это устраивает Мубарака.

Радж Сингх собственной рукой написал письмо и вручил его Маниклалу. В ту же ночь Маниклал отправился в Удайпур.

Добравшись до Удайпура, он первым делом обо всем рассказал своей жене. Нирмал была довольна. Она тоже написала падишаху письмо следующего содержания:

«Шахиншах!

Ваша раба несчетное число раз бьет вам челом. Она исполнила приказание господина. Теперь осталось только получить ваше согласие. Исполните мою последнюю просьбу. Заключите договор».

Вручив это письмо Маниклалу, Нирмал обо всем рассказала Зеб-ун-нисе, и та тоже выразила свое удовлетворение. Тем временем Маниклал сообщил новость Мубараку. Мубарак промолчал.

— Сахэб! — сказал Маниклал, желая предостеречь его, — я не надеюсь на то, что падишах действительно вас простит, если вы к нему вернетесь.

— Это не имеет значения, — ответил Мубарак.

На следующее утро Маниклал попросил у Нирмал ее голубя, привязал письма к его лапке и выпустил его на волю. Голубь тотчас же взвился в небо. Ему было трудно набрать высоту из-за груза, который он нес. Но он собрался с силами и полетел с письмами туда, где Аурангзеб пристально всматривался в небо.

Глава десятая

Когда огонь потух. Удипури обратилась в пепел

Ответ Аурангзеба не заставил себя ждать. Падишах принял все условия Радж Сингха. Только в одном он не хотел уступать, падишах потребовал, чтобы ему вернули Чанчал-кумари. Радж Сингх ответил ему, что скорее он погубит Аурангзеба вместе с его войсками в этом ущелье, чем согласится на это. Аурангзебу пришлось проститься с надеждой на возвращение Чанчал-кумари. Согласившись заключить договор, он приказал писцу составить текст, приложил свою печать и собственноручно подписал: «Утверждаю». В отдельном письме о Зеб-ун-нисе и Мубараке он согласился простить их, но выдвинул условие, чтобы об их браке никто не знал. Он согласился позаботиться и о том, чтобы жена не была лишена общества мужа.

Получив договор, Радж Сингх приказал освободить могольскую армию. С помощью

слонов раджпуты растащили завалы. Моголам неоткуда было взять продовольствие, поэтому Радж Сингх послал им в дар большое количество съестных припасов, навьюченных на слонов. Затем он послал приказ в Удайпур о том, чтобы Удипури, Зеб-ун-нису и Мубарака отослали к падишаху. Нирмал шепотом спросила Чанчал-кумари:

— Разве Удипури тебе прислуживала? Вы не исполнили то, о чем я вас просила, когда приезжала в Дели, — обратилась она затем к Удипури.

— Я разрежу твой язык на куски, — ответила ей Удипури. — Разве в ваших силах заставить меня набивать вам трубку? Разве людишки вроде вас могут удерживать жену падишаха? Ну как, пришлось все-таки дать мне свободу? Но я отомщу вам за оскорбления. От Удайпура не останется камня на камне.

— Я слышала, что махарана отпускает вас по своей доброте, — твердо сказала Чанчал-кумари. — Но вы не имеете никакого представления о благодарности. Вы останетесь здесь. Ступайте в помещение для служанок и приготовьте мне кальян.

— Что вы, махарани! — вступилась Зеб-ун-ниса. — Как вы можете быть столь жестокой?

— Вы можете ехать, вас никто не станет задерживать. А ее я пока не отпускаю.

Зеб-ун-ниса долго упрасивала Чанчал-кумари. В конце концов Удипури утратила все свое высокомерие. Но Чанчал-кумари была неумолима.

— Набей для меня трубку, и тогда можешь уезжать, — повторила она Удипури.

— Я не умею.

— Служанки научат, — ответила Чанчал-кумари. Удипури пришлось покориться. Служанки показали ей, как набивают трубку, и Удипури приготовила кальян для Чанчал-кумари.

Тогда Чанчал-кумари с поклоном отпустила обеих женщин.

— Расскажите падишаху обо всем, что здесь произошло, — сказала она на прощание. — Напомните падишаху о том, что я разбила ему нос, наступив ногой на его портрет. Скажите ему, что если он еще когда-нибудь пожелает оскорбить индусскую девушку, я уже не удовлетворюсь портретом.

Удипури удалилась. Глаза ее были полны слез, как летняя туча, насыщенная влагой.

Получив жену, дочь и съестные припасы, Аурангзеб, поджав хвост, как побитый пес, удрал от Радж Сингха.

Глава одиннадцатая

Ласточка страдает от жажды из-за пожара

Отпустив жену и дочь падишаха, Чанчал-кумари впала в уныние. Моголы потерпели поражение, жена падишаха ей прислуживала — почему же махарана ничего ей не говорит? Увидев у нее в глазах слезы, Нирмал подошла к ней и села рядом. Она понимала, что у нее на сердце.

— Почему бы тебе не напомнить махаране? — спросила она.

— Ты с ума сошла! — воскликнула Чанчал-кумари. — Разве может женщина напоминать о таких вещах?

— Тогда почему бы тебе не написать отцу, в Рупнагар, чтобы он приехал?

— Как я могу снова писать ему после такого ответа?

— Разве можно обижаться и гневаться на отца?

— Это не гнев и не обида. Но стоит мне вспомнить о том, что мое письмо навлекло на меня отцовское проклятье, как у меня начинает трепетать сердце. Разве я осмелюсь снова написать ему?

— Тогда ты писала о замужестве.

— А теперь о чем я стану писать?

— Если махарана ничего тебе не говорит, то мне кажется, тебе лучше всего уехать к

отцу. Аурангзеб туда больше не сунется. Поэтому я и советовала тебе написать письмо. Есть ли у тебя иной выход, кроме возвращения в отчий дом?

Чанчал-кумари хотела было что-то сказать, но промолчала и разрыдалась. Нирмал растерялась.

Вытерев слезы, Чанчал-кумари виновато улыбнулась. Нирмал тоже улыбнулась.

— Я не терялась перед делийским падишахом, — сказала Нирмал, — а перед тобой смутилась. Делийскому падишаху, должно быть, очень стыдно. Имли-бегум тоже есть чего стыдиться. Ну-ка, давай посмотрим, как умеет писать Имли-бегум. Возьми перо и чернила — я буду диктовать.

— Кому писать, матери или отцу? — спросила Чанчал-кумари.

— Отцу.

После того как Чанчал-кумари написала обращение, Нирмал начала диктовать:

— Потерпев поражение от махараны...

Написав первые два слова, Чанчал-кумари сказала:

— Я не стану писать «от махараны», напишу от «раджпутов».

— Как тебе угодно, — усмехнулась Нирмал. Чанчал-кумари продолжала писать под ее диктовку.

Падишах изгнан из пределов Раджпутаны. Теперь он уже не может угрожать нам. Каковы теперь будут ваши приказания своей дочери? Я покоряюсь вашей воле... Махаране я не подвластна, — продолжала диктовать Нирмал.

— Поди прочь, грешница, — вспыхнула Чанчал-кумари. Она не стала писать последние слова.

— Тогда напиши:...и больше никому не подвластна, — предложила Нирмал.

Чанчал-кумари неохотно последовала ее совету. Когда письмо было написано, Нирмал сказала:

— Теперь нужно отправить его в Рупнагар. Чанчал-кумари отослала письмо.

В ответ повелитель Рупнагара написал:

«Я направляюсь в Удайпур с двумя тысячами всадников. Скажи махаране, чтобы он открыл путь».

Чанчал-кумари и Нирмал никак не могли понять, что означает этот странный ответ, и в конце концов решили, что поскольку в письме говорится о войске, то надо поставить в известность махарану. Нирмал послала гонца к Маниклалу.

Махарана находился в таком же затруднительном положении. Он не забыл о Чанчал-кумари и написал письмо Викрам Соланки. Письмо касалось его женитьбы на Чанчал-кумари. Махарана напомнил, что Викрам Сингх проклял свою дочь. Напомнил он и о его обещании. «Каковы ваши намерения в настоящее время?» — спрашивал Радж Сингх.

В ответ Викрам Сингх написал: «Направляюсь к вам с двумя тысячами всадников».

Радж Сингх так же, как Чанчал-кумари, не мог разгадать этой загадки. «Что может мне сделать Викрам Сингх с двумя тысячами всадников? — подумал он. — Я настороже». Радж Сингх приказал пропустить Викрам Сингха, когда он появится.

Глава двенадцатая

Снова вспыхнул огонь

Вернувшись на берега Удайсагара, Аурангзеб разбил лагерь и провел там ночь. Люди и выючные животные ожили, утолив голод. Из солдатских палаток доносились песни, рассказы, шутки.

— Ну и пришлось же нам попоститься! Это оттого, что мы попали в страну индусов, — сказал один могол.

— Хорошо, что хоть живы остались, — заметила одна женщина, — а мы-то думали, вам — конец, да заодно с вами тоже хотели было поститься.

Какая-то певица развлекала песнями нескольких роскошно одетых моголов. Вдруг она стала сбиваться с ритма.

— Что случилось, биби-джан⁹⁰? Почему ты сбилась с ритма? — воскликнули слушатели.

— Я так уверилась в вашей храбрости, — пошутила певица, — что больше не осмеливаюсь оставаться в стране индусов. Я решила уехать в Ориссу, вот я и учусь петь на орисский лад.

Кто-то выразил огорчение по поводу похищения Удипури. Какой-то льстец сравнил индусских воинов с Раваной⁹¹, похитившим Ситу. Другой ответил ему:

— Падишах привел с собой столько обезьян. Почему же они не освободили Ситу?

— Мы солдаты, а не дровосеки, — заявил один воин. — Искусство рубить деревья — это не для нас. Потому-то мы и потерпели поражение.

— Вам знакомо только искусство жать рис, где уж вам справиться с деревьями?

Так шутили между собой могольские воины.

Тем временем падишах, войдя в свой походный гарем, увидел стоявшую перед ним в смиренной позе Зеб-ун-нису.

— Я понимаю, — сказал ей падишах, — что ты сделала это не по своей воле. Поэтому я тебя прощаю. Но будь осторожна! Пусть никто не знает о вашем браке.

Затем падишах встретился с Удипури. Та рассказала ему, каким оскорблениям она подвергалась у раджпутов. Само собой разумеется, что она преувеличила все в десять раз. Рассказ ее очень разгневал Аурангзеба, лицо его потемнело.

На следующий день он до начала общего приема вызвал к себе Мубарака и сказал ему:

— Я простил тебе все твои преступления, потому что теперь ты мой зять. Я не могу назначить своего зятя на низкий пост и сделал тебя мансабдаром двух тысяч всадников. Сегодня выйдет приказ о твоём назначении. Но тебе не придется здесь оставаться, потому что мой сын Акбар, как и я, попался в горную ловушку. Дилир-хан с войсками движется к нему на выручку. Такой воин, как ты, очень там пригодится. Отправляйся сегодня же.

Мубарака вовсе не привели в восторг слова падишаха, он знал, что милость его не предвещает добра. Но, вспомнив, на что он решился, Мубарак не стал огорчаться. Почтительно простившись с падишахом, он стал готовиться к отъезду в лагерь Дилир-хана.

Тем временем Аурангзёб послал с преданным гонцом послание Дилир-хану.

«Посылаю тебе мансабдара двух тысяч всадников Мубарака-хана, — писал падишах. — Пусть он и одного дня не останется в живых. Хорошо будет, если он погибнет в бою, если же нет, придумай какой-нибудь иной способ от него избавиться».

Дилир-хан не знал Мубарака, но, не колеблясь, решил исполнить приказ падишаха.

На общем приеме Аурангзёб изложил свои намерения.

— Мы заключили договор, попав в ловушку этих дровосеков, — сказал он. — Но мы не обязаны соблюдать его. Да и какой может быть договор между падишахом и мелким князьком? Я расторгаю его. Тем более что мне не вернули рупнагарскую принцессу. У Радж Сингха нет на нее никаких прав, потому что мне отдал ее сам отец. Я не прощу Радж Сингха, пока он не вернет мне принцессу. Война будет продолжаться. Пусть мусульмане убивают всех коров, которые попадутся им на глаза в княжестве Радж Сингха, пусть разрушают все индусские храмы. Джизия будет собираться повсюду.

Моголы стали повсеместно выполнять приказ Аурангзеба. Тем временем Радж Сингх, узнав о том, что Дилир-хан собирается вторгнуться в Удайпур из Марвара по дороге в Дайсури, послал к Аурангзебу гонца с вопросом — почему после заключения перемирия продолжают военные действия? Падишах ответил: «Какой может быть договор у падишаха с мелким феодалом? Если ты не вернешь мне рупнагарскую принцессу, падишах

⁹⁰ Биби-джан (обращение) — дорогая.

⁹¹ Равана — демон, персонаж «Рамаяны», похитивший жену Рамы — Ситу. Рама с помощью царя обезьян Ханумана победил Равану и освободил Ситу.

тебя не помилует».

Радж Сингх рассмеялся, получив этот ответ.

— Пока что я еще жив! — сказал он.

Похищение рупнагарской принцессы терзало Аурангзеба, как острые копыя. Поняв, что он не добьется желаемого от Радж Сингха, падишах послал указ «повелителю Рупнагара», в котором говорилось: «Твоя дочь до сих пор не прибыла к моему двору. Без промедления доставь ее сюда, иначе я не оставлю от рупнагарской крепости камня на камне». Аурангзев надеялся, что Чанчал-кумари не осмелится ослушаться повеления отца. Получив указ падишаха, Викрам Сингх написал в ответ: «В скором времени я прибуду к вашему величеству с двумя тысячами всадников».

— При чем здесь всадники? — удивился Аурангзев. Он убедил себя в том, что Викрам Сингх идет с войсками ему на подмогу.

Глава тринадцатая

Пламя начинает жечь Мубарака

Каково могущество красоты! Увидев Зеб-ун-нису, Мубарак снова забыл обо всем на свете. Трудно сказать, произошло ли бы с ним это, если бы он встретил прежнюю Зеб-ун-нису, кичившуюся тем, что сердце ее не знает любви. Но теперь Зеб-ун-ниса смирилась, забыла о гордости, теперь она была полна нежности и научилась плакать. Прежнее чувство вспыхнуло в Мубараке с новой силой. Дария осталась где-то далеко. Если мужчина ослеплен любовью к женщине, для него уже не существует представления о добре и зле, справедливости и несправедливости. Он становится изменником и грешником, каких не видывал свет.

Мубарак сидел в шатре, подобном обители Индры, и держал в своих руках руку Зеб-ун-нисы, а перед ним высились горные цепи, окружавшие темную воду Удайсагара, в которой играли отражения тысяч светильников.

— Я снова нашел тебя, — с горечью проговорил Мубарак, — но на свою беду не могу наслаждаться счастьем и десяти дней.

— Почему? — воскликнула Зеб-ун-ниса. — Кто нам помешает? Падишах?

— Есть у меня и такое подозрение. Но сейчас я говорю не о падишахе. Завтра я еду на войну. На войне каждый может погибнуть, а может и уцелеть. Но мне уготована смерть. Я видел, как сражаются раджпуты, и убежден, что в горной войне мы не сможем победить их. Один раз я уже проиграл бой, возвращаться побежденным еще раз я не могу. Придется погибнуть в бою.

— Бог сделает так, что ты победишь, — со слезами на глазах проговорила Зеб-ун-ниса. — Я умру, если ты не вернешься.

У обоих на глазах показались слезы. «Погибну я или нет?» — задумался Мубарак. Перед ним расстилалась темная гладь озера, окруженного цепью гор, уходящих вершинами в усыпанное звездами небо. В его водах бесчисленным множеством огней горело отражение огромного полотняного города, а вдали один за другим вставали, пропадая во мраке, горные пики. У обоих на душе тоже царил мрак.

— Кто-то прячется в темноте у стен лагеря, — прошептала вдруг Зеб-ун-ниса. — Я постоянно беспокоюсь за твою жизнь.

— Пойду посмотрю.

Мубарак бросился к лагерной стене и увидел, что там действительно кто-то прячется. Мубарак схватил человека за руку и заставил подняться с земли. В темноте Мубарак ничего не мог разглядеть, и подвел его ближе к свету. Там он увидел, что это женщина. Лицо ее было закрыто покрывалом. Оставив ее на попечение стражника, Мубарак вернулся к Зеб-ун-нисе и все рассказал ей. Из любопытства Зеб-ун-ниса приказала привести пленницу в свой шатер.

— Кто ты? — спросила она. — Почему ты пряталась? Открой лицо.

Женщина откинула покрывало, и оба вскрикнули от удивления, — это была Дария-биби!

Для Зеб-ун-нисы и Мубарака эта встреча была как удар грома с ясного неба. Все трое молчали.

Наконец Мубарак проговорил:

— О аллах! Меня ждет смерть!»

— Тогда и меня тоже, — печально проговорила Зеб-ун-ниса.

— Кто вы? — спросила Дария-биби.

— Ступай со мной, — сказал Мубарак. Грустно простившись с Зеб-ун-нисой, он удалился.

Глава четырнадцатая

Еще одна искра

Радж Сингх был выдающимся политиком и стратегом. Пока вся могольская армия не покинула пределы княжества и не отошла на значительное расстояние, он не снялся с лагеря и не отвел своих войск. Он находился в лагере, когда пришла весть, что Викрам Сингх движется из Рупнагара с двумя тысячами воинов. Радж Сингх приготовился к бою.

Прискакал гонец от Викрам Сингха, пожелавший увидеться с махараной. Получив разрешение, стражник впустил его к Радж Сингху. Войдя, гонец совершил пронам и сообщил махаране, что повелитель Рупнагара Викрам Соланки подходит с войсками, желая с ним встретиться.

— Если он хочет встретиться со мной в лагере, — сказал Радж Сингх, — то пусть приходит один. А если он придет в сопровождении своих войск, пусть расположится за пределами лагеря. Я с войсками выйду ему навстречу.

Викрам Соланки согласился встретиться в лагере. Когда он появился, Радж Сингх любезно усадил его. Викрам Сингх привез махаране подарки, потому что махарана Удайпура считался главой раджпутского рода. Но Радж Сингх не принял даров.

— Эти подарки, — сказал он, — полагаются могольскому падишаху.

— Я надеюсь, — ответил ему Викрам Сингх, — что пока жив махарана Радж Сингх, ни одному раджпуту больше не придется приносить дары могольскому падишаху. Махарадж! Вы должны простить меня. Я написал то письмо по недомыслию. Вы хорошо проучили моголов, и я думаю, что если все раджпуты объединятся и будут действовать под вашим руководством, могольской империи придет конец. Вы помните последние строки моего письма. Я приехал не только для того, чтобы вручить вам дары. Я привез вам еще два подарка. Первый подарок — это две тысячи всадников, и второй — мой собственный меч. В моих руках еще довольно силы. Я до последнего дыхания буду исполнять ваши приказания.

Радж Сингх был счастлив услышать его слова и выразил Викрам Сингху свою искреннюю радость.

— Теперь вы говорите как настоящий Соланки! — воскликнул он. — Подлый могол потерпел поражение и спасся только благодаря перемирию. Освободившись, он заявляет, что договор недействителен, и хочет снова начать военные действия. Дилир-хан с войсками движется на выручку Акбару. Вы пришли вовремя. С Ди-лир-ханом нужно покончить, пока он не соединился с Акбаром, иначе принц Джай Сингх окажется в тяжелом положении. С этой целью я послал гуда Гопинатха Ратхора. Но у него очень мало воинов. Я пошлю ему в помощь немного своих солдат. У меня есть опытный полководец, Маниклал, — он поведет их. Аурангзеб рядом, и потому я не могу ни оставить эту позицию, ни послать с Маниклалом больше воинов. Я прошу вас отправиться со своими всадниками туда же. Соединившись, вы втроем уничтожите армию Дилир-хана.

— Ваш приказ будет выполнен, — с готовностью отвечал Викрам Сингх.

С этими словами он попрощался с Радж Сингхом и ушел, чтобы подготовиться к походу. О Чанчал-кумари не было сказано ни слова.

Глава пятнадцатая

Конец Мубарака И Дарии-биби

Гопинатх Ратхор, Викрам Соланки и Маниклал выступили в поход, чтобы уничтожить Дилир-хана. Они устроили засаду в трех местах у дороги, по которой приближались его войска. Все три раджпутских отряда находились недалеко друг от друга. Всадники Викрам Сингха не могли устроить засаду на высоком горном плато. Викрам Сингх сам был горцем, но ему приходилось держать конницу, иначе он не смог бы преследовать своих врагов и разбойников, живших в долинах. Да и сам он, как и прочие мелкие князья, не упускал случая пограбить деревни соседа в ночное время. В горах воины Викрам Сингха спешили и превращались в пехотинцев, но теперь бросить коней было нельзя, так как раджпутам предстояло преследовать моголов. Это затрудняло ведение боя. Викрам Сингх не стал поэтому подыматься в горы, а, отыскав сравнительно ровное место, выстроил своих всадников за лесом. Вторую засаду устроил Маниклал с пехотинцами Радж Сингха. Последним расположился Гопинатх Ратхор.

Помня о несчастье, которое постигло Акбара, Дилир-хан продвигался с большой осторожностью, высылая вперед конную разведку. Разведка без труда обнаружила всадников Викрам Соланки. Дилир-хан двинул против них часть своей армии. Простоватый в обычных житейских делах, в бою Викрам Соланки был необыкновенно хитер и изобретателен, а ведь очень часто стратегия это всего только хитрость. Навязав моголам небольшую стычку, он отступил, желая сбить с толку Дилир-хана.

Дилир-хан миновал засаду Маниклала, ему не удалось обнаружить спрятавшихся раджпутов — Маниклал был очень осторожен. Следуя за отступающим Соланки, Дилир-хан решил, что отступила вся раджпутская армия, и двигался дальше уже без прежних предосторожностей. Маниклал выжидал, нападать было еще не время.

Затем Дилир-хан подошел к засаде Гопинатха Ратхора. Дорога в этом месте сильно сузилась, и, когда моголы вошли в ущелье, Гопинатх Ратхор бросился на них как тигр.

— Пройди со своим отрядом вперед и оттесни их, — приказал Мубараку Дилир-хан. Мубарак двинулся вперед. Но разве мог он отбросить Гопинатха Ратхора? Могольским войскам было тесно на узкой дороге, и раджпуты давили их по одному, как мальчишки давят выползающих из муравейника муравьев. Армии Дилир-хана пришлось остановиться.

Маниклал понял, что подходящий момент наступил. Спустившись с гор, его воины, как удар грома, обрушились на Дилир-хана. Моголы стали отчаянно обороняться. Но в это время подоспел Викрам Соланки и ударил моголам в тыл со своими двумя тысячами всадников. Атакованные с трех сторон, моголы на выдержали. Кто смог, спасся бегством, но большинству бежать было некуда — они остались лежать на поле боя, как колосья риса, скошенные крестьянскими серпами.

Только перед войсками Гопинатха Ратхора кучка могольских воинов не желала отступать ни на пядь. Воины сражались, презирая смерть. Это были отборные воины — цвет могольской армии. Впереди всех был Мубарак. Под натиском многочисленных раджпутов воины гибли один за другим. Скоро их осталось всего несколько человек.

Заметив жестокую схватку, Маниклал бросился туда.

— Не убивайте их! — крикнул он раджпутам. — Это герои! Отпустите их на свободу. Раджпуты мгновенно опустили оружие.

— Идите! — сказал Маниклал могольским воинам. — Я отпускаю вас. Никто не причинит вам вреда.

— Мы никогда не отступаем в бою, — сказал один могольский воин. — Не отступим и сегодня.

Кучка могольских воинов снова приготовилась к бою. Тогда Маниклал обратился к Мубараку:

— К чему вам продолжать бой?

— Чтобы умереть, — ответил Мубарак.

— Но зачем?

— Разве вы не знаете, что для меня смерть — единственный выход?

— Тогда для чего же вы женились?

— Чтобы умереть.

В этот момент по горам прокатился грохот выстрела, и Мубарак с пробитой головой рухнул на землю. Маниклал увидел, что он мертв. На плоскогорье стояла женщина с ружьем в руках. Из дула ружья струился дымок. Нужно ли говорить, что это была безумная Дария-биби!

Маниклал приказал поймать женщину. Она с диким хохотом бросилась бежать. С тех пор больше никто не видел Дарию-биби.

После боя Зеб-ун-ниса узнала о смерти Мубарака. Она сорвала с себя все украшения, упала на каменистый берег Удайсагара и зарыдала.

Глава шестнадцатая

Конец венчает дело. Исполнение желаний

Викрам Сингх Соланки с триумфом вернулся в лагерь Радж Сингха. Махарана сердечно обнял его.

— Осталось еще одно, — сказал Викрам Сингх, — моя дочь. От всего сердца благословляю вас и отдаю вам ее в жены. Вы согласны?

— Едем тогда в Удайпур, — ответил ему махарана.

Викрам Сингх с двумя тысячами всадников отправился в Удайпур. И нужно ли говорить, что в тот же вечер состоялось бракосочетание Радж Сингха и Чанчал-кумари.

Рассказывать о том, что происходило после этих событий, дело историка, а не писателя. Аурангзеб снова собрался в поход против Радж Сингха. К нему присоединился Азим. Объединившись со знаменитым Дургадасом из Марвара, Радж Сингх напал на Аурангзеба. Падишах вновь потерпел позорное поражение и бежал, как побитый пес. Раджпутам досталась богатая добыча. Армия Аурангзеба понесла большие потери.

В своем паническом бегстве Аурангзеб и Азим нашли пристанище в бывшей столице раджпутских князей — Читторе, но и там им не было спасения. Знаменитый раджпутский полководец по имени Субалдас зашел им в тыл и расположил свои войска между Читтором и Аджмиром. Могольской армии опять угрожало окружение. Послав навстречу Субалдасу хана Рахилу с двенадцатью тысячами солдат, сам Аурангзеб бежал в Аджмир. Больше он уже никогда не появлялся в Удайпуре. Это желание пропало у него на всю жизнь.

Тем временем Субалдас наступал на хана Рахилу. Разбитый хан Рахил тоже бежал в Аджмир. Сын Радж Сингха принц Бхима Сингх вторгся во владения моголов в Гуджарате, разграбил все города и селения и даже столицу могольского наместника. Он захватил обширные земли и распространил власть Радж Сингха до Саураштры. Жители, страдавшие от набегов Бхима Сингха, пожаловались Радж Сингху. Великодушный махарана принял близко к сердцу их горести и отозвал Бхима Сингха. Это же великодушие не позволило ему восстановить империю индусов.

Но главный министр Радж Сингха Дайал Саха был совсем другим человеком. Он был сторонником войны. В Мальве, в отместку за то, что Аурангзеб подвергал гонениям индуистов, он принялся истреблять мусульман. Дайал Саха брил головы мусульманским судьям, бросал в колодцы священный коран.

Объединившись с войсками принца Джай Сингха, войска Дайал Саха настигли Азима возле Читтора и завязали с ним бой. Азим был разгромлен и спасся бегством.

Война продолжалась четыре года. Моголы терпели одно поражение за другим. В конце концов Аурангзебу пришлось заключить мирный договор. Он принял все условия махараны. Ему пришлось согласиться и еще кое на что. Моголы никогда еще не получали такого урока.

Послесловие

Автор обращается к читателям с нижайшей просьбой не думать, что эта книга написана с целью подчеркнуть разницу, существующую между индусами и мусульманами. Быть индусом или мусульманином, это еще не значит быть плохим или хорошим. И у индусов, и у мусульман есть свои достоинства и недостатки. Больше того, нельзя не признать, что во времена, когда мусульмане были повелителями Индии, они как политики превосходили своих современников индусов. Однако неверно было бы утверждать, что все мусульманские правители лучше индусских. Иногда большими достоинствами отличались мусульманские, иногда — индусские правители. Лучшим всегда является тот, кто наряду с прочими достоинствами обладает добродетелью, будь он индус или мусульманин. Тот же, кто обладает всеми достоинствами, не обладая добродетелью, плох как правитель. Аурангзеб был человеком низким, несправедливым, поэтому с него начался упадок могольской империи. Радж Сингх, наоборот, был благороден, поэтому он смог нанести могольскому падишаху позорное поражение, хотя и был главой маленького княжества. Эта мысль нашла отражение в нашей книге. Каков раджа, таковы и его приближенные. Это можно понять, сравнив Удипури и Чанчал-кумари, Зеб-ун-нису и Нирмал, Маниклала и Мубарака. С этой целью и написан наш роман.

Аурангзеба можно сравнить с Филиппом Вторым испанским. Оба они были повелителями грандиозных империй. Оба выделялись своим богатством, военной мощью и славой среди всех других повелителей мира. Оба они были наделены трудоспособностью, осторожностью и прочими качествами политических деятелей. Но оба они были жестоки, лицемерны, бессердечны, высокомерны, эгоистичны. Оба угнетали своих подданных. Поэтому оба они посеяли семена гибели — своих империй. Оба потерпели поражение от более слабого врага — Филипп от англичан (которые тогда были небольшим народом) и голландцев, Аурангзеб — от маратхов и раджпутов. Предводителя маратхов Шиваджи можно сравнить с английской королевой того времени — Елизаветой. Но между Вильгельмом Оранским, и Радж Сингхом еще больше общего. Оба не знают в истории себе равных. Вильгельм Оранский приобрел в Европе славу патриота, героя и добродетельного человека. Но у нашей страны нет истории, поэтому никто не знает у нас о Радж Сингхе.

